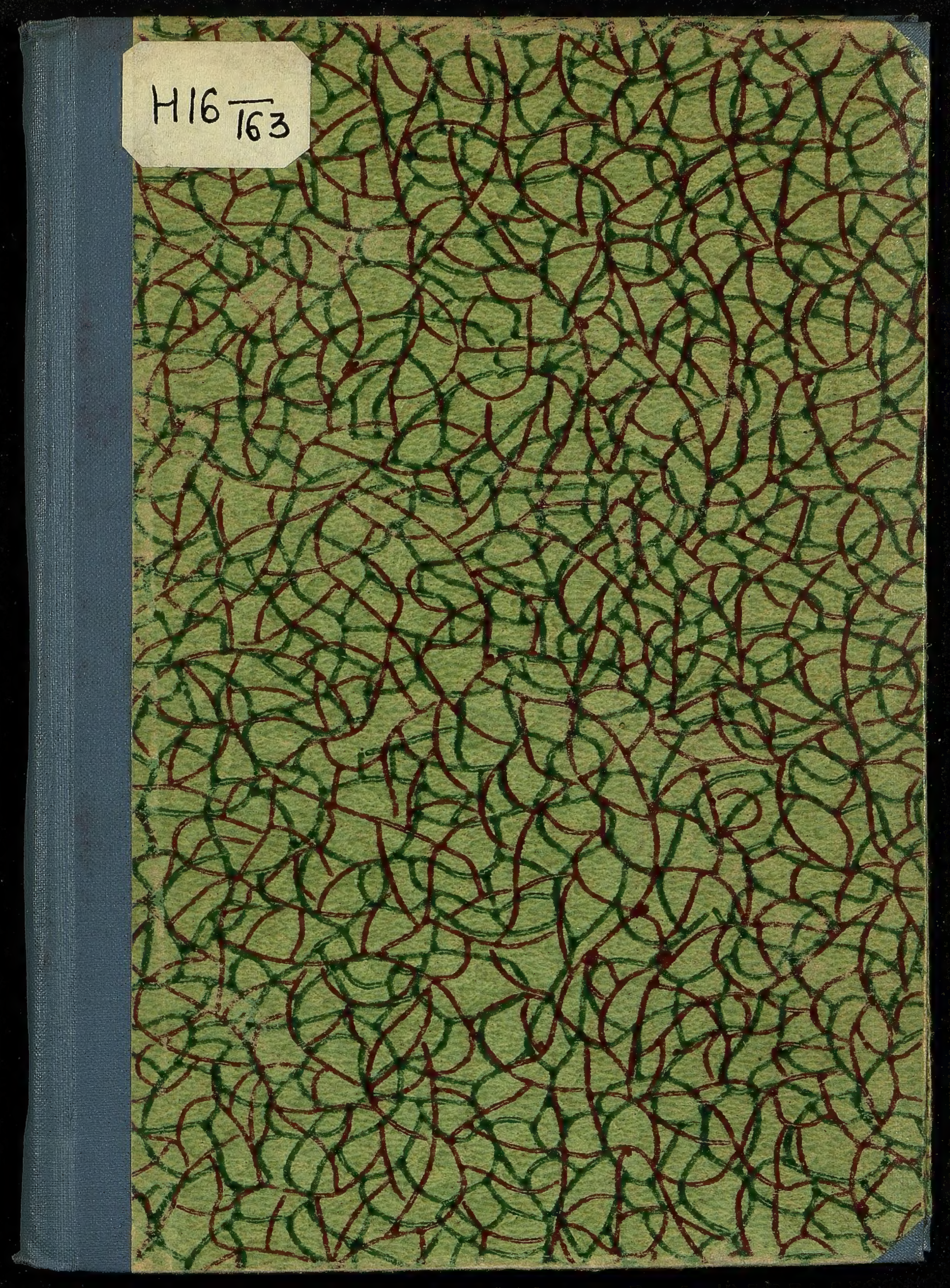

H16 163

ГЕРМАН ГОРТЕР

ИМПЕРИАЛИЗМ, МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Государственное Издательство
1920

ГЕРМАН ГОРТЕР

ИМПЕРИАЛИЗМ, МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1920

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
I.	Империализм	5
II.	Мировая война	9
III.	Пролетариат. Мировой капитал против мирового труда	13
IV.	Национализм пролетариата	21
V.	Пример Германии. Причины, вызвавшие национализм среди пролетариата. Критика их	25
VI.	Причины национализма в пролетариате	54
	a) Несознательное отношение к империализму	
	b) Реформизм	
VII.	Национальное выступление масс	73
VIII.	Причины национализма в пролетариате:	
	c) Радикалы. Каутский	77
IX.	Марксистское направление. Национальное и международное выступление масс	107
X.	Будущее	118
XI.	Новый Интернационал	147

Гиз. № 562. (Р. В. Ц. Москва). Печ. 20000 экз.

16-я типография М. С. Н. Х. Трехпрудный, 9.

К русскому изданию.

Некоторые сведения о Германе Гортере, в настоящее время члене Голландской Коммунистической Рабочей Партии, даны мною в предисловии к русскому изданию его „Исторического материализма“, появившемуся в 1919 году.

Предлагаемая теперь книга „Империализм, мировая война и социал-демократия“ появилась в Голландии в первые же месяцы империалистской войны, а три главы, как указывает автор в своем предисловии, в основных чертах возникли еще в эпоху Базельского социалистического конгресса, т. е. относятся к концу 1912 года.

При головокружительной быстроте, с какою изменяется современный мир, можно было бы ожидать, что книга Гортера представляет теперь чисто исторический интерес. Конечно, это уже само по себе служило бы достаточным оправданием ее перевода. В произведениях теоретиков и вождей, которые с первых недель империалистской войны призывали пролетариат к обостренным формам классовой борьбы, к гражданской войне, заявлял о себе зарождающийся Третий Коммунистический Интернационал.

Могло бы на первый взгляд показаться, что многие страницы книги Гортера теперь окончательно устарели. Например, те главы, где он обстоятельно доказывает, что задача пролетариата—не в обороне „общего отечества“, что его место—не в рядах той или иной из империалистских группировок, и что империалистская фаза капитализма, сплачивая буржуазию всего мира, тем самым требует от пролетариата всего мира боевого сплочения. Казалось бы, теперь не стоит доказывать, в особенности так обстоятельно, что единственно достойным и целесообразным ответом пролетариата на мировую войну была бы мировая социалистическая революция.

Но, к сожалению, даже эти части книги Гортера устарели далеко не в такой степени, как представляется с первого взгляда. У нас все еще сохраняются жалкие группки, которые, фактически давно превратившись в лакеев и наймитов буржуазии Антанты и прямо или косвенно пролагая пути для грабительских походов на рабоче-крестьянскую Россию, до сих пор называют себя социалистическими. Пусть от Гортера они лишний раз услышат оценку своих действий.

Что касается Запада, влияние старых вожаков далеко еще не изжито. И если бы угроза социалистической революции, идущая из России и заставляющая буржуазный мир замазывать противоречия его разбойничьих интересов, не предотвращала новой империалистской войны, мы, пожалуй, еще раз увидали бы, что этим вожакам удалось впрячь некоторую часть рабочего класса в кровавую и грязную колесницу империалистской буржуазии.

Но есть еще одна причина, почему книга Гортера не устарела за шесть лет, прошедшие со времени ее первого издания. Он справедливо видит в „оборончестве" не случайное явление, а необходимый результат тех течений, которые задолго до войны приобрели господство в рабочем движении, и которые он называет реформизмом и „радикализмом".

Гортер убедительно показал, что радикалы, примером которых для него является Каутский, своей деятельностью в национальных рамках и во Втором Интернационале подготовляли последнему тот бесславный конец, который наступил с первых дней империалистской войны. Они всегда были проникнуты отрицательным отношением к революционным выступлениям масс и вообще к революционным методам, низводили всю борьбу к парламентским методам, сеяли расслабленные пацифистские иллюзии, возбуждая надежды на сокращение и прекращение вооружений по соглашению между национальными группами буржуазии и замаскировывая реальные силы и стремления империализма, и отклоняли пролетариат от единственно действительной—революционной, социалистической, широкой, массовой, активной борьбы. Гортер правильно утверждает, что „радикалы" типа Каутского и Кунова в одинаковой мере с реформистами типа Шиппеля и Бернштейна виновны в той кошмарной и кровавой трагедии, которую мировой пролетариат пережил за последние годы.

Разумеется, было бы близоруко игнорировать те объективные условия, которые заставляли известные группы пролетариата итти за реформистами и радикалами. Гортер, не экономист вообще, в своей книге только мимоходом останавливается на экономической стороне империализма; тем не менее он дает достаточные указания, каким образом империализм, при содействии реформистов и радикалов, способен был деморализовать некоторые слои рабочего класса. Этим слоям, как и некоторым группам мелкой буржуазии, перепадало и во всяком случае могло кое-что перепасть от плодов того разграбления, которое нес с собою империализм. Реформизм, направляя все внимание рабочего класса на возможность частичных завоеваний и отвлекая мысль от широких общественно-исторических связей, от всеохватывающих революционных перспектив, создавал для империалистской буржуазии известную опору и среди рабочего класса.

Гортер показал в своей книге, что события, разыгравшиеся после июля—августа 1914 года, были подготовлены всем предшествующим периодом рабочего движения. В эпоху, когда реформы сделались

невозможными, когда буржуазия стала неуклонно-неуступчивой, как никогда,—реформизм призывал достигать реформ на путях сотрудничества с господствующими классами. В эпоху, когда рабочий класс должен был развернуть бешеную энергию в революционной борьбе против мировых хищников, его убаюкивали надеждами на то, что сами хищники по взаимному соглашению устранят империализм с его гнетущими тягостями, с его угрозой отбросить далеко назад все человечество. В эпоху, когда империализм объединял всю буржуазию в боевой союз, направленный против пролетариата всего мира, в эпоху, когда мировая война явилась смертельной угрозой для всего рабочего класса,—его призвали к защите капиталистических отечеств, к взаимоистреблению, к усилению грабительских сил национальных групп буржуазии.

Подводя итоги, Гортер выносит следующий суровый, но совершенно правильный приговор (стр. 110—111):

„Радикалы ослабили решимость массы к борьбе и ничего не делали для того, чтобы помешать войне. А когда война началась, они почти все голосовали за нее.

„Если мы вспомним все речи и все статьи радикалов в Германии в течение последних двадцати или тридцати лет, их заявления, что только пролетариат является единственным сторонником и хранителем мира, если мы вспомним их угрозу, что правительствам не так-то легко будет отважиться начать войну из боязни пролетариата и революции после войны, и если мы сравним с этим их бездеятельность, их отговариванье рабочих от выступления масс и их голосование за военные кредиты,—тогда в нашей памяти встанет ряд других представителей германского народа, других германских парламентариев. Перед нашей памятью встанут либералы 1848 года.

„Подобно тому, как последние склонялись перед князьями и дворянами, так теперь радикальные социал-демократы склоняются перед королем, князьями, юнкерством и буржуазией.

„То же мужество на словах перед сражением, та же трусость во время боя.

„Все тот же рабский дух“.

Наследие этой полосы в рабочем движении,—именно потому, что она была длительной,—не может быть разом вытравлено из голов рабочего класса. Кровавый опыт империалистской войны произвел сдвиг колоссальных размеров. Тем не менее не только „радикализм“, поразительно живо напоминающий о германских либералах 1848 года, но и реформизм все еще далеко не сошли со сцены. Раскол Независимой Рабочей Партии в Германии наносит им смертельный удар. Но в других странах Запада потребуются еще многочисленные ошибки, потребуется еще не мало суровой, напряженной борьбы для того, чтобы рабочий класс в целом окончательно освободился от оков, которые буржуазия при содействии соглашателей налагает на его руки и ум. Благодаря этому книга Гортера все еще

остается современною книгой: написанная в первые недели империалистской войны, она помогает разобраться в отношениях настоящего времени.

Однако, время написания не могло не отразиться на многих отделах, в особенности на первой, третьей и последней главах, которые, хотя и были явным образом переработаны, тем не менее многое сохраняют в таком виде, как оно было написано в дни Базельского конгресса. Но и другие главы, написанные в октябре 1914 года, или хотя бы пересмотренные в сентябре 1915 года: от этой эпохи нас отделяет в сущности целый геологический период. Тогда все было гадательным даже в исходе империалистской войны: победит ли англо-французская или германская группировка, или же война окончится взаимным истощением противников? Теперь мы уже третий год переживаем классовую войну, расширяющуюся в мировую войну и, при всех колебаниях, обещающую закончиться только победой мира эксплоатируемых над миром эксплоататоров. Тогда рабочий класс, за исключением отдельных слабых отрядов, покорно склонялся под игом своих классовых врагов и, неся неисчислимые жертвы, делал их дело. Теперь III Коммунистический Интернационал, объединивший уже большинство активных слоев рабочего класса, быстро наносит соглашателям удар за ударом и объединяет новые и новые сотни тысяч и миллионы рабочих для революционного действия, для последних решительных битв. Тогда—военная диктатура, задавившая всякое проявление самостоятельной классовой жизни в пролетариате Европы. Теперь—нарастающее восстание угнетенных всего мира против мировых угнетателей.

Нет сомнений, что, если бы Гортер писал в настоящее время, он с большей сжатостью формулировал бы свои положения, не повторял бы одну и ту же мысль на разные лады по нескольку раз, что иногда производит на читателя утомляющее действие. Эти мысли были бы теперь совершенно ясны для самого автора, и он высказывал бы их с большей краткостью и энергией, между тем как в предлагаемой книге он, видимо, еще и сам не вполне свыкся с ними.

Все стало иным, и при свете совершившихся изменений все стало яснее. Гортеру,—да и не одному Гортеру, но и всем, кто вместе с ним исполнил тогда свой долг перед рабочим классом,—во многом приходилось итти ощупью. Отчетливо виднелась только основная линия: беспощадная война против войны, боевое единство пролетариата против всего буржуазного мира, никаких иллюзий мира, сотрудничества и соглашения. Но формы и условия назревшей борьбы и темп ее развития были неясны.

Повидимому, автор во время написания книги не представлял себе всей глубины того развала капитализма, который выявится в войне, и думал, что человечеству предстоит еще пережить продолжительную эпоху, когда рабочий класс, отбросив тактику реформистов и радикалов и обратившись к революционным методам, будет

совершать частичные завоевания и путем этих частичных завоеваний приводить капитализм к окончательному крушению. Он говорит (стр. 94, 95, 96):

„Победу социализма нельзя мыслить себе, как какую-либо катастрофу, совершающуюся внезапно...

„Так как победа социализма есть процесс, долгий ряд битв, то ни один из них не может пока *уничтожить* всего капитализма...

„Каждое проявление борьбы представляет лишь *попытку* (подчеркнуто мною, как и в дальнейших местах. *Н. С.*) уничтожить капитализм, способствовать победе социализма...

„Каждая победа, которая будет достигнута отныне над новыми формами капитализма, над крупным банком, тем или иным трестом, союзом предпринимателей, синдикатом,—или над империалистским государством, над империализмом,— каждая такая победа, которая даст возможность рабочему классу достигнуть в борьбе высшей организации, большей сознательности и веры в себя, а также большей силы,—каждая такая победа является помимо всего прочего победой социализма как раз потому, что эти формы суть высшие, последние формы капитализма...

„И ряд таких битв, таких побед, становящихся все более крупными, охватывающих все большие круги общества, приведет к полной победе...

„Ввиду того, что *победа социализма представляет ряд частичных побед над высшими формами капитализма,* нежелание победы над империализмом означает отказ от победы социализма".

Как туманно представлял себе Гортер эти частичные победы, лучше всего покажет следующая приводимая им иллюстрация (стр. 95):

„Если бы рабочим удалось взять в свои руки (каким способом? *Н. С.*) только один синдикат, это не было бы еще уничтожением капитализма, осуществлением социализма, но все же это было бы победой социализма, частичной его победой".

Конечно, в настоящее время Гортер не написал бы этих строк. Как опыт России, так и—пока!—неудачные опыты Германии показали с тех пор, что для частичных побед нет места. И как они были бы возможны без соглашений с противниками? Самое понятие частичности предполагает, что власть остается в руках классовых противников пролетариата, которые только принуждаются к тем или иным уступкам. Опыт, пережитый за последние годы, показал, что действительный путь к социализму идет только через завоевание политической власти пролетариатом, через его диктатуру. А это завоевание не достигается по частям: оно может осуществляться только *разом*, представляет не какой-нибудь длительный процесс, а короткий и острый, революционный *акт*. Но, само собой разумеется, этому нисколько не противоречит, что подобному акту предшествует известная подготовка, в процессе которой пролетариат окончательно изжи-

вает соглашательские иллюзии и устраняет систематически предающих его вожаков. И нисколько не противоречит, что за этим актом следует период, когда пролетариат, подавляя все контр-революционные покушения, в упорном, настойчивом, героическом труде и борьбе строит социалистический мир.

Когда Гортер писал свою книгу, он еще не мог видеть, что развитие борьбы с такой неумолимой отчетливостью поставит вопрос: более варварская, более свирепая, более неуклонная, чем когда бы то ни было раньше, диктатура буржуазии, или несущая полное освобождение всех угнетенных диктатура пролетариата?

Вот еще пример того, насколько Гортеру приходилось ощупью намечать путь, который выведет пролетариат из империалистского рабства.

Поставив на стр. 142 ряд вопросов, большинство которых в настоящее время перестало быть вопросами, и указав на необходимость готовиться к международному и национальному выступлению против империализма, Гортер продолжает (стр. 143):

„Но для этого необходима огромная духовная и моральная сила, большая доза идеализма и сильная организация.

„Но разве в большинстве стран мы уже не имеем на-лицо такой организации?

„Задача лишь в том, чтобы наполнить ее новым международным духом, новой духовной и моральной силой".

В настоящее время мы знаем, что в решающих случаях развитие пошло мимо старых организаций, неспособных наполниться новым содержанием: пошло путем создания новых организаций, коммунистических партий, и путем ускоряющегося разложения старых социал-демократических и социалистических партий.

Гортер видел, что необходим новый пролетарский Интернационал. Но, во-первых, его деятельность он мыслил прежде всего в плоскости борьбы против империализма, против „второй великой мировой войны", и лишь на втором плане и более или менее косвенно в плоскости борьбы за социализм (см. стр. 149 и вообще заключительную главу, а также 146 и др.); ему казалось, что по окончании империалистской войны, начавшейся в 1914 году, капитализм еще сумеет и успеет настолько оправиться и консолидироваться, что попытается повторить недавнюю империалистскую историю. Во-вторых, для Гортера не исключалась та возможность, что новый Интернационал революционного действия возникнет из Второго Интернационала. В настоящее время в этой области все выяснилось до полной прозрачности.

Отметим одно ошибочное утверждение Гортера. В примечании к стр. 143 он пишет: „Подобно тому, как Маркс недооценил силу экспансии капитала, так же недооценил он и экономическую и духовную силу, которая нужна пролетариату для того, чтобы победить".

Что касается явлений, характеризующих империалистскую фазу промышленного капитала, то неизвестно, как мог бы Маркс дать им полную оценку, раз по признанию самого Гортера эта фаза открывается со второй половины девяностых годов, т.-е. более чем десятилетием позже смерти Маркса. А с другой стороны, Гортер ограничивается этим беглым замечанием и нигде не показывает, каким же это способом такая „недооценка" повлияла на представления Маркса об условиях и формах социалистической революции. Не хочет же автор сказать, что, изведав империализм, мы должны „пересмотреть" известную главу „Капитала" об исторических тенденциях капитала? Но ведь противоречия капиталистического производства в империалистскую эпоху не перестали быть капиталистическими противоречиями и не утратили своего основного характера: они только многократно обострились. Каким-то бесцельным и беспредметным становится при таких обстоятельствах и сделанное Гортером в том же примечании указание: „Маркс не предполагал, что перед пролетариатом будет стоять выбор: империализм или социализм". Еще бы предполагать!

Что касается утверждения Гортера, будто Маркс недооценивал „экономическую и духовную силу, которая нужна пролетариату для того, чтобы победить", здесь достаточно будет следующей цитаты из „Гражданской войны во Франции":

„Рабочий класс знает, что для того, чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы жизни, к которой неудержимо стремится современное общество в силу своего собственного экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и людей и обстоятельства".

Ряд таких же цитат читатель может найти в книге *Н. Ленина*— „Революция и государство".

Несомненно, однако, что этих и целого ряда других утверждений, вклинивающихся в книгу Гортера, не повторил бы теперешний Гортер. Он, еще до империалистской войны порвавший с реформистской голландской социал-демократией, в настоящее время является членом Голландской Коммунистической *Рабочей* Партии,—одной из тех партий, которым посвящена работа *Н. Ленина* —„Детская болезнь „левизны" в коммунизме".

Книга Гортера может послужить нам мерилом той быстроты, с какой раскачиваются и расшатываются старые отношения, с какой изменяются и условия, существовавшие в отдельных государствах, и вся мировая обстановка. Написанная человеком, революционным по всему своему складу и способным прозревать революцию, назревающую среди, казалось, небывало упрочившихся капиталистических отношений, среди небывалого по полноте торжества капитализма, превратившего пролетариат в пушечное мясо для своих целей, эта книга в революционнейших из своих предположений через шесть лет по написании оставлена далеко позади действительно развернув-

щейся революцией, которая, однако, все еще не пошла дальше своих первых шагов.

Но, несмотря на грандиозный сдвиг, совершившийся во всем мире, остается много застойных пластов, которые еще не пришли в движение и своей инертностью, своим сопротивлением ослабляют разгоревшуюся борьбу. Если принять во внимание эти пласты, все еще не отбросившие старых вождей, старых иллюзий и предрассудков, то нам придется признать, что во многих отделах книга Гортера сохраняет не только исторический интерес, но до сих пор остается и современною книгой.

И. Степанов.

Ноябрь 1920 года.

Первая, третья и последняя главы этой книги представляют из себя, в главных чертах, речь, которую автор должен был произнести на Международном Социалистическом Конгрессе в Базеле. Эта речь не могла быть произнесена, потому что Конгресс постановил не касаться этого вопроса. Но теперь, когда первая империалистическая мировая война вспыхнула, настоятельно необходимо выпустить эту книгу в свет для борьбы с позицией II Интернационала по отношению к империализму и мировой войне.

Октябрь 1914 г.

Немецкое издание представляет из себя перевод с третьего готовящегося выйти в свет голландского издания.

Автор извиняется за недочеты в переводе, вызванные военным положением.

Сентябрь 1915 г.

I.

Империализм.

От Международного Союза Рабочих, основанного Марксом в 1864 году, сошедшего со сцены в 1872 году и вновь восстановленного в 1889 году, остались лишь развалины. В первый раз, когда он должен был проявить себя действительно в международном масштабе,—он распался. В войне между Германией и Австрией—с одной стороны и тройственным союзом: Англией, Францией, Россией, Сербией и Бельгией—с другой, рабочие партии Германии, Австрии, Англии, Франции и Бельгии встали на сторону „своей“ буржуазии, и то здесь, то там раздаются уже ярые нападки одной рабочей партии на другую, как будто бы это были враги. Получается такое впечатление, что Интернационал растерял свои социалистические идеи.

Предлагаемая брошюра имеет целью исследовать причины этого развала, этого поражения социал-демократических идей и социал-демократической организации. Необходимо обрисовать деятельность Интернационала до настоящего времени, деятельность, которая явилась причиной его распада, выяснить характер изменений, происшедших в нем, наметить те формы, которые он должен принять, и борьбу, которую он должен вести, чтобы достичь своей цели.

Гигантский рост капитала, которому способствовало увеличение производительных сил в XIX столетии, породил империализм: стремление всех сильных держав к приобретению новых областей, особенно в Азии и в Африке.

Точно так же, как в экономической области, свободная конкуренция должна была уступить место монополии синдиката и картеля, так и в политической области каждое сильное капиталистическое государство стремится к монополии земельных владений и к эксплоатации чужих стран.

Первым проявлением нарождающегося империализма, его первым актом было занятие Египта со стороны Англии. Далее следовала война Японии против Китая, завоевание Японией Кореи, война Америки против Испании, захват Америкой Кубы и Филиппинских островов, война англичан против буров, экспедиция европейских государств против Китая, война Японии против России.

Земной шар оказался поделенным, за исключением незначительных областей в Африке.

Один военный кризис следовал за другим. Державы оспаривали друг у друга владения.

Марокский кризис угрожал три раза европейскому миру. Балканский кризис—два раза. Затем вспыхивает итальянско-турецкая война из-за Триполи; потом войны Сербии, Болгарии и Греции против Турции, у которой они намеревались отнять часть ее владений.

Напряжение становится все сильнее. Раздел Турции разжигает страсти, алчность и властолюбие всех. Германия домогается Малой Азии, Месопотамии, бельгийского и французского Конго, Нидерландской Индии, португальских колоний, области Центральной Африки, Марокко и даже кусочка английских колоний. Франция стремится удержать огромные колониальные владения, которые она захватила в последнее столетие и, по возможности, захватить еще больше: Сирию, часть Малой Азии, немецко-африканские владения. Италия стремится к увеличению своих владений в Африке и, по возможности, на восток от Средиземного моря. Англия хочет удержать то, что она имеет, и превратить Африку в английскую часть света. Она стремится захватить всю область от мыса Доброй Надежды до Египта и за Суэцкий канал через Малую Азию, Месопотамию, Аравию, Персию и Афганистан до Индии [1].

Германия, Франция, Россия, Англия, Япония—все они с вожделением смотрят на Китай.

---

[1]) Характер империализма в различных странах различен: напр., русский империализм другого рода, чем английский. Но выяснение различия между ними завело бы слишком далеко. Следует только отметить, что империализм государств, в которых капитализм не достиг высокой ступени развития,—как в Австро-Венгрии, России и Японии,—он все же капиталистического происхождения. Эти государства хотят обеспечить себе капиталистическую будущность.

Голландия хочет удержать Нидерландскую Индию.

Бельгия—Конго.

Португалия—свои Африканские колонии.

Все эти маленькие государства стремятся все в большей и большей степени эксплоатировать и порабощать свои колонии.

Австро-Венгрия хочет получить восточное побережье Адриатического моря, Сербию, часть Македонии и доступ в Эгейское море.

Россия стремится захватить Балканский полуостров, Турцию, Малую Азию, Персию, Монголию, а, пожалуй, и порты Атлантического океана.

Все государства ищут места сбыта для своих товаров, возможности получить больше процентов на капитал.

Империализм не удовлетворяется колониями, ему надо завоевать сферы влияния для торговли, промышленную и финансовую монополию.

Не следует, впрочем, думать, что империализм стремится лишь к увеличению заморских колоний. Россия и Австрия, которые стремятся к увеличению своих владений в Европе, доказывают это.

Если это представляется необходимым в целях завоевания и порабощения колоний, капитал стремится к экспансии[1]) путем завоевания и подчинения других государств внутри Европы или, по крайней мере, путем того что эти государства становятся по отношению к нему в зависимое положение. Так, Германия стремится теперь поработить Бельгию, Польшу, потом Голландию, позднее, может быть, Данию, если эти страны, в силу ли их географического положения или благодаря их портам, будут ей нужны для распространения ее влияния на весь мир и для борьбы с Англией. Все большие державы стремятся к мировому господству над морями, к монопольному положению для своего народа.

Чтобы достигнуть всех или хотя бы некоторых из этих целей и обуздать аппетиты других государств, великие державы заключили между собою союзы: Германия с Австрией, Англия с Францией и Россией.

Мировая война начата для того, чтобы достичь в этой борьбе хотя бы временных результатов, довести ее хотя бы до первой ее фазы. Зачинщиком, виновником этой войны является, таким обра-

---

[1]) Помещение капитала за границей. Прим. перев.

зом, не единичное какое-нибудь государство, но все без исключения державы, которые проводят империалистическую политику и стремятся к расширению своих владений: Германия, Англия, Франция, Австрия, Россия, Бельгия, Япония, каждая в отдельности и все вместе вызвали эту войну [1]).

Вся болтовня буржуазных и с.-д. партий и их органов отно-

[1]) Каутский, конечно, другого мнения на этот счет. Он считает („Национальное государство, империалистическое государство и союз держав" стр. 62—65),что настоящая война вызвана не империалистическими причинами).

Каким образом у Каутского мог сложиться такой взгляд? Он допускает, что борьба между Англией и Германией из-за пути в Индию через Балканы, Турцию, Малую Азию, Аравию могла бы послужить главной причиной их столкновения. Но, говорит он, этой причины не было более на лицо. Между Австрией и Турцией находятся теперь самостоятельные государства: Сербия и т. д. Благодаря этому,—говорит Каутский,—германская политика потеряла в Турции и Малой Азии свой угрожающий для Англии характер. „Мы имеем поэтому право сказать, что исходный пункт войны со стороны востока Европы не является империалистским". Не империалистические потребности были главенствующими в восточно-европейской политике. И „ко времени возникновения войны, в государствах Западной Европы не было разногласий на почве империализма. Они были все улажены".

А ультиматум, который Австрия предъявила Сербии, спросим мы? Ультиматум, продиктованный, по всей вероятности, Германией и во всяком случае одобренный ею?

Чем иным был этот ультиматум, как не выдвиганием всего балканского вопроса, насильственным разрешением его в немецко-австрийском смысле,благодаря чему были подняты и турецкий и мало-азиатский,арабский и, наконец, индийский вопросы? Австрийский ультиматум затронул глубокие корни германско-английского конфликта.

Этим самым утверждение Каутского опровергнуто. Дальше мы увидим, что подобное искажение фактов вызвано у Каутского страхом, боязнью неизбежной борьбы между империализмом и пролетариатом, боязнью ее сильнейшего орудия: выступления масс.

Встав на эту точку зрения, Каутский как бы вошел в союз с империалистическими классами, крупными финансистами и их прислужниками. Ибо ничто не может быть так приятно этим людям, как изображение в глазах рабочих этой войны, этой бойни народов и уничтожения рабочих Европы, не как необходимого следствия их ненасытной жажды увеличить свои владения.

Само собой понятно, что в такой гигантской войне играют то там, то тут роль и другие мотивы. Но они незначительны, по сравнению с империализмом, и поэтому о них здесь можно умолчать. Следует только упомянуть, что Сербия борется за свое национальное самоопределение.

сительно того, что война эта оборонительная, что необходимость обороняться вызвана чужестранным вторжением, чистейшая ложь и обман, стремление скрыть собственную вину под благовидной внешностью.

Назвать виновницей войны Германию, Россию или Англию было бы так же ошибочно и лживо, как трещину, происшедшую в вулкане, считать причиной извержения.

Все европейские государства вооружались для этого военного конфликта в течение долгих лет. Все они стремятся удовлетворить свою разбойническую алчность. Все они одинаково виноваты.

II.

Мировая война.

Виновником этой первой мировой войны является, таким образом, капитализм, мировой капитализм, который стремится к экспансии.

Развитие капитализма есть не что иное, как история крови и убийств, убийств конкурентов, рабочих собственного народа, чужих народов.

В книге истории современного капитализма—без числа страниц, которые залиты кровью. Самое начало его возникновения и развития ознаменовывается борьбой португальцев с испанцами за завоевание и обладание Индией и Америкой. Позднее, с его развитием, вспыхивает борьба испанцев с голландцами, голландцев с англичанами, англичан с французами все в бо̀льшем масштабе, все за бо̀льшее могущество, пока англичане победой над Наполеоном не достигают мирового господства на океане. Кровавым страницам в книге истории борьбы за капиталистическое преобладание на европейском и американском континентах нет числа. Но ни одна из этих страниц не напитана так кровью, как та, о которой сейчас пойдет речь.

Страны, которые прямо или косвенно принимают участие в этой войне, обладают вместе поверхностью, которая составляет больше половины всей поверхности земного шара и имеет население в 900 миллионов людей. Войска, которые они выставляют или могут

выставить, насчитывают десятки миллионов людей. Убитые, раненые и искалеченные исчисляются многими миллионами.

Земля удобрена телами в таком количестве, как ни в одной еще войне.

В этом виноват только капитализм, только класс капиталистов. Каждый в отдельности и все вместе, так как все это происходит ради наживы капитала.

Все капиталистические классы стремятся в эту войну к экспансии капитала по всему земному шару.

Чтобы затем из него и из всех народов земного шара, которых они стремятся сделать своими наемными рабочими, иметь возможность создать новый, более крупный капитал.

Классовая выгода заставляет этих жалких кукол мировой истории—императоров и королей—кричать на площадях об отечестве, призывающем своих сыновей, о Боге, свидетеле благородства своих народов, о том, что они выступают за правое дело, которому Бог поможет и дарует победу. Жалкие куклы в ходе развития человечества, такого величественного в наши дни, когда оно расчищает путь к социализму и когда ничтожество этих людей бросается особенно в глаза.

Барыши для класса капиталистов принуждают банкиров, промышленников, представителей торгового и экспортного капитала и крупных собственников высказываться в парламентах за войну, голосовать за нее.

Барыш, мелкий, презренный барыш, побуждает мелкую буржуазию, крестьян и арендаторов становиться в этой войне, хоть и боязливо, на сторону крупного капитала.

Барыш, погоня за золотом, побуждает всех представителей науки, искусства и религии обагрять руки в крови миллионов своих братьев вместе с представителями капиталистических классов.

Барыш, мелочный, материальный барыш, побуждает эти классы прибегать к величайшей, наиболее распространенной, наиболее грубой лжи и лицемерию: к провозглашению этой войны правым делом, стремлением к высшим, благороднейшим целям. Лишь барыш побуждает их заявлять, что они стремятся к свободе народов, к культуре, что их нация является носительницей света, культуры, человечности. Не что иное, как мелочный, материальный барыш.

Все это—ложь и обман. Возможно, что война приведет к прогрессу в истории человечества. Но это никоим образом не является целью людей, начавших ее. Это произойдет далеко не согласно их намерениям. Они для достижения своей цели жаждут крови, человеческой крови, крови своих врагов, таких же людей, как и они. И их единственной целью является—барыш.

Капиталистический барыш, прибавочная стоимость, выжатая из слабых народностей и рабочих.

Грязный, низменный барыш, а не культура.

И только барыш в конечном счете побуждает их вовлекать рабочих в эту войну.

Работницы, муж, сын или жених которых гибнет в северной Франции, Фландрии или Польше, должны бы сказать себе: „Мой сын, мой муж погиб там, потому что он должен был сражаться из-за прибылей, которые несет с собой завоевание Конго, Китая и Малой Азии“.

В таком свете, и только в таком свете, должны представляться нам короли и монархи, министры и парламентарии, банкиры и промышленники, профессора, попы и художники, которые отстаивают эту войну.

Многие социал-демократы, особенно в Германии, говорят о безумии вооружения, о безумии империализма.

Но это все, что угодно, только не безумие со стороны капиталистов, если каждое капиталистическое государство стремится к завоеванию колоний и монопольных владений на земном шаре и если каждая отдельная страна вооружается возможно сильнее и тратит для такого вооружения миллиарды. Лишь не имея лучших аргументов, можно здесь говорить о безумии. Ибо каждая завоеванная область, если она богата, доставляет стране-победительнице огромные прибыли. Если бы Германия могла добыть себе часть Китая или Нидерландской Индии, которые она стала бы эксплоатировать, то в руки немцев потекли бы ежегодно миллионы и миллиарды, точно так, как теперь миллионы и миллиарды текут из английских колоний в руки англичан. Крупные немецкие финансисты, горстка крупных промышленников и торговцев, которые являются теперь в Германии господами положения, заставили бы весь немецкий народ платить необходимые военные и морские налоги, а военную прибыль приберегли бы для себя.

Таким образом они вполне ясно отдают себе отчет в том, что они делают, когда принуждают немецкий народ вооружаться, и если посмотреть с их точки зрения, то они действуют вполне сознательно, толкая Германию на войну за империалистическую экспансию и за завоевание колоний. И мелкая буржуазия принимает участие в этой войне, ибо и она получает в этой войне непосредственную прибыль, так как в большинстве случаев кормится около крупного капитала. Итак, не безумие движет капиталистами и мелкой буржуазией.

За всеми этими классами, за королями, монархами и парламентами, за всеми армиями стоят скрытые и видимые лишь научно-просвещенному глазу: крупные финансисты стального и железного производства и рудников, мировые картели, транспортные синдикаты, крупные концессионеры и владельцы монополий. От них зависят те или иные перемещения капитала, они, следовательно, являются господами положения и в обществе. Численно они не велики. Но им все покорно. Невидимые и хладнокровные, не зная ни сочувствия, ни сожаления, руководимые лишь рассудком, управляют они движением капитала. Развившееся производство побудило их принять участие в этой войне, чтобы дать возможность капитализму, капитализму своей страны, достичь бо́льшей экспансии, сделать его более сильным и могущественным, превратить его в единственную мировую силу.

Капитализм, все капиталистические классы несут ответственность за эту войну, потому что все они повинуются крупному капиталу. Тем самым они представляют из себя теперь одну сплоченную массу и, как таковая, все виновны в этом массовом убийстве.

Сущностью капитала является образование прибавочной стоимости. Все бо́льшая прибавочная стоимость при все улучшающихся орудиях производства. Сущностью, целью существования и проявления капитала является его экспансия, в конечном счете экспансия по всему миру.

Средством, к которому для этой цели прибегает капитал, возникший благодаря частной собственности на средства производства и находящийся поэтому всегда во владении частных лиц, средством экспансии его является борьба.

Теперешняя мировая война вытекает таким образом из самой сущности капитализма. Эта война является необходимостью. Такова

судьба, как говорили раньше, такова Божья воля, как говорили позднее. Она является необходимым развитием, ступенью развития, побудительной причиной и проявлением современного капитала, как думаем теперь мы.

Капиталистическому классу предстоит выполнить еще большую мировую задачу: произвести экспансию капитала по всей вселенной. У него еще достаточно могущества, чтобы выполнить это.

Пролетариат еще слишком слаб; та часть его, которая сознательно относится к своим целям и к своему идеалу, еще слишком мала. Он еще недостаточно силен для выполнения своего призвания; освобождения вселенной от капитализма.

Империализм и империалистическая заграничная и колониальная политика, т.-е. экспансия капитализма, другими словами, экспансия на весь земной шар более развитых орудий производства, эта необходимая фаза в развитии капитализма ведет в конечном счете к мировому социализму. Но способ и формы, в которые выливается это развитие капитализма, грозят пролетариату уничтожением. И вот борьба-то с этим способом и этими формами дает пролетариату силу и подготовляет его для свободы.

III.

Пролетариат.

Мировой капитал против мирового труда.

Благодаря империализму создались новые отношения между капиталом и пролетариатом.

Благодаря империализму создались новые отношения между пролетариатом и буржуазией.

Империализм ухудшает вообще положение пролетариата.

На этом вопросе следует остановиться несколько дольше.

Если мы признаем, что пролетариат должен положить все силы на борьбу с империализмом, то необходимо уяснить все то зло, которое причиняет пролетариату империализм.

Надо признать вообще, что колониальная политика создает для капиталистического общества огромные преимущества. Благодаря колониальной политике в XVI и XVII столетиях, в Европу потекли потоки благородных металлов и, таким образом, в Голландии, Англии и Франции был создан современный капитализм. Колониальная политика вызвала к жизни капиталистическую торговлю и капиталистическую промышленность, она же создала заморский рынок.

Колониальная политика завоевала северную и южную Америку, Австралию и Африку и превратила эти земли в источники, снабжающие Европу сельско-хозяйственными продуктами. Благодаря ей создалась возможность превращения сначала Англии, а затем и других стран в крупные промышленные государства. Благодаря ей полились в Европу из Калифорнии, Австралии и Трансвааля золотые потоки, которые дали новый могучий толчок быстрому росту капитализма.

Благодаря колониальной политике появляется золото, она создает новые рынки, увеличивает приток сырья и продовольствия.

С XVI столетия до настоящего времени эта созидательная сила непрерывно развивалась со все бо́льшей интенсивностью.

Вместе с капиталом она создавала и создает, таким образом, промышленность, а следовательно, и пролетариат.

Колониальная политика, а, следовательно, и империализм могут доставить пролетариату и непосредственно некоторые преимущества.

Последнее зависит целиком от колоний. Некоторые колонии доставляют выгоды исключительно только горстке капиталистов, другие—большому числу капиталистов, чиновникам, офицерам, но пролетариат не получает или никаких, или очень незначительные. Есть и такие колонии, которые доставляют выгоды как большей части класса капиталистов, так и части рабочего класса. Британская и Нидерландская Индия, страны с большими естественными богатствами и трудолюбивым, развитым многочисленным населением, доставляют рабочему классу Англии и Голландии известные выгоды тем, что дают ему заработок. Есть немало таких стран, как например, Китай, на которые капитал смотрит с вожделением. Экспорт капитала, положим, в Нидерландскую Индию, означает вывоз железных и стальных товаров, машин и т. д., производимых в Голландии. Голландская промышленность, голландский капитал находят

свое применение в колониях, и это доставляет при равенстве цен и качества известные выгоды производящей стране. Для голландских рабочих получается, таким образом, прямая выгода.

Кроме того производство для вывоза в колонии и в мелкие государства, находящиеся под влиянием производящей страны, как, например, Китай, занимает многих рабочих. Так, мы видим в Голландии много рабочих, занятых в текстильной промышленности. И в этой области колонии сферы влияния благоприятствуют применению и господству капитала, и при прочих равных условиях, дают выгоды стране производящей.

Помимо этого для транспорта в колонии в производящей стране создается целая строительная отрасль труда, постройка судов и проч. Благодаря этому многие рабочие получают работу, и, в свою очередь, это оказывает воздействие на другие отрасли промышленности, на производство машин, железные и стальные фабрики, рудники.

Далее, торговля с восточной и западной Нидерландской Индией вызывает к жизни различные новые отрасли промышленности, как, например, фабрики для сушения риса и кофе, фабрики для изготовления какао и пр.

В конечном счете от неслыханных барышей, получаемых из Индии, на-ряду с крупной и мелкой буржуазией, кое-что перепадает и рабочим.

Провинции и города в производящей стране живут отчасти на эти барыши, но и часть рабочих живет на них, как, например, рабочие, занятые в строительной отрасли, в производстве предметов роскоши. Сюда же следует отнести домашнюю челядь, лакеев и т. д.

Все эти рабочие в Голландии очень многочисленны. Еще многочисленнее они в Англии.

И для тех из них, которые не видят ничего дальше своих личных непосредственных преимуществ и в барышах буржуазии находят барыш и для себя, колониальная политика кажется благодаря этим преимуществам выгодной [1]).

Империализм увеличивает до чрезвычайности эти косвенные и непосредственные преимущества.

---

[1]) В этом корень реформизма. Дальше в нашем изложении мы увидим, что в этом же заключается корень слабости Интернационала и „братания“ с буржуазией в настоящей мировой войне.

Но, несмотря на эти косвенные и непосредственные преимущества, революционная социал-демократия высказывается против капиталистической колониальной политики.

Почему?

Потому, что колониальная политика сопровождается всегда разбоем, грабежами, убийством и невероятной эксплоатацией [1]).

Всему этому революционная с.-д-тия не может сочувствовать не только благодаря высоким принципам и идеалам гуманности, которые она всегда отстаивает, но и с точки зрения своих собственных интересов. Рабочие колоний являются конкурентами, понижающими заработную плату. Мелкие земельные собственники и рабочие Индии и стран, эксплоатируемых крупными державами, превратятся в будущем в социалистов. Все ближе то время, когда не только японские и китайские рабочие, но также индийские и черное рабочее население некоторых частей Африки примкнут к рабочему движению. Пролетариат не должен отчуждать от себя этих рабочих и мелких собственников.

Он должен помогать и способствовать им во всем, так как и ему нужна их помощь.

Они должны теперь уж понимать, что они принадлежат к европейскому, американскому и австралийскому пролетариату.

Колониальная политика порождает вражду между рабочими, когда рабочие разных национальностей вовлекаются в нее. Колониальная политика пробуждает у рабочих империализм, национализм и шовинизм и, следовательно, разъединяет их.

Итак, колониальная политика может доставить пролетариату мелкие преимущества в данный момент, но в целом на более долгий период времени она вносит разложение в рабочий класс.

Колониальная политика может быть полезна лишь частично и только одной части рабочего класса (рабочим в горном производстве, плавильной и стальной промышленности, в кораблестроении и т. д.), но в общем и целом она затрудняет классовую борьбу.

В силу этого пролетариат вообще не может иметь ничего общего с капиталистической колониальной политикой и благодаря ей становится в более резкое противоречие к капиталу.

---

[1]) См., между прочим, систему налогового обложения как в Нидерландской, так и в Британской Индии.

Но если так обстоит дело по отношению к колониальной политике вообще, даже на более ранних ступенях ее развития, то еще в бо́льшей степени верно это для современной империалистической колониальной политики.

Во-первых, современный империализм взваливает в мирное время на рабочий класс невыносимое бремя.

Рост милитаризма, благодаря империализму, увеличивается до бесконечности, социальное законодательство приостанавливается, налоги и пошлины растут, дороговизна увеличивается, реальная заработная плата понижается, реакция усиливается.

Во-вторых, во время войны империализм раздробляет пролетариат. Организации его разрушаются, на него взваливается непомерное бремя. Голод и нужда, безработица и смерть, бесконечные бедствия, уничтожение целых поколений ложатся на его голову. Всякое движение вперед тормозится на долгие годы, одна народность восстанавливается против другой, империалистическая война порождает новые войны.

В-третьих, война ослабляет, а, может быть, разрушает на долгие годы возможность дальнейшего развития для пролетариата, так как государства после длительной войны могут так обнищать, так задолжать, их экономическая депрессия, застой в производстве могут настолько усилиться, что, если последует новое вооружение и новая война, возможна экономическая гибель пролетариата, а вследствие этого и гибель его, как борющегося класса.

Принимая во внимание все это, пролетариат еще менее может иметь что-либо общее с капиталистической колониальной политикой, т.-е. с империализмом.

Ибо все эти бедствия неизмеримо больше только что упомянутых непосредственных и косвенных преимуществ [1]).

---

[1]) Пролетариат, если он понимает, что колониальная политика помогает развитию капитализма, имеет право противостоять ей, ибо он знает иное лучшее, чем капиталистическое, общество, общество социалистическое, к которому он стремится и для которого он достаточно экономически созрел, по крайней мере в западно-европейских странах, Германии и Англии.

Сказанное выше представляет из себя колониальную программу социал-демократии. Она содержит в себе: 1. Протест против колониальной политики насилия и угнетения. 2. Попытку охранять и способствовать освобождению туземцев, пока они слишком слабы для самостоятельного револю-

Благодаря всему этому пролетариат становится при империализме еще в более враждебные, резко антагонистические отношения к имущим классам.

В-четвертых, — и в этом существеннейшее изменение, а также неизмеримое углубление и обострение, которое империализм вносит в отношение между капиталом и трудом, — в первый раз в мировой истории как в мирные времена, так и во время войн, мировой международный пролетариат выступает, благодаря империализму, как одно сплоченное целое, на борьбу с международной буржуазией. И эту борьбу он может вести лишь при полном объединении всего международного пролетариата.

Это есть то новое, что вносит с собой империализм.

Это есть то новое, что должно быть признано.

Это то, чего не поняли ни Интернационал, ни национальные партии, которые его составляли.

Лишь тот, кто признает это, может понять новое время, новую фазу, в которую вступила, благодаря империализму, борьба между капиталом и трудом.

Отсюда, исходя от этого признания, надо установить новую тактику, которой надо следовать в борьбе против империализма.

Все современные государства, без исключения [1]), постоянно угрожают всему пролетариату в мирное время и раздробляют его во время войны.

В мирные времена немецкая буржуазия, правительство и капитал с его империализмом представляют из себя угрозу не только немецкому пролетариату, но также французскому, английскому, австрийскому и русскому и взваливают на него непосильное бремя. Так же проявляет себя французский, английский и русский капитал по отношению к пролетариату других стран.

ционного движения. 3. Поддержку каждого революционного выступления туземцев и содействие в их борьбе за политическую и национальную независимость, лишь только они начинают эту борьбу и предпринимают собственное революционное выступление.

[1]) Даже из мелких наций: Голландия, Бельгия, Португалия принимают непосредственное участие в империалистической колониальной политике; Дания, Норвегия, Швеция и т. д. косвенно благодаря своей торговле и транспорту.

Во время войны немецкий капитал уничтожает мощь не только немецкого, но в то же время французского, английского, русского, австрийского пролетариата.

Так же поступает французский, австрийский, английский и русский империализм, каждый в отдельности и все вместе по отношению к пролетариату всех стран.

И империализм владычествует над всем миром.

Повсюду идет вооружение.

В настоящей войне принимает участие уже бо́льшая часть народов земного шара. Бо́льшая часть Европы, Азии, вся Австралия, значительная часть Африки, Южная Африка, Египет, Алжир, Тунис, все французские, английские и немецкие владения, Канада. Скоро присоединятся, может быть, и другие народы.

Благодаря империализму различные составные части мирового капитала выступили в первый раз практически, на деле, как одно целое против мирового пролетариата.

Мировой пролетариат в первый раз практически столкнулся с мировым капиталом.

В практической политике, в борьбе социал-демократии против буржуазных правительств, пролетариат каждой страны противостоял до сих пор лишь собственной буржуазии.

Точно также в профессиональном движении борьба велась до сих пор пролетариатом против капитала в национальном масштабе.

Международные конгрессы социал-демократических партий представляли из себя съезды, имевшие целью выработку общих принципов, а не общего плана военных действий.

Конгрессы профессиональных союзов выносили решения лишь о вспомоществованиях, редко, как исключение, обсуждались на них какие-нибудь совместные выступления, и тогда это имело место лишь по отношению к небольшой группе рабочих против незначительной части капитала.

В международном масштабе борьба или совсем не велась, или проявления ее были крайне незначительны, хотя борьба трестов и международных союзов предпринимателей принимает все более и более международный характер.

Но чего не достигли даже тресты и международный союз предпринимателей, объединения всего пролетариата для единого грозного напора, единой борьбы, сплочения пролетариата в единое

целое, единого выступления, то в состоянии был выполнить империализм.

Все буржуазные партии всех стран стоят за вооружение и за войну. Таким образом, все дни в мирное время представляют угрозу для международного пролетариата, а во время войны уничтожают его.

Настоящая война является первой империалистической войной между империалистическими государствами. Капитал готовился к ней с 1871 года и, наконец, счел себя достаточно вооруженным. Эта война—наиболее резкое обострение классовой борьбы, какое когда-либо имело место со времени основания Интернационала,—в первый раз противопоставляет весь Интернационал, как нечто целое, международному капиталу.

Но империализм продолжает развиваться.

Врагом рабочего класса является буржуазия не только его собственной страны. Кроме обычной эксплоатации рабочих на миллионах отдельных фабрик и мастерских, кроме угнетения в рамках национальных государств, кроме всего этого и надо всем этим империализм давит весь рабочий класс всего мира и выдвигает его на один общий фронт против мирового капитала.

И это происходит в первый раз в мировой истории.

Сплоченный в одно целое угрозой со стороны всего капитализма войной, начатой им, пролетариат поднимается теперь не только против „своей“ буржуазии, но и против буржуазий всех стран [1]).

Слова Маркса в „Комм. Манифеста“ о том, что рабочие каждой отдельной страны должны сначала покончить со своей буржуазией, превращены империализмом в ничто, перестали отвечать истине.

---

[1]) Позиция, направление одной национальной социал-демократической партии представляет для других с.-д. партий не только теоретический интерес, она является жизненным вопросом, объектом критики и борьбы.

IV.

Национализм пролетариата.

Первый случай представился Интернационалу,—первый со времени его возникновения в 1864 году,—показать не на словах только, не демонстрацией, а общим выступлением всех составляющих его партий, что он представляет собою одно единое целое.

Национальность каждой отдельной партии могла в первый раз исчезнуть и раствориться в Интернационале. Международное, вне рамок отечества стоящее объединение, бывшее до сих пор лишь маской или эмблемой, выставляемой напоказ, как изящный цветок, красивое украшение,—могло бы теперь со всей силой и мощью проявить себя в борьбе против возрастающего вооружения, ведущего к империалистической войне.

Кто не чувствует, что для этого представлялся удобный случай теперь, когда все нации готовятся к борьбе за одну и ту же цель, за обладание вселенной?

Какой социалист с давних пор не надеялся, не ждал, не стремился к тому, чтобы, наконец, совершилось сплоченное выступление всех буржуазных партий, всех национальностей международного капитала против всемирного пролетариата, против всемирного рабочего класса?

Приближение теперешней войны видно было уже за много лет.

Многие авторы, особенно Каутский, доказывали, что конфликт между крупными державами может и, вероятно, должен будет привести к этой гигантской мировой войне, и что следствием такой войны может быть революция.

В своей книге „Финансовый Капитал", которую можно рассматривать, как продолжение „Капитала" Маркса, и в которой трактуется фаза капитализма, наступившая уже после смерти Маркса, Гильфердинг указал на причины, вызвавшие к жизни империализм.

На Штуттгартском и Базельском конгрессах было постановлено, что пролетариат должен препятствовать этой войне всеми средствами, вплоть до самых крайних.

Нельзя, значит, говорить о неподготовленности.

Но война разразилась еще в более колоссальных размерах, чем этого можно было ожидать.

Никто не ожидал, что в войну будет втянуто так много капиталистических государств.

Что могло быть очевиднее и яснее, чем то, что отдельные части всемирного капитала пришли в столкновение друг с другом и выступили тем самым против всемирного пролетариата?

Может ли быть что-нибудь более поучительное, с точки зрения социалистической пропаганды, как то, что весь всемирный пролетариат оказался вовлеченным в круг действия войны?

На лицо оказалось созданное ростом самого капитала, без всякого участия рабочих, противоречие между всемирным трудом и капиталом.

С одной стороны стоял капитализм, который благодаря своим современным формам и могущественным организациям—трестам, монополиям, концентрированному банковому капиталу—привел весь мир и рабочих к губительной войне; с другой—пролетариат, который не хотел этой войны и противился ей до последней возможности.

Какой блестящий прогресс с 1864, с 1871 г.г., со времени последней западной войны! Тогда это была война между двумя капиталистическими странами, ради превращения одной из них в национальное государство, первый шаг к образованию современной Германии. Вследствие этого тогда лишь некоторые рабочие противились войне.

Теперь—мировая схватка всех почти однородных или тесно сплоченных в одно государство народностей, кроме Америки, ради власти над миром, ради того, чтобы капитал совершил свое последнее победное шествие через весь земной шар, ради консолидации всемирного капитала. И на-ряду с этими могучими силами и объединяющей их целью, объединяются миллионы и миллионы рабочих, которые должны бы были дать отпор международному капиталу, непомерно угнетавшему их в своих интересах и бросившему их, как пушечное мясо, во всемирную бойню. Бешено растущее вооружение, которому предались в своем ослеплении капиталисты, имело следствием безумную бойню, которая ведет к новому усиленному вооружению и новым войнам и угрожает пролетариату полным уничтожением.

И что могло быть проще и яснее, как предпринять всем пролетариям против опасности, угрожавшей им от всех государств,

общий протест, общее выступление, единообразный способ борьбы, вплоть до самых крайних мер против капиталистов всех стран и каждой в отдельности?

Что могло быть очевиднее? Какое выступление могло дать больше для пропаганды, организации, революции, привести к лучшим результатам, пролить больше сознания в темные массы, как общая борьба во всех странах согласно одной общей тактике, предпринятая членами Интернационала против теперешней войны? Как ясно было бы всем рабочим и части мелкой буржуазии, как связало бы их и объединило, если бы во всех парламентах заговорили бы на одном и том же языке, повели одну и ту же борьбу.

И что, повторяю, было бы яснее, проще, что соответствовало бы больше действительным фактам и отношениям? Всемирный труд выступил бы в первый раз на борьбу со всемирным капиталом.

Так можно было предполагать.

Но ход событий был совсем иной. Вместо борьбы против капитала—подчинение капиталу, совместное выступление с капиталом. Вместо единства рабочих—раскол на столько же частей, сколько существует наций, вместо интернациональности—национализм и шовинизм.

Только в Сербии социал-демократы голосовали в парламенте против войны, да в России воздержались от голосования, покинув зал заседания [1]. В Германии социал-демократы голосовали за миллиардные кредиты. В Австрии эти кредиты были одобрены.

Во Франции и Бельгии социалисты вошли для целей обороны в буржуазное министерство. В Англии рабочая партия высказалась за вступление в армию. (Примечание перев.: всеобщ. воинск. повинности еще не было.)

В Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Голландии социалисты одобрили кредиты на мобилизацию ради сохранения нейтралитета, т.-е. кредиты на войну, на империалистическую войну [2]).

Таким образом, почти во всех странах вместо борьбы с буржуазией мы видим сотрудничество с ней.

Человек, знакомый с международной социал-демократией, мог давно предвидеть это. Штуттгартский конгресс был последним, по-

---

[1]) В Думе это является наиболее резкой формой протеста, более резкой, чем голосование против.

[2]) В Италии Палата не была созвана. Итальянские социал-демократы блестящим образом выразили свой протест против войны.

зиция которого по отношению к империализму была действительно твердой. В Копенгагене обнаружились уже шатания, а в Базеле— форменное бегство.

Казалось, паника среди социал-демократов увеличивалась тем больше, чем сильнее становился империализм, чем больше расла и ближе приближалась опасность войны. В Базеле раздались еще раз трубные звуки, но они состояли из пустых фраз Жореса, беспочвенных фраз Кейр-Гарди, трусливых ламентаций Виктора Адлера о гибели культур вялых, бессодержательных слов Гаазе. Из пустого бахвальства этого конгресса слышалось уже отвращение, бессилие к какому-то ни было протесту.

Даже больше—тогда еще состоялось молчаливое соглашение итти вместе с буржуазией [1]).

Буржуазия, которая, сама разлагаясь, очень чутка ко всякому моральному разложению, почувствовала тотчас дряблость этого конгресса и Интернационала. Она почувствовала, что этого конгресса ей нечего бояться. Она предоставила нам Базельский кафедральный собор. И какое другое место могло быть более подходящим для лицемерных фраз социал-демократии,—для конгресса, который говорил одно, а думал другое,—чем церковь, где столетиями изо дня в день проявлялось христианское лицемерие?

Мы разберем теперь, в силу каких причин создались это бессилие и это лицемерие.

Но раньше мы на частном примере, на Германии, покажем, до чего дошло дело в Интернационале, до какого позора, до какого вреда для него самого и до какого внутреннего распада. Все это произошло оттого, что он не отважился на борьбу вплоть до самых решительных мер с империалистической войной и всем капитализмом и не проявил себя в этой борьбе, как единый пролетариат, сплоченный против всемирного капитала.

При этом мы будем иметь возможность опровергнуть важнейшие доводы, которые Интернационал приводит для защиты своей позиции.

---

[1]) Грейлих говорил уже на конгрессе, что швейцарцы, конечно, пойдут на защиту своих границ. То же самое говорил вскоре после этого Реннер в рейхстаге. Трельстра уже много раз обещал это в Голландии и подкрепил эти обещания после конгресса еще раз.

V.

Пример Германии.

Причины, вызвавшие национализм среди пролетариата. Критика их.

Пример Германии. Главная роль в этой войне принадлежит Германии.

Не в том смысле, что каждая из других великих держав менее „виновата“, в меньшей степени несет ответственность за эту войну.

Но в том смысле, что Германия лучше всего подготовилась к этой войне, ведет ее с наибольшим напряжением сил, выдвинула для этой войны наиболее крупные экономические и духовные силы, имела перед собою наивысшую цель, являясь, таким образом, стороной нападающей. С точки зрения чисто капиталистически-экономической, оставляя в стороне все другие факторы, она больше всего заслужила победу.

После 1870 года Германия превратилась постепенно во второе по значению капиталистическое государство Европы.

Но Германия превзошла Англию в организации промышленности, торговли, обмена, развития банкового дела, и в этом отношении она сильнее. Кроме Соединенных Штатов, только Германия является современно организованным капиталистическим государством. Ее абсолютизм, юнкерство, а как следствие этого, ее армия и бюрократия делают ее при наличии ее централизованного банкового дела и концентрации ее торговли, промышленности и транспорта образцом империалистического государства, единственным совершенным империалистическим государством. Могущество буржуазии соединяется в ней с могуществом абсолютной монархии. Вследствие этого ее силы, ее способность распространять свое могущество больше, чем у Англии без ее колоний.

Но Германия лишена возможности распространять свое влияние в полной мере. Для этого она слишком поздно стала могущественной. Лучшие части света были уже во владении других. И прочие державы позаботились о том, чтобы Германия не получила ничего или почти ничего. Все попытки Германии добиться чего-нибудь

соответствующего ее могуществу, остались совершенно или почти совершенно тщетными. Франция получила Марокко, Бельгия—Конго, Англия взяла себе бо́льшую часть остальной Африки, Германия не могла удержать за собою одной путь в Багдад. Боковые пути справа и слева попали в другие руки. О том, что она получила в Азии по существу не стоит и говорить. В Африке—сущие пустяки. Немецкий капитал был лишен гигантских барышей, получаемых от монопольного владения колониями, от монопольно эксплоатируемых сфер влияния.

Германский капитал напоминал паровой котел, из которого пар не может выходить; Германия не могла заставить этот капитал работать по своему желанию.

Франция, Англия, Россия годами с намерением препятствовали расширению влияния Германии в интересах своего собственного капитализма.

Германия не могла выносить этого дольше. И поэтому она десятки лет готовилась к этой войне, чтобы самой завладеть тем пространством, которое ей не хотели дать.

Этой цели должно было служить колоссальное открытое и тайное вооружение. Для этой цели создавались гигантская армия и флот.

Этой цели служили экстренные требования на многомиллионные кредиты в 1913 году. И организация государственного банка, стоящего на гораздо более высокой ступени, чем все другие национальные банки.

Германия хочет положить конец своему ничтожеству, разорвать круг, ее смыкающий. Германия стремится получить Марокко и бо́льшую часть французской свободной Африки, она с вожделением смотрит на французские владения в восточной Азии, Сиам и Кохинхину. Она жаждет бельгийского Конго. Ей нужны части английского владения: хотя бы английской южной Африки. Она хочет владеть сухопутным путем в Индию. Она стремится к политическому и экономическому господству над большей частью Китая. Чтобы достигнуть всего этого, она хочет поработить Бельгию и Голландию, или, по крайней мере, сделать эти страны зависимыми от себя. Вот к чему стремится Германия, и она хочет попробовать добиться чего-либо из намеченных целей этой войной. И, действительно, если смотреть с капиталистически-экономической точки зрения, германский капитализм имеет на то полное право. В капиталистическом мире

более сильный заслуживает наибольшего. Исключительно с точки зрения чисто капиталистического прогресса, а не с нашей точки зрения, не с точки зрения развития пролетариата и его борьбы за могущество и объединение,—можно бы было пожелать германскому капитализму победы [1]).

Насколько несравнимо больше, чем Англия, Бельгия, Голландия, Франция, Португалия, смогла бы Германия извлечь из этих областей со своим организованным аппаратом, концентрированным банковым делом, со своим централизованным судоходством, торговлей и промышленностью! Насколько скорее пошло бы вперед всемирное капиталистическое развитие!

Германский капитализм пришел к убеждению, что настал момент, когда он должен действовать. Потому что, если бы, принимая во внимание слабость Турции, Россия забрала бы Армению, Франция—Сербию и часть Малой Азии, Англия—другую часть Малой Азии, Египет и Аравию, если бы Персия была поделена между Россией и Англией, надежды Германии на завоевание больших азиатских владений потерпели бы фиаско. И если бы Англия затем завладела еще путем от Каира до Капа (мыс Доброй Надежды) и если бы Китай сделался через некоторое время самостоятельным и могущественным государством,—тогда, в виду того, что Южная Америка едва ли попадет в руки европейских государств, Англия сделалась бы владыкой бо́льшей части мира [2]), Россия, Соединенные Штаты, а позднее,конечно, и Китай сделались бы единственными равноправными совладельцами ее, и момент завладеть мировым господством был бы для Германии упущен навсегда.

Итак, во-первых, в силу своего стремления к расширению своих владений, на что ее побуждали внутренние причины, во-вторых, в силу форм, в которые вылился ее империализм; в-третьих, в силу ее оборонительной позиции по отношению к могущественным державам, стремящимся со всех сторон препятствовать распространению ее влияния; в-четвертых, благодаря грандиозности ее цели, которая

---

[1]) Мы указывали уже выше, что единственной точкой зрения революционных социал-демократов является борьба против империализма всех народов, против всякого империализма. Ведь империализм всякой страны представляет угрозу для рабочего класса, который укрепляется лишь в борьбе с ним.

[2]) Пока Индия и Египет и т. д. не станут самостоятельными.

превосходит цели всех современных государств,—в силу всех этих причин Германия сделалась движущей силой в этой первой империалистической войне.

Германия должна, следовательно, служить примером, на котором мы продемонстрируем империалистическую политику и ее последствия, а равно позицию пролетариата по отношению к ней. Но с другой стороны—Германия обладает самым сильным рабочим классом. Уже Маркс сказал, что на Германию „обращают свои взоры коммунисты всех стран". Капиталистическое развитие совершилось в ней при обстоятельствах и условиях гораздо более развитых, чем те, при которых то же развитие совершалось в других европейских странах. Вследствие этого немецкий пролетариат организован и вышколен, как никакой другой, и менее, чем какой-либо другой, придавлен буржуазной традицией. Вследствие этого в Германии мы видим—с одной стороны прекрасно организованных капиталистов, с другой—наилучше организованных рабочих. Социал-демократическая партия насчитывает более миллиона членов, на выборах за нее было подано четыре миллиона голосов, число членов профессиональных союзов достигает двух—трех миллионов человек. Преобладающее число рабочих читает ежедневно социалистические газеты.

И подобно тому, как в Германии организация капитала в синдикаты и картели и централизованные банки гораздо сильнее, чем в Англии, точно так же союзы рабочих достигли в Германии гораздо бóльшего единства и более значительной централизации.

В этом причина того, что противоречие между классом капиталистов и классом рабочих в Германии гораздо острее, чем в других западно-европейских государствах. Абсолютизм, юнкерство и военные тяготы обостряют это противоречие до крайности.

Таким образом, наиболее могущественная, в большинстве своем империалистически настроенная, буржуазия противопоставлена там пролетариату, в большинстве своем социалистическому.

И в Германии более отчетливо, чем где бы то ни было, можно видеть противоречие между империалистическим капитализмом, который стремится подчинить и поработить всех обитателей вселенной, и пролетарским социализмом, который стремится к освобождению их.

И, несмотря на это, как раз немецкий рабочий класс, как сам, так и его представители в рейхстаге, показал пример сотрудничества с империализмом.

В Германии в первой были одобрены военные кредиты. В Германии рабочие первые не только без малейшего протеста, но часто даже с воодушевлением шли воевать.

Как могло это случиться [1])?

Какие причины приводили они сами в объяснение этого?

Но прежде, чем рассмотреть эти причины, мы должны сначала сказать вообще о войне, благодаря чему наше опровержение причин, побудивших социал-демократов вообще и немецких социал-демократов, в частности, оправдать свое участие в войне, получит большую силу, тем более, что до сих пор мы касались этого лишь бегло.

В том случае, если эта первая империалистическая война будет долго длиться,—а если принять во внимание гигантские силы и почти неисчерпаемые источники Германии, Англии и России, то надо признать весьма вероятным, что она будет длиться весьма долго,—возможен крах европейского общества.

К сотням миллиардов, которых будет стоить въ этом случае Европе война для вооружения и содержания ее армий, нужно присоединить еще уничтоженные ценности в городах, в деревнях и на море, миллионы рабочих сил, которые, будучи искалечены и убиты, погибнут для мира, ценности продуктов, которые не были произведены.

После войны за сотни взятых в долг миллиардов придется платить миллиардные проценты.

Но возможно, что европейские страны будут тогда настолько ослаблены экономически, что смогут лишь с большими трудностями восстановить производство, закупить необходимое сырье в других частях света.

При этом, конечно, сильнее всего пострадает пролетариат. А там надо ждать гигантского и очень продолжительного кризиса и безработицы,—может быть, после частичного, короткого и лишь видимого расцвета промышленности.

Но это еще не худшее.

Все это с течением времени могло бы, может быть, исчезнуть.

Угрожает еще худшее.

Кто хочет понять последствия этой первой империалистической мировой войны, должен также посмотреть, как она может окончиться.

---

[1]) Истинные причины будут указаны в следующей главе.

Возможен двоякий исход.

Возможно, что одна сторона победит.

Но ни одна не может уничтожить противника. Если победит Германия, она разгромит, может быть, Бельгию и Францию. Но она не сможет сломить могущество Англии. Германия не сможет точно также окончательно победить Россию [1]).

Итак, если Германия победит, Россия и Англия тотчас же начнут снова вооружаться с еще безгранично бо́льшей энергией, чем прежде. И снова встанет угроза новой войны.

Если же победит Россия, Англия и Франция, они не смогут все же разгромить Германию [2]). Для этого Германия слишком сильна. Если таким образом победят эти страны, Германия начнет снова вооружаться еще лихорадочнее, чем раньше, и мы опять встанем перед новой войной.

Но может случиться и так, что никто не окажется победителем, все будут слишком обессилены, чтобы продолжать войну, и вследствие этого будут вынуждены заключить мир. Тогда все они, лишь только будут в состоянии, начнут снова вооружаться, чтобы снова, собравшись достаточно с силами, начать войну.

Таковы, по нашему мнению, две единственные возможности для окончания войны.

Но обе они обозначают гибель пролетариата от империализма.

Если бы на пролетариат, истощенный продолжительной войной и ее последствиями, а также долгой безработицей, взвалили бремя нового, еще более крупного вооружения и новой войны, он не смог бы, как организованный борющийся класс, вынести этого бремени [3]).

Тяжелая материальная нужда, вызванная войной и экономической депрессией, истощила бы пролетариат духовно, уменьшила бы силу его сопротивляемости,—новый империализм, новое вооружение, новая война уничтожили бы его экономическую силу [4]).

---

[1]) Да и в интересах Германии, чтобы Россия была сильна. Она должна позднее опереться на Россию в войне против Англии.

[2]) Ни Россия ни Англия не согласятся уничтожить Германию, потому что они нуждаются в сильной Германии в борьбе друг против друга.

[3]) О перспективах всеобщего мира, о соединенных европейских штатах и т. д. мы поговорим в предпоследней главе.

[4]) Следствием этого тяжелого положения может быть революция. Но она произошла бы при наихудших условиях, руководимая изнуренным и безоружным пролетариатом.

В этой первой мировой войне встает, таким образом, вопрос о существовании рабочих. И при этом необходимо заметить: существовании рабочих, как борющегося класса.

Пролетариат должен бы был в виду этой возможности напрячь все силы, бороться всеми средствами против империализма и мировой войны. И все это ради своей будущности, а также ради своего самосохранения.

И кроме того, после этой войны встает угроза целого ряда войн из-за монопольного владения одной большой частью света, как мы видели уже выше.

Вот почему пролетариат должен все силы напрячь для обороны.

Посмотрим теперь на те доводы, которые приводят немецкие, а вместе с ними и французские, бельгийские, английские и др. социал-демократы для оправдания их участия в мировой войне.

Они говорили: до начала войны мы делали всё, чтобы ей помешать.

Это неправда. Могущественнейшее средство против империализма, выступление самих масс, не было применено.

Ни в годы, предшествовавшие войне, когда массы смогли бы заставить господствующие классы содрогнуться и отступить перед войной; ни позднее, когда война уже вспыхнула.

Дальнейшие доводы, приводимые в защиту добровольного участия в войне после того, как она началась, троякого рода:

1) Они проистекают: во-первых, из природы оборонительной войны.

2) Во-вторых, из заинтересованности пролетариата в победе одной враждующей стороны.

3) В-третьих, из необходимости не допускать врага в свою страну, чтобы оборонить собственное существование, свою страну, свою национальность.

Мы рассмотрим эти доводы по порядку.

Германская социал-демократия говорит: Россия напала на Германию, и поэтому мы должны были защищаться.

Выше мы видели, что это—заблуждение. Благодаря своему империалистическому характеру, немецкий империализм настолько же, насколько и русский, явился зачинщиком. Таким образом утверждение, что немецкая социал-демократия ведет оборонительную войну, неверно.

Посмотрим теперь с точки зрения интересов всемирного пролетариата.

Вы говорите: всемирный пролетариат заинтересован в том, чтобы Германия одержала победу над Россией. Россия деспотическая страна, в которой рабочие не пользуются никакой свободой.

Но французы, бельгийцы, англичане говорят: для всемирного пролетариата было бы хорошо, если бы победили Франция и Англия, потому что Германия—абсолютистское государство, в котором правит юнкерство и конституция которой является одной лишь видимостью.

Кто же прав?

Мы отвечаем: ни те, ни другие не правы. В Европе сложилось такое положение, что во всех странах, за исключением России, рабочий класс живет почти в одинаковых условиях свободы или рабства. Темные стороны одной страны целиком покрываются такими же темными сторонами другой. Даже в России благодаря силе рабочих создается демократия. Рост индустрии во всех государствах чрезвычайно благоприятен для этого процесса нивелирования пролетариата всех европейских стран.

Что же это означает?

Это означает, что эта война и всякая будущая империалистическая мировая война европейских (и мы можем прибавить—северо-американских и австралийских) государств приносит пролетариату неисчислимые бедствия, когда он ведет ее против самого себя, против своих же частей, принадлежащих к другим национальностям, и лишь тогда эта война принесла бы пролетариату выгоду, если бы она объединила его, как одно целое, в борьбе против европейской, против мировой буржуазии.

Но к этому надо прибавить еще одно.

Вы говорите: мы должны обороняться против русского империализма. И с этой целью вы помогаете встать на ноги австро-венгерскому империализму! Вы охраняете австро-венгерский империализм, который является врагом сербскому пролетариату!

И для того, чтобы вы могли обороняться против России, вы должны стремиться к уничтожению французского, бельгийского и английского пролетариата.

Для того, чтобы спасти самих себя от русского абсолютизма, вы должны выдать французский, английский, бельгийский, а затем голландский и датский пролетариат немецкому абсолютизму!

Может ли такая тактика быть правильной пролетарской тактикой? Отвечает ли она интересам пролетариата?

Здесь мы еще совсем не говорим о заокеанском пролетариате, об азиатском и африканском, интересы которого также страдают.

Помощь, которую вы оказываете австрийскому пролетариату, попытка разгромить французский и английский пролетариат, — тот простой факт, что вы для того, чтобы попытаться отбить нападение русских, должны уничтожить этот последний, доказывает уже, что ваша тактика соучастия в оборонительной войне, — если бы даже эта война была оборонительной, — что эта тактика неправильна и нецелесообразна [1]).

[1]) Было время, в XIX столетии, когда рабочие должны были вести войну вместе с буржуазией.

Национальные войны XIX столетия, целью которых было основание или укрепление национальных государств Бельгии, Италии, Германии, были необходимы для капиталистического развития, а следовательно, и для пролетариата. Потому что лишь на основе этих национальных государств, пролетариат мог развить свою организацию и свою борьбу против национальной буржуазии. Было понятно, почему пролетариат принимал участие в таких войнах. Однако, Бебель и Либкнехт высказались против участия в войне 1870 года. Тем самым они оттенили начинающуюся борьбу прелетариата против обновленного государственного строя в Германии.

Тем самым они начали борьбу против Бисмарка и его новой германской империи.

Второй случай — это война ради династических целей, как, например, при Наполеоне III-м. Против такой войны пролетариат должен был бороться с оружием в руках.

Третий случай, когда война могла поколебать основы реакционного правительства, например, правительства России.

Таковы были главные причины, в силу которых пролетариат принимал участие в войне.

Но империализм ведет войны не для основания национальных государств. Скорее он стремится к уничтожению их. Еще менее ведет он династические войны. Ведь князья не что иное, как рабы крупных финансистов. И уже меньше всего борется империализм с автократией. Скорее на-лицо имеется опасность, что абсолютизм окрепнет благодаря империализму.

Таким образом, из причин, которые во времена Маркса могли побуждать пролетариат к войне, в настоящее время не существует ни одной.

Но ведь развитие капитала приводит с необходимостью к империализму и империалистическим мировым войнам, — скажут нам.

Ответ должен быть таков:

Мировая обстановка совершенно изменилась со времени Маркса.

Против империализма нам нужна новая тактика.

Не война за национальную буржуазию, а борьба против международной буржуазии необходима теперь для развития пролетариата.

Все, что мы говорили о Германии, применимо и к другим нациям. Сам по себе тот факт, что пролетариат различных стран, следуя этой тактике, должен уничтожать себя взаимно, указывает на необходимость рассматривать всю борьбу против империализма иначе, с высшей точки зрения. Тут дело идет уже не об устаревшей национальной точке зрения, не о вопросе: наступательная война или оборонительная: дело идет о борьбе международного, спаянного воедино пролетариата против международного империализма.

Но тут надо принять во внимание еще одно.

Тем, что вы боретесь с русским, французским, английским империализмом, *вы укрепляете свой собственный, свой германский империализм. Вы укрепляете своих врагов, которые еще ближе к вам, чем русские, вы укрепляете собственных властителей.*

Если ваше правительство с вашей помощью победит Россию, Францию и Англию, тогда вы укрепите свой собственный империализм, своих собственных князей, юнкеров и капиталистов. Тогда гнет, тяготеющий над вами, будет еще усилен. Тем самым вы ослабите своих же братьев в Англии, Франции, России и во всех других странах, а также и самих себя. Победой Германии они будут ослаблены, их правительства будут давить их еще невыносимее новыми вооружениями, усилившимся империализмом, и ваше правительство будет отвечать на это также более сильным вооружением и будет угнетать вас еще сильнее. Оно сможет поработить вас совсем.

Перемена, которую внес империализм, состоит в следующем:

Все сильные державы стремятся к расширению своих владений, а этого они могут достигнуть лишь войной. Пролетариат, приемлющий войну, угрожает пролетариату другой национальности уничтожением. Он ослабляет тем самым своих собственных братьев. Он укрепляет империализм вообще, империализм всех народов и империализм своих собственных властителей в первую голову. Таким образом он ослабляет и самого себя и весь пролетариат.

Теперь сложилось такое положение, что пролетариат не может более совместно со своей буржуазией нападать и побивать другую нацию, не толкая тем самым к гибели как пролетариат других стран, так и самого себя. Таково новое положение, созданное империализмом. Перед вами, таким образом, выбор: или с вашим правительством

против пролетариата другой страны, или с пролетариатом всех стран против вашего правительства.

Время национальных войн, когда рабочий выступал бы и действовал бы в интересах своей нации и в то же время провозглашал бы себя интернационалистом, время интернациональных слов и национальных дел миновало.

Немецкая социал-демократия говорит: возможно, что на Германии, как на империалистической стране, лежит вина за эту войну, но раз мы все испробовали, чтобы помешать войне, и Россия нападает на нас, нам приходится обороняться. И при этом приводят известную цитату из Маркса, где он говорит, что если на проходящего по улице нападают, он не только отражает удары, но и в свою очередь нападает.

Это сравнение, верное, может быть, для времен Маркса, теперь уже не верно. Оно относилось тогда к иноземному врагу, который, являясь врагом буржуазии, был в то же время и врагом рабочих. Но не таково положение теперь. Пролетариат представляет из себя того путника, на которого напала как своя собственная, так и иноземная, неприятельская буржуазия. Конечно, он должен начать обороняться против врага и даже наступать на него. Но врагом является теперь не только иноземец, но, при империализме, и собственная буржуазия.

Русский империализм нападает на немецкий империализм. Немецкий империализм—на русский. Но русский империализм и немецкий империализм нападают совместно на немецкий пролетариат. И русский империализм и немецкий империализм нападают совместно на русский пролетариат. И так обстоит дело со всеми странами. Империализм всех стран нападает совместно на пролетариат всех стран.

Времена изменились. Капитализм настолько развился, что он лишь путем резни пролетариата всех стран может развиваться дальше. Возник мировой капитализм, который борется против мирового пролетариата.

Таким образом неправильно, что в интересах пролетариата одобрять войну, раз она уже вспыхнула.

А теперь о самосохранении рабочих, нации, национальности.

Немецкая социал-демократия утверждает, что, если война вспыхнула, пролетариат должен отражать неприятеля, чтобы избежать ужасов вторжения, убийства, грабежей и пожаров; что в интересах

своей страны, своего класса, своей нации рабочие должны обороняться.

Это их самый сильный аргумент.

Мы отвечаем, что империализм, как целое, представляет для пролетариата несравненно бо́льшее зло, чем война или вторжение неприятеля, потому что он представляет из себя нечто длительное, угрожающее пролетариату.

Поэтому пролетариат должен во что бы то ни стало, если бы даже это повело к вторжению неприятеля в его страну, противостоять империализму, империалистической войне.

Мы постараемся привести доказательства этому положению, разобрать его по частям.

Вы говорите: чувство самосохранения побуждает нас защищать отечество.

Мы отвечаем: империализм угрожает вам более, как пролетариям, чем как немцам. Целый ряд империалистических войн из-за мирового господства, все усиливающийся империализм ожидает вас, ваш класс. Таким образом существование вас, как пролетариев, стоит под вопросом. Вами руководит ложное, слепое, несознательное чувство самосохранения, в данном случае—ваш патриотизм. Вы должны поступать иначе, сознательно, целесообразно и вместо того, чтобы с немцами сражаться за немецкий империализм, вести борьбу с всемирным пролетариатом против всемирного империализма.

Вы говорите: если мы восстанем против немецкого империализма, мы погибнем тысячами, десятками тысяч, потому что немецкое правительство будет подавлять это восстание.

Мы отвечаем: благодаря войне вы погибнете сотнями тысяч, может быть, даже миллионами.

Вы говорите: благодаря революционной борьбе против немецкого империализма будут уничтожены наши организации, наша единственная сила.

Мы отвечаем: немецкий империализм обессиливает благодаря войне ваши организации и по окончании войны будет обессиливать их новым гигантским вооружением и новой войной. Мы отвечаем: организация не самоцель, а лишь средство к борьбе [1]).

---

[1]) Позднее мы еще вернемся к этому.

Вы говорите: но наша страна, наши города будут опустошены неприятелем, если мы не окажем ему сопротивления. Мы отвечаем, что для международного пролетариата теперь, при империализме XX столетия, одинаково плохо, будет ли опустошен неприятелем один город или область Германии, Бельгии, Франции или России.

Мы отвечаем: у вас двоякий выбор: или признание войны и опустошение вашего собственного или другого национального государства, или противодействие войне сообща, с пролетариями всех других стран.

Мы отвечаем, что империализм не только теперь, но на целый ряд лет, угрожает гибелью Европе, вашей собственной стране и всему миру.

Мы отвечаем, что вы должны решить, хотите ли вы на долгие годы быть соучастниками опустошения целых стран, или вы хотите принять меры к прекращению раз-на-всегда всякого опустошения.

Мы отвечаем, что вы должны объединиться с международным пролетариатом, чтобы прекратить опустошение всего мира.

Мы отвечаем, что интернационализм теперь, при империализме, стоит выше национальности.

Но вы говорите: если мы не будем обороняться, русские уничтожат нас самих, нас, рабочих, наш класс. Этого ведь мы не можем потерпеть.

Мы отвечаем: не только русский империализм поступает так, но и германский. Ваш германский империализм умерщвляет сотни тысяч представителей вашего народа.

И германский империализм будет продолжать уничтожать вас, как класс, и после заключения мира, если вы не окажете ему сопротивления, если вы, как рабы, будете вести войну для него. Он предпримет новое вооружение, новую войну. Теперь вы видите только цветочки. Ослабление способности к борьбе вашего класса,—немецкой рабочей партии,—ставит перед вами угрозу империализма как мирового, так и германского.

Мы отвечаем: мировой империализм угрожает рабочему классу всего мира.

Мы отвечаем, что не совместно с немецкой буржуазией должны вы защищаться от уничтожения немецкого рабочего класса, но

вместе с всемирным пролетариатом бороться не на жизнь, а на смерть против уничтожения рабочего класса всего мира.

Вы говорите: но наша национальность погибнет, если русские не будут отражены.

Ведь Россия, это варварское, деспотическое государство и ее победа означает порабощение, возвращение нашего отечества к варварству.

Мы отвечаем, как мы уже говорили: эта причина имела основание тогда, когда Россия была азиатской страной.

Теперь этого основания больше нет.

Теперь—благодаря геройству российского пролетариата—Россия уже больше не азиатская страна, она стоит на пути к западно-европейскому развитию.

Она имеет парламент. Ее сельское хозяйство совершенствуется под влиянием революции, благодаря ей.

Внутренний рынок создается и быстро развивается, промышленность благодаря этому имеет все шансы для того, чтобы достигнуть процветания, и тогда Россия не уступит Пруссии.

Тем более, что русский пролетариат, слабый численно, может соревновать в политическом отношении своей интеллигентностью и силой своей воли.

Русский пролетариат быстро обратит русский уклад в западно-европейский.

Вы не можете, вы не должны бороться с этим пролетариатом.

Мы отвечаем: для больших национальных государств, как Германия, Россия, Англия, Франция, погибнуть, как нации, как отечеству—опасности нет.

Ни Россия, ни Франция, ни Англия не смогут аннексировать Германию точно так же, как и Германия не сможет аннексировать их [1]).

Для России вопрос шел не о Кенигсберге, а об Эрзеруме; Германию так же мало интересовали Кале и Булонь, как Кент или Ирландия,—ее привлекала Месопотамия и Конго, Францию прельщала

[1]) Что касается маленьких национальных государств, то их национальность стоит, конечно, под угрозой. И при том со всех сторон, как со стороны „друзей“, так и со стороны врагов. В течение долгого времени они не могут проводить собственной политики. И по этой причине, так же, как и по другим, пролетариат этих стран должен руководствоваться указанной выше политикой пролетариата больших государств.

не какая-либо европейская область, даже и не Эльзас, но Сирия, африканские и азиатские владения и т. д., и т. д.

Мы отвечаем: но даже если бы было так и если бы и ваша нация, ваша национальность, часть вашего государства стояли бы под угрозой, то в сотню, в тысячу раз бо̀льшую угрозу вашей нации—всем нациям—представляет империализм с его рядом войн и возможной гибелью пролетариата.

Он угрожает не только счастью, благополучию, но, может быть, даже самому существованию национальностей.

Мы отвечаем: ваша буржуазия морочит вас, утверждая, что как та, так и всякая другая империалистическая война ведется для обороны, для защиты вашего отечества, вашей нации.

Они обманывают вас.

Чтобы заполучить вас на свою сторону, как солдат, для своей цели, своей действительной цели, которую они от вас скрывают. Чтобы убедить вас, что вы сражаетесь за себя, за свои цели.

Поэтому они говорят, что война ведется, как это бывало раньше, для защиты отечества, национальности. На самом деле их цель состоит в том, чтобы расширить свои владения, особенно в колониях, поработить слабые народности и пролетариат как туземный, так и своей национальности.

Вы ведете войну за мировое могущество, за барыши буржуазии.

Мы отвечаем вам: преумножив то и другое для нее, вы тем самым подвергнете себя и своих братьев за границей еще бо̀льшей эксплоатации.

Империализм приносит буржуазии барыши, а вам—неисчислимый вред. Он взваливает на вас новое бремя, тормозит всякий прогресс, разрывает единство международного пролетариата, он умерщвляет вас, он грозит вам гибелью. И чем больше вы будете укреплять империализм, тем сильнее будут все эти его проявления в течение долгого ряда лет.

Вы говорите: но пролетариат одной страны сильнее, чем пролетариат другой. И пока это так, одновременное выступление против мировой войны невозможно. Ибо более сильный пролетариат окажет своему правительству более сильное сопротивление, чем более слабый, ослабит больше армию и военные действия собственной нации;

чем это сможет сделать пролетариат другой страны, и это даст врагу победу.

Мы отвечаем в связи со сказанным выше о национальности, что при империализме для пролетариата, как целого, вопрос о том, кто окажется победителем, не является первенствующим [1].

Мы отвечаем, что для пролетариата, как целого, первенствующий вопрос состоит в борьбе, как целого, против империализма, в укреплении его, как целого, и предотвращении собственной гибели от капитализма.

Мы отвечаем, что теперь, в настоящий момент, когда мировой капитал готовится завоевать весь мир и начинает для этой цели первую мировую войну, теперь, когда начинается этот новый период борьбы между капиталом и трудом, борьбы, в которой мировой капитал пускает в ход против мирового пролетариата и эксплоатацию, невиданную еще доселе, и войну, и гибель, и смерть, — теперь пролетариат *должен* оказать ему сопротивление. Иначе ему грозит опасность погибнуть, как борющемуся за свободу классу, в материальном, духовном и нравственном отношениях. Теперь пролетариат должен укрепляться и защищаться от той гибели, на которую толкает его империализм.

Мы отвечаем еще раз:

Национальный империализм не менее гибелен для пролетариата, чем империализм других наций. И поэтому для пролетариата, как целого, необходимо бороться со всеми империализмами, со своим, как и с чужим, в равной степени, с одинаковым упорством и настойчивостью.

Германский империализм так же опасен для германского пролетариата, как французский, английский, русский; английский империализм — такой же враг английскому пролетариату, как русскому,

---

[1]) Далеко не безразлично, впрочем, кто проявил бы в общей борьбе против империализма и войны относительно большую силу, больший нажим, русский или немецкий пролетариат.

Как малозначен еще в настоящее время упомянутый выше довод, видно из того соображения, что в теперешней войне, по всей вероятности, между силами немецко - австрийско - венгерского и русско-английско - французского пролетариата не было бы большого различия, если бы как тот, так и другой начали борьбу против войны.

французскому, немецкому; французский империализм таит в себе такую же гибель для французского пролетариата, как для английского, русского, немецкого и т. д., и т. д.

Мы отвечаем: национальный империализм одинаково опасен каждому национальному пролетариату, а следовательно, и всему международному пролетариату.

Мы отвечаем:

Перед лицом империализма и буржуазии, которые со всех сторон и извнутри и извне одинаково угрожают пролетариату, национализм пролетариата отпадает.

Мы отвечаем: национальное существование—в смысле враждебного отношения к другим нациям,—которое все еще более или менее присуще пролетариату, совершенно изгладится благодаря империализму, лишь только рабочий поймет и познает его.

Мы отвечаем: интернационализм, отрицание отечества,—в смысле отказа от войны с какой-либо другой нацией,—все еще крайне слабо осознанные пролетариатом, будут превращены благодаря империализму в conditio sine qua non, в условие существования революционного международного пролетариата.

Общая международная борьба против империализма всех наций превратится в условие существования всех национальных пролетариатов, всего мирового пролетариата.

Мы отвечаем: война угрожает вам, ставит перед вами угрозу вторжением в вашу страну. Ваш инстинкт подсказывает вам, что вы должны отражать нападение неприятеля. Если вы это делаете добровольно, вы тем самым укрепляете империализм.

Но империализм таит в себе опасность беспрерывного вооружения, угнетения и гибели.

Ваш инстинкт, таким образом, должен вам также подсказать, если вы не хотите, чтобы эта опасность осуществилась, что вы должны бороться не против неприятельского вторжения, а против империализма.

Перед вами, таким образом, выбор или добровольно помогать теперь отражению нападения, усиливая тем самым империализм, или, сообща с пролетариатом всех стран, противиться этому из всех

сил и принять участие в империалистической войне, лишь будучи на то вынужденными.

Перед вами теперь выбор: или помогать вашей национальной буржуазии в ее империалистических вожделениях, или бороться с ней.

Выбор может быть только двоякий: или помогать международной буржуазии в развитии ее империализма, или бороться с ней.

Для мирового пролетариата выбор теперь, когда империализм угрожает мировому пролетариату на долгие, долгие годы, лишь двоякий: или принять участие в мировом империализме, а следовательно, и в уничтожении мирового пролетариата; или бороться с мировым империализмом, а следовательно, и с всемирной буржуазией, облегчая тем самым победу для всемирнаго пролетариата.

Мы отвечаем: вы имеете теперь двоякий выбор: за или против национальной буржуазии, за или против национализма.

Выбор у вас двоякий: за или против империалистической буржуазии, за или против международного империализма.

Одним словом, выбор у вас между империализмом и социализмом.

Конечно, для класса очень трудно, труднее еще чем для индивидиума, превратить несознательное чувство самосохранения в сознательное и пренебречь близкой опасностью, чтобы оборониться от большей, хотя и более отдаленной.

Но в том-то и состоит задача социал-демократии, чтобы несознательный инстинкт рабочих превращать в сознательное чувство.

Этим мы опровергли, по нашему мнению, также третий аргумент: опасность вторжения, а следовательно, и вообще все аргументы.

Таким образом империализм, эта высшая до сих пор форма развития капитализма, сплачивает пролетариат всего мира, вместе, в первый раз для международного выступления.

Империализм, это—тот огонь, на котором пролетариат всех стран выковывается для борьбы.

Мировая война, империалистическая бойня, это—плавильник, на котором мировой пролетариат в первый раз сплавляется в одно целое.

Империализм закаляет пролетариат, приводя его, в первый раз, но уже навеки, к интернационализму.

Империализм не является, таким образом, как думают Каутский и радикалы, так называемые марксисты и ревизионисты в Германии, чем-то второстепенным, преходящим. Империализм является тем центральным пунктом, к которому сводится социальное развитие, рост и борьба рабочего класса, а также и революция. Он является тем основным вопросом, от понимания и преодоления которого на долгое время, навсегда, зависит вся будущность пролетариата.

Империализм это—основной пункт, от которого зависит все развитие борьбы рабочего класса.

Международная социальная революция,—а она не может быть иной, как международной,—зависит от борьбы против империализма.

Не в том смысле, что эта борьба одним ударом приведет нас к социализму. Но в том смысле, что империализм значительно подвинет нас по революционному пути к социализму.

Но только в том случае, если борьба будет действительно революционной.

Немецкий рабочий класс не вел такой борьбы. Он пошел вместе с империализмом.

Тем самым он предал и себя, и свое дело, и дело Интернационала.

Нам остается опровергнуть еще один аргумент, который приводила часть немецкой социал-демократии, чтобы объяснить свое добровольное признание войны.

Часть немецкой рабочей партии говорит: наша цель в этой войне против России состоит в освобождении Польши, Финляндии и русских рабочих.

Странное дело: та самая война, которая поведет к раздроблению английских и французских рабочих, должна в то же время улучшить положение русских и польских рабочих.

Но вы не можете освободить поляков, финнов и русских, так как это зависит не от вас.

Это зависит от вашего кайзера, вашего владыки, от юнкеров и ваших капиталистов. Они не хотят освобождать русских, поляков и финнов.

Кто ведет войну: вы или они? Им чрезвычайно выгодно иметь за собою русскую автократию—против вас. Они никогда не пойдут на то, чтобы раздавить или поработить Россию. Они ведут войну—и вы вместе с ними—прежде всего и в первую голову про-

тив Франции и Англии. Эта война—империалистическая. Они жаждут больше всего французских, бельгийских и английских колоний и сухопутного пути в Индию.

Вы цитируете Маркса и говорите, что он тоже желал поражения России для того, чтобы русские рабочие были освобождены.

То, что вы утверждаете это, проявляет лишь убожество и слабость вашей политики.

Маркс никогда не желал поражения страны, где рабочие были уже настолько сильны.

Маркс никогда не желал такой войны, которая может укрепить царизм.

Маркс никогда не хотел поражения России ценой ослабления французских и английских рабочих.

Но это показывает также лживость вашей политики! Ибо вы, немецкие социал-демократы, бо́льшая часть из вас, знаете прекрасно ваш собственный империализм.

Вы, бо́льшая часть из вас, знали, что он стремился, что он должен был повести войну против Франции и Англии (и Бельгии и Португалии) ради их колоний. Сотни раз писалось об этом в ваших газетах.

Вы знали, что война ведется не против России.

Немецкое правительство использовало войну с Россией для того, чтобы привлечь вас на свою сторону, и часть из вас пошла за ним очень охотно.

Истинной причиной того, что эта часть приняла участие в войне, является не борьба против России, а желание принять участие в колониальной политике, в империализме [1]), в союзе с буржуазией.

Другая же часть социал-демократии проявила недостаточно мужества для того, чтобы противостоять этому.

То же самое имело место и в других партиях Интернационала. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

То, чего вы якобы не хотите, подавления Франции и Англии, то вы как раз и делаете. А то, что вы якобы хотите сделать: поработить Россию, того вы не можете.

---

[1]) В европейском рабочем классе, в большей части этого класса, преобладают скрытый империализм и национализм. Мы подробно остановимся на этом, когда речь пойдет о реформизме.

Все это вполне достаточно проявляет жалкое убожество вашей политики.

Вы сделали бы лучше, если бы предоставили одному капиталу нести всю ответственность за кровь, проливаемую в этой войне. Вы сделали бы лучше, если бы не стремились освобождать русских рабочих таким путем!

Русские рабочие могут добиться освобождения только сами.

А культура!—говорят нам.

Вы хотите спасти немецкую культуру от русских варваров! Какую культуру имеете вы в виду?

Культуру прошлых времен?

Но зачем же тогда покушаетесь вы на английскую и французскую культуру, которая, конечно, не уступает вашей.

Вообще французская и английская культура стоит на высшей ступени, чем ваша, ибо они имели буржуазную свободу и пользовались ею, а вы нет [1]), и ваши искусство, наука и философия пользовались плодами культур более совершенных.

Но рабочие не имеют своей доли в этой культуре.

Или, может быть, вы имеете в виду культуру XIX столетия?

В XIX столетии англичане имели наиболее совершенную поэзию, французы наиболее совершенную живопись и прозу, вы—самую совершенную музыку.

Таким образом все это было распределено довольно справедливо.

Все эти виды культуры, однако, находятся в полной безопасности и продолжают существовать повсюду на свете. О них нечего беспокоиться.

Но рабочие не имеют своей доли в этой культуре.

Или, может быть, вы имеете в виду современную культуру, культуру империалистического периода, культуру начинающегося XX века?

Великого искусства более не существует. Великая поэзия во всех странах умерла. Великая проза: импрессионизм, натурализм, великий буржуазный реализм сошли на-нет. Великая архитектура более не существует. То, что осталось еще от архитектуры, не имеет ни сердца, ни души. Музыка теперь лишь тень того, чем она была.

---

[1]) Мы, немцы, были лишь раз в сообществе свободы,—в тот день, когда она была погребена" (Маркс—К критике гегелевской философии права).

Великой живописи нет более. Нет и философии. Рост пролетариата подрезал ее корни. Религия находится при смерти.

Искусство качается, как маятник, между жестокими и суровыми впечатлениями крупного капитализма, приторными, тусклыми мелкобуржуазными ощущениями и трусливым мистицизмом. У него уже нет более единой высокой общей идеи. В своем отчаянии и доведенном до крайности индивидуализме оно переходит сплошь и рядом в безумие.

Философия спустилась до Маха или Оствальда, которым незнакомы законы человеческого общества, или до реакционного Бергсона. Кант и Гегель потускнели, как привидения.

Религия уже доживает последние дни. (Мы говорим о буржуазии, а не о борющемся пролетариате.)

Или, может быть, вы подразумеваете под культурой всеобщую мягкость и красоту нравов? Но империализм несет с собой, благодаря своему кровожадному, жестокому угнетению слабых народностей и вызванной им приостановке социального законодательства, лишь всеобщее одичание, огрубение и озверение.

Высшая ступень духовной культуры, духовного пыла и нравственной красоты сведены империализмом с их былой высоты. Настоящая мировая война служит тому доказательством.

Высокой культуры не существует более нигде в капиталистическом мире.

Культура? Но в чем состоит культура империалистического периода?

В бешеной погоне за деньгами и могуществом отдельные индивидуумы и государства крутятся, как в водовороте. Суровая власть денег и грубой силы давит и душит всех слабых, как отдельных индивидуумов, так и целые народности. Все племена, все расы, черные и желтые, коричневые, цивилизованные и дикие, подпадают под иго. И большая часть из них становится пролетариями.

Что это значит?—Их самостоятельность, составляющая счастье человека, исчезает. Их свобода, их относительная свобода, исчезает. Они становятся вещами. Не людьми, а вещами, подчиненными капиталу, гонимыми и увлекаемыми могучим движением капитала. Составные части машин. В мире капиталистов все усиливается необузданная жажда денег, могущества и наслаждений. Непомерная роскошь и разврат растут. Увеличиваются также случаи сумасшествия и нерв-

ных заболеваний. Число рождений уменьшается. Искусственное ограничение деторождения становится всеобщим.

В кругах рабочих увеличивается интенсивность труда. Применение труда женщин и детей возрастает. Растет и эксплоатация.

Борьба становится более напряженной. Власть работодателей, правительств, картелей и монополий возрастает.

Сила рабочих становится слабее по сравнению с силой буржуазии. Их бремя становится тяжелее, их жизнь мучительнее.

Все труднее становится борьба профессиональных союзов, все бесплоднее парламентская борьба. Социальное законодательство приостанавливается.

В бешеном вихре устремляются рабочие и капиталисты вперед, подстегиваемые властью капитала. Капиталисты стремятся получить деньги, власть, господство над людьми. Они сами—бедные рабы, ибо эта война дает тому новое доказательство—они не являются господами своей судьбы. Они должны делать то, чего собственно они не хотели бы делать, что они боятся делать. Превосходство, фатальная сила капитала толкает их вперед. Капитал натравливает их в слепом бешенстве друг на друга. Как звери, которые не знают, что они делают, стараются они разорвать друг друга. Вопреки их воле, их надеждам, их глубокому желанию жить. Но они должны. Капитал в своем последнем периоде, капитал в своей экспансии хочет этого. Назовете ли вы такое положение, такое настроение умов культурой?

Она одинакова во всех странах. Нет больше различия между русской, немецкой, французской, английской культурой. Различие, существовавшее раньше, выравнено капиталом. И повсюду и везде та же самая антикультура.

Рабочие увлекаются тоже этим безумным потоком. Тщетно пытаются они сопротивляться ему и общими усилиями добиваться освобождения. Одичалые, они увлекаются потоком. Они, громадное большинство из них, еще слабы, не имеют ни ясного сознания, ни мужества. Нет уже того спокойного, глубокого настроения, которое отражало бы в высшей красоте, в чистом знании, в глубоком понимании явлений всю эпоху, все общества.

Капитал всесилен. Эта война доказывает, что рабочие не могут почти ничего достигнуть и имеют еще очень мало значения.

Разве это культура?

Как капиталисты, так и рабочие являются игрушкой в руках экономических сил, неизмеримо более сильных, чем они. Процесс производства в эту последнюю фазу капитализма грандиознее, всесильнее, чем когда-либо, подчиняет их всецело своему господству. Теперь уже не может быть тихого покоя, досуга, наслаждения жизнью, ясной открытой души, которая спокойно созерцает окружающее и усовершенствует те образы, которые запечатлела. Не может быть того душевного настроения, которое отражает всю эпоху, все общество в душевной красоте, в высокой науке, глубоком изображении духа. Ни у владык, ни у порабощенных. Это чуждо теперешнему времени.

Вы назовете это культурой?

Дикарь, варвар, ремесленник, свободный крестьянин — все они были свободнее, самостоятельнее, чем человек во времена капитализма. Они имели, если свободу можно считать культурой, больше культуры.

Может быть, вы понимаете под культурой профессиональные союзы и политические партии рабочих? Это ли ваша культура, которую вы хотите спасти?

Поскольку профессиональные союзы и политические рабочие партии добиваются мелких улучшений, они являются союзами рабов, стремящихся к заплаткам на своем рабстве.

Возможно, что в объединении, во взаимной помощи могло лежать в начале нечто порожденное более высокой культурой, но тот факт, что объединились и помогают друг другу угнетенные рабы, таким образом, самое наличие рабства низводит это явление на более низкий уровень.

Среди порабощенных нет красоты, нет высокой культуры. Только свободное общество создает красоту.

Объединение рабов есть культура лишь при единственном условии постоянного сознательного действия, направленного к уничтожению рабства.

Но много ли таких сознательных в рабочих союзах?

Многие ли рабочие борются в д е й с т в и т е л ь н о с т и за общее освобождение?

Настоящая война снова служит этому доказательством. Немногие, очень немногие.

Культура рабочих, поскольку культура состоит в борьбе за освобождение,—другой культуры теперь не существует,—очень незначительна, очень редко встречается.

Может быть, вы подразумеваете под культурой науку?

Правда, наука преуспевает повсюду в международном масштабе, но лишь для того, чтобы способствовать империалистической, капиталистической культуре во всех ее ужасных проявлениях. Ибо, поскольку она не делает этого, она стоит вне общества и напоминает собой растение, живущее без земли и без воды.

Но и в культуре науки рабочие не имеют своей доли.

Но эта антикультура, это головокружительное устремление людей в бешеном, бурном водовороте, побуждаемых к тому дикими антикультурными общественными силами, достигла своего кульминационного пункта в этой войне. Как высшая ступень развития капитализма, как единственное средство к его обновлению, умножению, процветанию и дальнейшему развитию его, культура выдвигает теперь массовое убийство. Убийство миллионов людей. Машинное, по последнему слову науки организованное массовое убийство. Убийство народов согласно техники крупного производства.

Логическим следствием, вытекающим из целого ряда его деяний,—угнетения пролетарских масс и выжимания из них соков, калечения их на работе,—является убийство миллионов людей во всем свете, на поле борьбы, докоторого дошел капитализм. Это—его высший расцвет, его достойное завершение.

И только таким образом капитализм способен вызвать одушевление, братство и общность настроения среди людей одной нации. Общность настроения в убийстве.

Разве вы назовете это культурой?

Ужасное зрелище! Капиталисты, сцепившиеся в войне, в массовом убийстве, которому не видно конца.

И при этом они лицемерно утверждают, что ведут эту войну во имя культуры, во имя человечества.

А рабочие верят им и идут за ними и позволяют эксплоатировать и обманывать себя. Они убивают друг друга по приказанию капиталистов и сами заявляют, что все это происходит во имя культуры.

Ради антикультуры, которая превращает их в рабов.

Ради культуры, которой вовсе не существует.

Имущие и рабочие — все рабы. Такие же рабы, какие были сотни лет тому назад.

Существует лишь одна культура. Пролетарская. Та культура, которая стремится сделать средства и орудия производства общим достоянием, а труд—социалистическим, и тем самым положить конец всякой войне, всякому убийству. И все действия, которые сознательно направляются к этой цели, представляют собой тоже эту культуру.

Это—единственная культура, которая еще существует при империализме.

Немецкий рабочий класс, немецкая социал-демократия и ее представители могли бы спасти эту культуру, распространить и возвысить ее, если бы они противостояли войне до последней возможности и отказались голосовать за кредиты.

Тем, что рабочий класс Германии не напряг во-время все силы для противодействия войне и одобрил кредиты, он втоптал в грязь и осквернил эту культуру.

Он укрепил тем самым империалистическую, капиталистическую антикультуру. Он стал соучастником всех ее преступлений и их последствий. Он предал свою собственную культуру.

Наконец, тем, что немецкая социал-демократия приняла войну, она нанесла нашему общему делу еще один и, может быть, наиболее тяжелый урон.

Тем, что немецкая социал-демократия приняла войну, она уничтожила, поскольку это от нее зависело, надежду на революцию после войны.

Как часто указывали Маркс, Энгельс, Каутский и многие другие на войну, как на вероятную причину пролетарской революции! Как часто война бывала уже такой причиной!

А теперь выходит на сцену немецкая социал-демократия и одобряет опустошительнейшую, неизвестно что таящую в своем исходе войну, которая чревата новыми бесконечными тяготами и вооружениями и новыми войнами, которая порабощает бо́льшую часть пролетариата, разъединяет, ослабляет, уничтожает его.

Разве исключена возможность того, что Германия, Франция, Россия или Англия, многие из этих стран или одна из них, подвергнутся такому поражению, что это вызовет восстание рабочего класса? Когда армии возвратятся по домам, наступит, вероятно, та-

кая безработица, такая нужда, такой недостаток во всем, что они с оружием в руках прогонят свои правительства и введут новую свободную форму правления.

Эта возможность не исключена в виду того, что все державы настолько сильны, что они не смогут уничтожить друг друга, все они будут настолько обескровлены, что будут вынуждены заключить мир, ибо ни одна не сможет победить. Возможно, что тогда международный пролетариат восстанет не в одной, а во многих странах и прогонит тех, кто виноват в этой войне.

Возможно, что рабочие выставят социалистические требования и попробуют основать социалистическое общество.

Правда, эта возможность не изъята. Надежда на такой исход войны не совсем еще исчезла. Мы еще не можем верить, чтобы пролетариат вытерпел все это совершенно безучастно. Мы питаем еще надежду, что народы, по крайней мере, хоть один народ, восстанут. Но немецкая социал-демократия, приемля войну без всякого сопротивления, значительно уменьшила, почти уничтожила возможность этого восстания.

Ибо как может она, голосовавшая за кредиты на войну и таким образом принимавшая вместе с буржуазией участие в объявлении и ведении ее, превратить ее в революцию против буржуазии, своей союзницы? Как может она при этом быть руководительницей?

Если революция вспыхнет, то она вспыхнет помимо ее участия, против ее воли, по другому пути, может быть, для другой цели, чем она хотела бы.

Это-то и есть самое худшее: это есть преступление против самого духа социал-демократии, против Интернационала. Этим она превращает в ничто свое собственное существование.

Мы так подробно опровергли все те доводы, которые немецкая социал-демократия приводит в свое оправдание, потому что вопрос, который мы излагаем и отстаиваем,—единство пролетариата, порожденное империализмом,—новый, потому что он не может быть решен одной фразой вроде: солидарность пролетариата или противоречие между капиталом и трудом. Необходимо детальное опровержение доводов немецкой партии, вследствие большого значения этого вопроса и важности аргументов.

В заключение следует сказать еще следующее: бывают моменты в классовой борьбе, когда противоречие труда и капитала выдви-

гается на первый план и когда тот, кто не считает этого противоречия решающим, но, принимая во внимание все возможности и все трудности, воздерживается от дела, от борьбы, предает тем дело пролетариата.

Есть моменты, когда поражение лучше, чем уклонение от опасности.

Есть моменты, когда отступление перед непосредственно грозящей опасностью означает поражение на будущее время, когда надо пожертвовать всем, чтобы обеспечить победу в будущем.

Бывают моменты, когда, несмотря на все трудности, надо бороться.

Это был один из таких моментов.

Капитализм выступил в первый раз со всей своей силой для завоевания вселенной, а также для того, чтобы, истребивши сотни тысяч пролетариев, поработить пролетариат еще сильнее на многие годы и довести его, как борющийся класс, на долгое время до полной экономической гибели. Капитализм в первый раз воспользовался для этого всемирной войной.

Здесь надо было вспомнить: Principiis obsta [1]).

Это был момент, когда пролетариат должен был показать, что он понял это.

Это был момент, когда надо было признать необходимость борьбы и начать ее, ибо если покоришься один раз, борьба становится несравненно тяжелее.

Пролетариат не понял этого. Он покорился из-за несознательности, из мелочного желания добыть мелкие кажущиеся выгоды, из малодушия.

Пролетариат рабски покорился, подтвердив этим, что он, действительно, раб.

Он не употребил ни малейшего напряжения для борьбы за свободу.

Этим самым он ослабил себя на очень долгое время.

И с ним будут теперь обращаться, как с рабом,—как с рабом, который и не домогается свободы,—и после войны ему придется терпеть гораздо более тяжелое угнетение.

Резюмируем вкратце сказанное:

Немецкая социал-демократия ничего не сделала, чтобы противо-

---

[1]) Принимай меры, когда начинается несчастье.

действовать войне, которая грозит пролетариату Европы гибелью [1]). Наоборот, в лице своих представителей она помогла империализму подготовить убийство, ослабление и, может быть, гибель этого пролетариата.

Тем, что немецкая социал-демократия приняла войну, она ослабила международный пролетариат и чрезвычайно усилила на долгое время мощь международного империалистического капитала.

Пролетариат, и немецкий в первую голову, был единственным врагом империализма, внушавшим ему страх. Пролетариат смирился; теперь империализм—неоспоримый владыка мира.

Немецкая социал-демократия отреклась от единственной высокой культуры, которая существует, и приняла на себя часть ответственности за массовые убийства, за грабежи и пожары, за опустошение государств, за уничтожение наций и старой культуры, между тем как новейший капитализм—империализм—достиг своего высшего проявления, высшей формы своего бытия.

Немецкая социал-демократия сама убила революцию.

Но то, что мы сказали здесь о немецкой социал-демократии, имеет значение на тех же основаниях и в той же мере точно также для французской, бельгийской, английской и для социал-демократии всех тех стран, где рабочие партии одобрили кредиты на вооружение и мобилизацию для этой войны.

Рабочие партии Германии, Франции, Англии, Бельгии, Швейцарии, Голландии, Дании, Норвегии не только ничего не сделали, когда империализм угрожал пролетариату Европы гибелью в этой войне, чреватой новыми империалистическими войнами, но они поддержали империализм [2]).

[1]) Демонстрация в четверг вечером перед началом войны, организованная слишком поздно, не имела никакого значения.

[2]) Недостаток места не позволяет нам коснуться каждой страны в отдельности. Читатель сам пополнит частности и различия.

Правда, в каждой стране были группы, которые высказывались против войны и против голосования кредитов. Укажем, как на пример, на маленькую группу в немецком рейхстаге и независимую рабочую партию в Англии и т. д. Но это произошло не благодаря правильному пониманию империализма. Бо́льшая часть синдикалистов приняла войну. Анархисты рассматривали ее, само собой разумеется, исходя из абстрактной идеи,—из понятия права, которое хотели попрать в Бельгии.

Тем, что международный пролетариат, как целое, не оказал сопротивления этой войне, он сам себя разъединил, дал возможность международному капитализму и империализму развернуть свои силы и на будущее, и затормозил дело революции.

VI.

Причины национализма в пролетариате.

А. Несознательное отношение к империализму.

В. Реформизм.

Мы рассмотрели доводы, которые приводят сами социал-демократы.

Но какова же истинная причина всего этого?

Как может пролетариат отречься настолько от собственных интересов и перейти целиком на службу к буржуазии?

Причин тому несколько: во-первых, пролетариат еще недостаточно сознателен, чтобы выступить, как одно международное целое, против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат еще недостаточно сознателен, чтобы бороться за великие отдаленные цели; он дорос лишь до сознания борьбы за мелкие, повседневные.

Поэтому, когда ему нужно было выступить в международном масштабе за отдаленные цели, он оказался неспособным на это.

Он не знал, что делать.

Одним словом, он не сознал необходимости международной борьбы за отдаленную величайшую цель, за социализм. Ибо борьба с завладевшим всем миром империализмом есть борьба против экспансии капитала, есть борьба против самой сущности капитализма, борьба за социализм.

Несознательность была, следовательно, причиной того, что международный пролетариат поступал таким образом. На первом месте—несознательность.

У рабочего класса, у пролетария должна быть более высокая степень сознательности, если ему приходится вести борьбу в международном масштабе.

Национализм пролетария совсем другого рода, чем национализм буржуа. Для буржуа нация это — политико-экономическая организация, которая, благодаря своему единству и могуществу, делает для него возможным продуктивное применение его капитала как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Национальное государство управляет рабочими внутри страны, согласно его интересам,—защищает с оружием в руках его интересы и увеличивает ради него свою власть за границей.

Вот основа буржуазного национализма, который, подобно своему капиталу, в высочайшей степени активен.

Но рабочий не имеет капитала, он получает лишь заработную плату. Вследствие этого его национализм пассивен, подобно тому, как пассивно получение заработной платы.

Но при всем том рабочий существует в значительном большинстве случаев на средства, которые дает ему национальный капитал.

Хотя национальный капитал—его враг, но средства существования он получает от своего врага, который дает ему пропитание. Таким образом, хотя рабочий пассивно националистичен, он не может стать иным, пока не сделается настоящим социалистом.

Ибо национальное государство, капитал национального государства есть основа его существования.

Он считает поэтому и должен считать, пока он не стал социалистом, что интерес национального капитала есть его собственный интерес. Он должен защищать его от неприятеля, ибо благополучие капитала есть его собственное благополучие.

Национализм рабочих состоит из ряда мелких чувств и инстинктов, которые присоединяются к чувству самосохранения и группируются около него. На первом месте стоит инстинкт сохранения жизни трудом, заработной платой. К нему присоединяются и на нем покоятся незамысловатые чувства любви к родине, к родительскому дому, семье, ближайшим окрестностям, своему народу, классу этого народа, партии, а также традиции, привычки, чувство товарищества и инстинкты сохранения всего этого, имеющего непосредственное отношение к собственному я, и таким образом теснейшим

образом связанного с чувством самосохранения. При обычном течении жизни они находятся в дремлющем состоянии, но при действительной или кажущейся опасности, благодаря этой связи с чувством самосохранения, они пробуждаются с непосредственной силой.

И они загораются в пожар страсти, ненависти к врагу, фанатической любви к своей стране, когда чувство самосохранения связано с социальными инстинктами, симпатией и солидарностью к себе подобным—в данном случае с земляками и товарищами по классу своей нации. Нужна более высокая степень сознательности, чтобы преодолеть в каждый данный момент, во всякое время, всегда этот инстинкт и не отказаться от классовой борьбы ради борьбы за нацию.

Рабочий должен сознавать, что национализм при капитализме приносит для него гораздо больше вреда, чем выгод. Он должен сознавать, в чем этот вред и в чем выгоды. Он должен их взвесить. И это убеждение должно быть таково, оно должно настолько полно войти в его сознание, чтобы не только побороть инстинкты национализма, но и заменить их. Это в высшей степени трудная задача и требующая долгого времени для своего осуществления.

Ибо для этого нужно, чтобы рабочий класс, чтобы каждый рабочий имел высокую степень сознательности и понимания сущности империализма.

Капитализм противостоит рабочему в мастерской, в профессиональном союзе, в государстве. Он таким образом националeн. Империализм противостоит ему в иностранной политике государства, в денежном капитале, в капиталистическом синдикате, в мировом тресте, в мировой политике.

Нужна значительная степень сознательности для того, чтобы понимать всегда связь всех боевых вопросов дня (как экономических, так и политических) с мировой политикой, с международным империализмом.

Так, рабочий должен знать, что империализм господствует над всей политикой, знать, как это господство проявляется, а именно: что империализм грозит рабочему классу гибелью и разъединением, являясь причиной бесконечных войн; что при империализме оборонительных войн существовать уже не может, что, наконец,—и

это следует особенно заметить,—империализм (в этом пункте он так тесно связан с национализмом, что как бы сливается с ним) объединяет все национальные капитализмы против мирового пролетариата, который со своей стороны должен быть объединен против мирового империализма. Таким образом борьба против империализма является борьбой за социализм.

Все это рабочий должен знать. Для него это должно быть не пустыми словами и фразами, поверхностным мимолетным представлением, а глубоким основательным знанием, понятием, вошедшим ему в плоть и кровь.

А это—тяжелая задача, требующая не малого времени для своего выполнения. Исследование империализма и связанное с этим вытеснение национализма является крупным шагом вперед, громадным сдвигом в сторону сознательности, т.-е. понимания развития борющегося пролетариата. Новая пропаганда, которая необходима для этого в этой новой фазе капитализма, является одной из наиболее высоких, прекрасных и плодотворных задач, которые можно выполнить в интересах пролетариата.

Против национализма, против империализма—за социализм.

Пролетариат еще никогда не делал ничего подобного. Его выступления носили до сих пор национальный, а не международный характер.

Против международного империализма пролетариат еще не выступал никогда.

Национальный, а следовательно, и международный пролетариат еще не знал борьбы против международного империализма.

Конечно, между рабочими разных стран, особенно в Германии, были группы и отдельные индивидуумы, которые познанием превзошли национальные инстинкты.

Несомненно, социал-демократия вытравила из многих сердец эти инстинкты. И эти группы и отдельные индивидуумы охотно отдали бы все силы на борьбу против войны. Но, во-первых, эти группы и индивидуумы были, по нашему мнению, очень незначительными. Даже и в Германии. В Англии их с трудом можно было найти [1]. Так же малочисленны были они и во Франции.

---

[1]) Причины, побудившие независимую рабочую партию в Англии высказаться против войны, мелко-буржуазного порядка. Члены этой партии—сторонники „Малой Англии", они считают, что Англия достаточно богата колониями.

Во-вторых, они тоже не знали, каким путем можно прекратить войну. Даже те, кто признавал методы борьбы против войны, не знал пути к их применению.

Методом борьбы против империалистической войны может быть, как мы увидим ниже, лишь национальное массовое выступление пролетариата, начатое одновременно всем международным пролетариатом.

Если бы эти рабочие группы нашли путь к применению этого метода, ясно представили его себе, они не только избрали бы его сами, но увлекли бы за собой широкие рабочие массы.

Причины, почему они не видели этого пути, не знали его, указаны ниже.

Чем была до сих пор история Интернационала?

Она была первоначально объединением профессиональных союзов и прогрессивных и социалистических групп, которые блестящим образом выражали, особенно в иностранной общеевропейской политике, мысли и чувства наиболее развитых, передовых групп рабочего класса. В первый раз в мировой истории они поддерживали друг друга, к удивлению рабочих и к ужасу буржуазии, в международном масштабе; в первый раз в мировой истории они создали связь между всем пролетариатом; открыто объявили коммунизм конечной целью своей борьбы. Они служили светочем для рабочих и первой крупной угрозой для международной буржуазии, создавая посев для будущи хпартий. Им предшествовал гений, сеятель, шедший через страны Европы и Америки.

Они имели о д н у общую программу и о б щ е е правление, которое руководило ими и посылало им написанные Марксом манифесты. Эти манифесты, как светлые факелы, освещали им путь к будущему. Но в общем их д е я т е л ь н о с т ь была не чем иным, как демонстрацией.

Вследствие внутренней раздробленности этот Интернационал распался в 1872 году, задолго перед тем, как он смог проявить себя, как нечто целое и единое. Этот Интернационал был еще слишком слаб для практической борьбы в международном масштабе, для которой еще не пришло время. Он заронил лишь семена в различных странах.

Медленно вырастали из них национальные партии и профессиональные союзы.

Тогда для рабочих настало великое время.

Во всех странах в рабочую среду влились группы мужчин и женщин, одушевленные идеями Маркса и Интернационала, пропагандировавшие коммунизм и социализм. Это были лучшие головы, наиболее горячие и пылкие сердца, благороднейшие, возвышенные индивидуальности, ибо борьба была тяжела и полна опасности. Буржуазия оказывала бешеное противодействие. Средства существования были ничтожны или отсутствовали совсем.

И рабочие, которые внимали этой пропаганде, были лучшие: наиболее горячие, умные и смелые.

Все они опирались столько же на теорию, сколько на практику.

Рабочая политика велась во имя великой теоретической цели: революции. Так было во многих странах Европы: в Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Дании, Голландии, Испании, Италии.

Этот период можно бы было назвать теоретически-практически-революционным.

Число участников движения было еще незначительно. Но в этот период в большинстве стран было достигнуто наибольшее количество результатов. Также и в смысле реформ. Натиск был так стремителен и энергичен, изумление и ужас господствующих классов так велики, что они пошли на некоторые реформы. Самые крупные реформы, касающиеся избирательного права и социального законодательства, относятся во многих странах к этому времени.

Но и этот Интернационал и эти национальные партии заботились лишь о национальных интересах, затрагивающих их непосредственно, повседневно.

Все национальные партии обратили сугубое внимание на законодательство, на парламентаризм, на выборные кампании. Все профессиональные союзы занялись в первую голову вопросами об увеличении заработной платы, уменьшении рабочего времени, охраной интересов своих членов и т. д.

Правда, они имели вполне социалистическую программу, которой они точно также были обязаны гению Маркса.

Но это была теория. Это была лишь пропаганда в общей форме, а не действие.

В национальных партиях никогда не было случая, чтобы вопрос приходилось ставить ребром: капитализм или социализм, реформа или революция?

И такое положение продолжалось долгие годы.

Революция стала теорией, а реформа—практикой.

И никогда в тот период не случалось ничего, что выставило бы перед национальными партиями требование: будьте интернационалистами на деле. Отбросьте свой национализм.

Таким образом, вопреки пропаганде благороднейших и прекраснейших идей, вопреки всем прекрасным словам, вопрос теории,—Интернационал,—превратился в совокупность партий, стремившихся лишь к мелким улучшениям и действовавшим лишь для себя, в национальном масштабе.

А между тем истинность теории или лозунга доказывается лишь на деле.

Бо́льшая часть интернациональной партии состояла из людей, стремившихся к улучшению условий жизни для себя самих, для товарищей по профессии, для товарищей по классу, для своих земляков. Ничего более. Международный социализм был для них лишь лозунгом, далеким от практики. Для интернационализма не доставало практики.

Так было даже в лучший героический период учеников Маркса и старого Интернационала, в этот революционно-теоретически-практический период, который начинается с Лассаля и, постепенно понижаясь, сходит со сцены в девяностых годах. Это был Интернационал, представлявший из себя совокупность партий, из которых каждая жила лишь для себя и которые уже тогда не соединялись между собой никакой, даже внешней, связью.

За этим теоретически-практически-революционным периодом следовал в странах Европы, о которых мы здесь говорим, другой.

Успех рабочих партий привлек широкие, падкие до реформ, рабочие массы, но не наиболее пылких, не лучших, не наиболее смелых ее представителей, а средних, массу.

Но массы при капитализме надорваны работой, не развиты. Масса—громадное большинство ее—заботилась, могла заботиться тогда лишь о повседневном: о заработке, о хлебе, о мелких выгодах. Такую массу привлекали к себе партии.

Борьба между тем стала легче. Рабочие партии добились, наконец, своего признания. Правительство и капиталисты сделали некоторые уступки, пошли им кое-где навстречу.

И широкие национальные массы, падкие до реформ, были привлечены. Их соблазняли только реформы. Но благодаря своему количеству—эти массы скоро приобрели значение.

С массами можно было завоевать власть. Большое количество голосов обеспечивало места в парламенте. Качество избирателей уже не играло такой роли.

Для этой массы в национальных профессиональных союзах и в национальных партиях реформа стала всем.

Улучшение условий жизни стало целью. Теория, революционная борьба сошла на-нет, а в силу этого и Интернационал. Все это стало для массы пустым звуком.

Тогда поднял голову ревизионизм, который превратил эту практику в теорию, в ученье, которое проповедуют рабочие: рабочие той или иной нации, объединяйтесь для реформ! Реформа,—путь к цели, есть все! Объединяйтесь и с буржуазией, по крайней мере счастью ее: тогда вы получите еще больше реформ.

Это ученье пустило корни в рабочих массах, восприимчивых к нему тем более, что тогда начался период процветания промышленности. Это процветание было следствием золотого потока, наводнившего Европу после притока золота из Калифорнии, Австралии и Трансвааля. Революционные идеи все более бледнели, осталась лишь мысль о реформах. Таковой стала масса.

Тогда появились и другие вожди.

Раньше это были люди принципа. Люди, воодушевленные идеей социализма, для которых она была всем и которые все надежды возлагали на свою пропаганду. Эти люди имели величайшее мужество, действительно революционный дух и волю, поистине революционную силу. Хотя сами они часто не были рабочими, они пытались порвать с классом буржуазии и целиком и всецело слиться и сжиться с массой, с рабочим классом.

Эти люди были проникнуты великой идеей, созданной ими идеей свободной борьбы рабочего класса. Они руководствовались этим идеалом во всех своих действиях, словах и выступлениях.

С большей или меньшей ясностью они указывали рабочим на неизбежность революции.

Это были: Бебель, Гед, Либкнехт, Плеханов, Аксельрод, Каутский, Меринг, Лабриола, Лафарг, Гайндмен, Квельч, Домела-Ньювенус в первом его периоде и многие другие.

Но когда повеяло властью, появились другие.

Филантропы, этики, широко и утонченно образованные буржуа, честолюбцы, бессовестные обманщики масс. Среди них было не мало и искренних, но недалеких людей, не имевших понятия о социализме и об его теории. Люди, обманывавшие самих себя, политики по призванию, превратившие социализм в ремесло, в выгодную аферу, в способ добывания средств к существованию.

И все они ухватились за ревизионизм, кто из филантропии, из буржуазной этики, утонченного мышления или честолюбия, а кто из глупости, из невежества, из бесхарактерности и бессовестности, из практицизма.

Революция, по их мнению, была чем-то дурным или невозможным и отдаленным. А реформы—возможным, достижимым, хорошим и выгодным. Они считали, что рабочие настолько слабы, несознательны, число голосов, подаваемых ими в парламенте, самоуправлении так незначительно, что нужно итти на компромиссы с буржуазией.

Старые вожди, радикалы, те понимали, что высокая цель, идеал, революционная борьба исчезнет, и противодействовали этому.

Но чему это могло помочь? Масса была повсюду настолько увлечена реформами, которые стояли для нее на первом месте, а иногда одни только и имели значение, что слушала только реформистов и пренебрегала советами радикальных идеалистов, которые ведь тоже не могли дать ей революции.

Таким образом теория и революция становились все более чем-то отвлеченным, о чем лучшие люди думали время от времени, как о прекрасном и возвышенном. Революция превращалась в объект области чувств, вызывая порой более учащенное биение сердца,— но обычное, повседневное, видимое постоянно изо-дня-в-день, то, о чем масса думала постоянно и днем и ночью, это была практика, реформы.

Профессиональное движение, которое имеет в виду лишь мелкие достижения, которое достигает всего путем мелких уступок со стороны работодателей и договорами с работодателями, отстаивало такую политику очень усиленно.

Повсюду в правления профессиональных союзов стали избираться реформисты. Они появились повсюду: в центральных комитетах партий, в редакциях газет, в городских думах и парламентах.

Скоро они стали большинством и превратились почти во всех странах в единственную руководящую силу.

Но победу, хотя бы и видимую, одерживают в профессиональном движении и в политических партиях вожди, депутаты и члены правлений, т.-е. отдельные личности. Эту победу они одерживают, выступая в парламенте, в городской думе, в переговорах с работодателями.

Центр тяжести перешел таким образом от массы к вождям. Создалась рабочая бюрократия.

Но бюрократия консервативна с испокон веков.

Масса, преисполненная стремлением не к революции, а к выгоде, еще более укрепилась в этом своем стремлении благодаря вождям. Для достижения этой цели она предоставила все вождям, а сама стала вялой и бездеятельной. И чем менее активной становилась масса, тем менее сознавала она цель, которая стояла перед ней, тем больше склонны были вожди приписывать только себе все движение. Они все более стали думать, что пролетарские методы борьбы состоят, главным образом, в выдуманной ими тактике, которая сводится к избирательной записке, подсчету взносов в союз и время от времени профессиональной борьбе или демонстрации. Они начали думать, что масса по существу пассивна и ею надо руководить, они же являются активной силой.

Такова вторая фаза социалистического движения, которая следует за первой теоретически и практически - революционной. Ее можно было бы назвать теоретически - и практически - реформистской [1]). Так было в Англии в рабочей партии. Это имело

---

[1]) В эту фазу,—как мы уже говорили, фазу, которая почти совпадает с расцветом империализма,—было проведено, по крайней мере, в крупных империалистических странах, т.-е. в Германии, Франции, Голландии, Бельгии (Англия составляет, как мы увидим, исключение), наименьшее количество реформ. В то время, как в революционные периоды достигались значительные улучшения в законодательстве, теперь они почти все не имеют места.

Голландия является в этом отношении очень хорошим примером. Первая революционная волна привела к значительному улучшению избирательного права. Путем революционно-теоретически-практической пропаганды удалось добиться проведения законодательного обеспечения от несчастных случаев, которое давало рабочим, потерявшим трудоспособность во время работ, право на 70% заработной платы, без каких-либо взносов с их стороны. В реформистский период бедные, а не рабочие, получали, если община удо-

место и во Франции, где дошли до того, что провели социалистов в министры. Так было в Бельгии, где выступление масс за всеобщее избирательное право было подавлено, в Голландии, где социалисты вошли в соглашение с либералами, в Италии, где они продались радикалам. Так было в Германии, где применяли политику принижения движения и задавили в самом начале выступление масс за избирательное право Пруссии. Так было в Швеции, Дании, Швейцарии, повсюду в своеобразной, обусловленной политическими и экономическими условиями форме, но повсюду с одинаковым результатом: отклонение пролетариата от революционной идеи, сосредоточение внимания пролетариата лишь на мелких реформах. Подчинение вождям, отказ от всякого выступления масс.

Рабочие партии во Франции, Англии, Германии, во всех странах состояли из масс, которые стремились лишь к мелким национальным выгодам и думали только о них.

Но благодаря милитаризму и империализму, которые поглощали все деньги на свои нужды, не удавалось добиться и этих мелких выгод и реформ.

Но чем дальше шли обещания реформистов в области реформ, тем больше расла деморализация масс. Ибо ничто так не демора-

---

стоверяла, что они действительно нуждаются и поведение их хорошее, обещание получать 2 гульдена в неделю. Получалась таким образом подмена закона заботой о бедных. Вместо права—милостыня, вот в чем состоит переход революции к реформизму.

То же самое видим мы в Германии. Социальное законодательство было добыто путем радикальной тактики, реформистская тактика не достигла ничего.

То же самое в Бельгии. Расширение избирательного права путем революционной тактики, реформистская тактика не достигла ничего.

А чего достигли во Франции Мильеран, Бриан, Вивиани?

Встает вопрос: как возможен расцвет реформизма при империализме, раз империализм делает невозможным проведение реформ?

Ответ на это таков:

Для реформистов социализм, рабочее движение состоит лишь в борьбе за реформы. Они не могут мыслить какого-либо иного рабочего движения. Чем меньше проводится таким образом реформ, тем больше должны они выдвигать все новые и новые реформы, призывая бороться за них. Иначе все их существование, а также и рабочее движение, по их мнению, было бы бесцельно и ненужно.

Реформизм потому и достигает такого расцвета при империализме, что последний делает невозможным проведение реформ.

лизует и не развращает, как ложные обещания, даваемые массе. Они не выполняются, а масса все ждет и верит в реформы.

Международный империализм рос и становился все более сильным. И необходимость[1] создать вместо небольшого национального объединения международное, всеобъемлющее—становилась все сильнее.

Вот чем объясняется, что объединение всех этих уже зараженных реформизмом партий вылилось помимо их желаний, скорее инстинктивно, чем с ясным сознанием, в новый Интернационал, в форму без содержания, который мы знаем и который теперь распался.

Реформисты обращают взоры того могучего мирового класса, который подчинит себе все силы земли, природы и общества, на мелочные прибавки к заработной плате и на скудные, изредка проводимые улучшения в рабочем законодательстве, как на цель, как на единственную цель. Внимание рабочих, класса, обладающего наибольшей мировой силой и призванного преодолеть капитализм, в лице проводящих его в жизнь крупных банкиров, представителей трестов и империализма, обращают на заманчивые обещания. Этими обещаниями обманывают рабочих, убеждая их верить им и связать себя с ними.

Всего лишь несколько честолюбцев, людей недалеких или невежд добились того, что сильный класс стал ручным. Вследствие собственной несознательности и рабской приниженности этот класс дошел до гибели.

Удалось еще раз то, что удавалось тысячу раз на свете, но не должно было удаться теперь, потому что теперь этот класс действительно должен завоевать власть, сделаться единственным и всесильным: удалось путем обмана сделать массу рабами господ.

Буржуазии удалось это опять... благодаря реформистам... благодаря социал-демократии.

Некоторые реформисты идут так далеко, что высказываются за экспансию капитала, за колонии и сферы влияния, за колониальную политику. Они не задают себе вопроса, достигнет ли пролетариат благодаря этому классового сознания, сделается ли он более зрелым для революции, более революционным и социалистическим по духу.

Перед ними вопрос стоит лишь о выгодах данного момента... для капитализма.

Колониальная политика, национальная колониальная политика, а следовательно, и империализм, и империалистическая война могут облегчить, как мы указывали уже выше, благодаря экспансии, которую они вызывают, получение национальным государством, национальной буржуазией громадных прибылей. Они создают новое приложение для капитала, повышают промышленность, увеличивают богатства. Они чрезвычайно повышают торговлю, транспорт,—одним словом, всю экономическую жизнь нации... Правда, они влекут за собой, если пролетариат принимает участие в этой политике, падение классового самосознания массы, а следовательно, в конце концов, гибель пролетариата. Правда, они несут для пролетариата тяжелый гнет, налоги и милитаризм, войну и разъединение, но все это ничто для реформистов. Лишь бы рос и процветал капитал.

Вот почему многие реформисты стоят на стороне крупной буржуазии и являются апологетами колониальной политики, а следовательно, империалистами.

Так, например, Шиппель и Кальвер в Германии, Вандервельде, одобривший аннексию Конго Бельгией -- в Бельгии, Ван-Коль, который принял на себя от голландского правительства поручение, способствующее империализму в Индии, и т. д.

Другие реформисты высказываются за колониальную политику благодаря незначительным непосредственным улучшениям, которые она создает для пролетариата безотносительно к тому, что из этого проистечет в будущем.

Мы видели выше, что колониальная политика, а следовательно, и империализм могут принести отдельным большим или меньшим группам рабочих непосредственные незначительные выгоды. Повышается требование на труд и заработная плата. И для мелкой буржуазии, для мелких мастеров и лавочников перепадают капли золотых колониальных барышей.

Вот почему немецкие мелко-буржуазные реформисты, Бернштейн, Носке и т. д., стоят за колониальную политику.

Вот почему в Голландии мелко-буржуазные реформисты, как Трельстра, Влиген, парламентская фракция, все руководящие круги партии и почти все члены социал-демократической рабочей партии высказываются за колониальную политику и враждебно относятся к самостоятельности и немедленному освобождению Индии.

Вот почему во всех владеющих колониями империалистических странах света: Англии, Германии, Голландии, Франции, Бельгии, а также в тех, которые стремятся к мировой торговле, мировому влиянию, мировому владычеству: Италии, Америке, Австралии и т. д. и т. д., некоторые вожди и масса рабочих стоят за колониальную политику, т.-е. за империализм.

Таким образом, ревизионисты содействовали колониальной политике и обещали рабочим большие выгоды от нее.

А рабочие, надеясь на выгоды, пошли на эту приманку.

Как раз ту часть политики, на которой основывается империализм, колониальную политику, которая и представляет из себя империализм, рабочие переняли от реформистов.

Но империализм — это национализм.

Империализм, который развивался все более и более и грозил рабочим войной, смертью, гибелью, разъединением и должен был убивать, уничтожать и бесконечно ослаблять их и как единицы, и как класс. Империализм, который должен был, благодаря милитаризму и вероятному бесконечному ряду войн, лишить их всех реформ как теперь, так и на долгие годы, — этот империализм, эту колониальную политику переняли рабочие... от реформистов... от социал-демократов... от с.-д. национальной партии, а следовательно, и от Интернационала [1]).

Интернационал допустил таким образом в годы развития империализма, предшествовавшие войне, собственную гибель от буржуазии, от самого себя.

Рабочие, которые жаждут лишь непосредственных выгод, должны допустить и колониальную политику, а следовательно империализм и национализм, ибо эти последние обещают немедленные выгоды.

Лишь тот, кто посмотрит поглубже, признает, что колониальная политика несет в конечном счете больше вреда, чем выгоды, что колониальная политика разъединяет и раскалывает пролетариат, короче, лишь тот, кто чувствует и мыслит, как истинный революционер и социалист, может противодействовать национальному империализму вопреки своим выгодам.

---

[1]) Были с.-д., которые хотели голосовать за военный бюджет, лишь бы получить за это реформы, которые они при империализме получить не могли. Так было в С.-Д. Р. П. Голландии.

И лишь тот, кто вникнет еще глубже и признает, что империализм объединяет капиталистов всего мира против пролетариата, лишь тот может целиком изгнать национализм из своего сердца и объединиться с мировым пролетариатом в один общий союз для общей революционной борьбы против мирового капитала.

Но, благодаря реформизму и ревизионизму, исчезло всякое ясное и глубокое представление, всякое теоретическое понятие, всякое ощущение революционного и интернационального.

Причиной того, что рабочие, и без того слишком много заботившиеся о непосредственных выгодах, обратили еще более свои помыслы только на них, является таким образом реформизм.

Причиной того, что рабочие и без того настроенные националистично, стали еще бо́льшими националистами, является опять-таки реформизм, мелочный реформизм.

В нем причина того, что рабочие даже при усилении империализма увлеклись колониальной политикой.

Реформизм является причиной того, что в то время, как империализм усиливался, внимание от него было отклонено и рабочие не получили о нем никакого представления.

Вот почему, благодаря реформизму, международные вожди Интернационала рабочих и сами рабочие во всех странах являются по существу, как бы они о себе ни думали и какие бы речи ни произносили,— националистами, империалистами и даже, поскольку есть опасность войны, шовинистами.

Реформисты, реформизм на-ряду с несознательностью пролетариата повинны в том, что пролетариат покорился империализму, мировой войне и пошел на собственную гибель, что он не сопротивлялся (не усилил себя этим сопротивлением), а пошел с радостью и воодушевлением к собственному ослаблению.

Они стремились лишь к реформам и как раз потому, что они не хотели больше революции, они получили в результате собственное ослабление и раздробленность.

Они имели в виду лишь интересы нации, и как раз потому они сделались националистами и империалистами.

Они домогались лишь реформ в рамках национального государства и как раз поэтому оказались побежденными международной силой империализма.

Если подумать теперь, что все эти партии проявляли себя лишь в национальном масштабе; что еще никогда не представлялось случая к общему международному выступлению, как целого, против капитала; что таким образом борьба за национальные цели велась лишь в незначительных ограниченных национальных рамках, которые не приучали глаз к пониманию борьбы всего пролетариата против всего капитала; что эта борьба была единственной, — то придется признать, что в то время, как медленно приближалось мировое столкновение между трудом и капиталом, вызванное империализмом, который несет с собой эту мировую борьбу, ставящую весь рабочий класс на один фронт, против всего мирового капитала, приходится признать, что рабочий класс не видел этого и продолжал интересоваться в своем маленьком национальном кругу лишь своими собственными мелкими интересами.

Лишь немногие партийные органы в Германии учили пролетариат тому, что такое империализм.

Большинство, между ними центральный орган партии „Форвертс", а также и научный журнал „Die Neue Zeit", делали все возможное, чтобы не превращать империализм в ось, вокруг которой вращается вся политика, в главный пункт внимания рабочих и мишень для их борьбы. И в других странах, поскольку мы знаем, было то же, за исключением „Трибуны" в Голландии.

Ревизионисты: Бернштейны, Адлеры, Вандервельды, Жоресы, Влигены, Брантинги — мы называем лишь лучших из них — направляли внимание рабочих на мелкие цели. И рабочие были заняты ими.

Они были заняты проведением более низкого налога и обеспечением рабочих на случай старости, — часто лишь надеждой на это, возможностью соглашения с либералами, прогрессистами или радикалами, которые проведут лучший избирательный закон.

Рабочие смотрели с надеждой на вождей, на парламенты и сами не делали ничего. Все благополучие должны были создать вожди и парламенты.

А империализм надвигался медленно с железной необходимостью. Прежде всего был занят Египет, потом Трансвааль, затем Китай,

Германия, мировая страна капитала, была окружена враждебными державами.

Рабочие этого не замечали.

Знаешь ли ты, читатель, что такое империализм? Это высшая из всех бывших доселе форм классовой борьбы.

Поэтому он является наиболее совершенным, исчерпывающим опровержением ревизионизма, таким опровержением, которое уничтожает ревизионизм беспощадно.

Ревизионистская теория никогда не пользовалась весом. Каутский опроверг ее сразу и окончательно. Проповедуемое ею смягчение классовой борьбы, теория углубления, большие ожидания, которые она возлагала на тресты, на демобилизацию, на мелкую буржуазию, на неолиберализм,—все это превратилось в ничто. Теория не имела под собой почвы. Ревизионисты перешли в область практики, чтобы там дурачить рабочих и отравлять их опиумом тщетных надежд.

А эту практику—единственно, что от них осталось—беспощадно уничтожает развившийся империализм.

Подумай, читатель, как происходило развитие.

Рабочие всех стран были отвлечены прекрасными планами, которые нарисовали им реформисты. Они были заняты обеспечением рабочих, проектами налогов, законами об избирательном праве и пенсиями, которые они должны были получить при помощи либералов. Чего только ни делалось, лишь бы добиться хоть маленькой уступки! В одной стране вступали в министерство, в другой заключали соглашение с либералами, там пресмыкались в пыли, здесь унижались, настаивали на прекращении выступления рабочих своей нации, изгоняли марксистов.

Все было полно только этой мелочной деятельностью. Точно маленькие карлики копошились тысячи депутатов за работой, а миллионы трудящихся, народные массы были полны надежд и ожидания.

Но вот подкралась гибель, смерть.

Империализм—это гибель, смерть.

Он несет ее для миллионов рабочих, для их детей, жен, отцов, матерей. Он означает застой, регресс, смерть на долгое время для их организации.

Ревизионисты: Трельстры, Зюдекумы, Шейдеманы, Ансееле, Турати, Франки, Макдональды лакействовали перед буржуазией, обещали голосовать за все, даже за военный бюджет. Посещали князей,

полководцев, и на завтраках и приемах у буржуазии обещали ей свои голоса, а рабочим золотые горы, необыкновенный прогресс, демократический строй,—если только рабочие проведут их в министры, в члены местного самоуправления, в депутаты, дадут им возможность господствовать. А в это время медленно, но с железной необходимостью приближалась первая гигантская империалистическая мировая война.

Реформисты обещали реформы в ближайшее время. И вот реформа налицо: это смерть. Ревизионисты обещали рабочим демократию. Равенство настало! Оно настало, но—после смерти. Ведь и капиталист и рабочий равны за гробом. Ревизионисты обещали рабочим всеобщее избирательное право, если они будут верить либералам. Либералы дают рабочим избирательное право. После смерти! Мертвецы, тысячи погибших рабочих протестуют своими мертвыми голосами.

Ревизионисты обещали, при условии следования их тактике, примирение классов. Война равняет все классы после смерти.

Ревизионисты обещали также братство всего человечества и прекращение роста вооружения. Народы вселенной стоят друг против друга фронтом на тысячи километров, ощетинившись штыками и обагренные кровью.

Ревизионисты обещали смягчение классовой борьбы. Мировая борьба, империализм всех наций представляют из себя обострение классовой борьбы, невиданное еще доселе со времени возникновения капитала. Ревизионисты обещали выгоды от колониальной политики, а колониальная политика как раз несет с собой гибель.

Ревизионисты обещали реформы в будущем. По окончании настоящей войны угрожает новая война, новое вооружение, а следовательно, бедствия и гибель, а не реформы.

Класс, которому в течение двадцати лет твердили, что он должен доверять буржуазии, не может больше бороться с ней.

В то время, как ревизионисты (вместе с буржуазными партиями) делали рабочим всякие посулы, они подготовляли, мороча рабочих, гибель пролетариата.

В этом обман ревизионистов дошел до своего апогея, до чего он и должен был дойти.

Но это также гибель ревизионизма, борьбы лишь за ближайшие цели.

Это гибель второй, реформистской фазы борьбы пролетариата.

Ибо ревизионисты являются вместе с капиталистами и несознательностью рабочих причиной не только теперешнего бессилия, темноты, трусости, теперешнего национализма, шовинизма, империализма пролетариата, бедствий, разъединения и ослабления,— они являются также причиной, они несут на себе часть ответственности и часть вины за все последствия войны: ослабление на долгое время, нужду, невозможность каких-либо реформ, необходимость начать борьбу за революцию снова, с ослабленным, может быть, духовно деморализованным пролетариатом.

О, если бы истощение, ослабление, нужда, все последствия этой войны привели к тому, чтобы реформисты и все подобное им было выметено рабочим классом!

Автор этой брошюры и партия, к которой он принадлежит, предостерегали пролетарит своей страны уже много лет тому назад. На бесчисленных собраниях, в брошюрах и газетах говорили и писали они еще до возникновения войны об империализме, а также о том, что пышные обещания буржуазии и реформистов невыполнимы, потому что милитаризм, колониальная политика, одним словом, империализм требует все деньги для себя, тормозит всякий прогресс, усиливает тяготы и что, по всей видимости, наступает мировая война, целый период мировых войн.

В особенности осуждали мы сотрудничество с буржуазными партиями, которые ничего не сделают для пролетариата.

Ревизионисты изгнали нас поэтому из голландской социал-демократической партии, и мы должны были основать собственную партию.

Ради империализма, с которым мы боремся и который они поддерживают, мы изгнаны из социал-демократической партии.

Рабочие могут теперь судить, кто прав.

VII.

Национальное выступление масс.

Завоевывая мир, империализм не мог не принудить рабочих к новой, более упорной борьбе.

Пусть ревизионисты, депутаты, вожди и члены правлений профессиональных союзов не замечают в своем маленьком ограниченном кругозоре повсеместного развития империализма, пусть они пытаются всеми средствами удержать рабочих в области мелких повседневных требований,—капитал сам, своей новой, огромной экспансией во всех странах превращает их стремления в ничто, или, по крайней мере, уличает их во лжи.

Непосредственным или ближайшим следствием развития империализма являются: непомерно высокие государственные расходы, крупные налоги, ввозные пошлины, вздорожание жизни, понижение реальной заработной платы, всемогущество союза работодателей, уменьшение значения профессиональных союзов, застой в области рабочего законодательства, упадок парламентаризма.

Пусть реформисты ведут переговоры с буржуазией и проституируют рабочий класс, как только возможно, пусть вожди профессионального движения порождают бюрократизм, который задерживает свободное движение рабочих и втискивает классовую жизнь в однообразное русло с низменными запросами, обезличивает и принижает рабочих,—развитие капитализма в империализм дает себя чувствовать все сильнее и сильнее.

Капитал не безжизненная, мертвая, неподвижная сила и не живой обильно льющийся источник благодеяний. Это—беспрерывно развивающаяся сила, порождающая все новую борьбу.

Что же нового, особенного вносит капиталистический период, который называется империализмом? Какая новая сила, какая новая борьба, какое новое развитие присущи ему?

В чем состоит та новая крупная перемена, которую он вносит теперь в жизнь рабочих?

Какова та новая, благодатная сила, которую его развитие дает рабочим?

Каково то благо, то превосходящее все бывшее раньше благо,

вследствие которого он поднимает рабочих (теперь поистине в первый раз) на более высокую ступень?

Это благо состоит в том, что масса должна теперь начать действовать самостоятельно.

В до-империалистический период — в период зарождающегося объединения рабочих и первого революционного, теоретически-радикального выступления против буржуазии — борьба велась, главным образом, небольшими группами и их вождями.

Но против трестов, банков, империалистических правительств, против самого империализма маленькие группы бессильны и самая утонченная тактика вождей приводит лишь к незначительным результатам.

Чего могло достигнуть против синдиката правление профессионального общества, один депутат, даже целая фракция против империалистического парламента?

Каждый, кто поймет, что значит сила треста, противопоставленная профессиональному союзу, сила крупного банкового капитала в хозяйственной и экономической жизни страны по сравнению с народным представительством, сила правительства, которое стремится к империализму и войне по сравнению с парламентской партией, тот должен признать, что на-ряду с представительством в парламенте и на-ряду с работой вождей необходимо также выступление масс.

Сила, которая противостоит рабочим, делает это выступление необходимым. Та сила, которая бесконечно усиливается, благодаря трестам и империализму.

Для того, чтобы трест, союз предпринимателей, правительство, несмотря на империализм, получили побудительную силу к прогрессу, необходимо выступление масс, национальной массы.

Другого пути для пролетариата к прогрессу, к реформе нет.

Нет другого пути для пролетариата к будущему, к обществу свободы, равенства и братства.

Начинается новая фаза.

Теоретически-радикальная была первая. Она послужила к тому, чтобы заронить посев.

Вторая фаза была реформистской. Она подразделялась на революционно-реформистскую и ревизионистско-реформистскую. Она послужила к тому, чтобы добыть те реформы, которые возможно было добыть.

Наступает третья фаза. Ее задача состоит в том, чтобы объединить массы против банкового капитала, против трестов и империалистических правительств.

Она призывает массы к борьбе.

Первая фаза призывала единицы для теоретического познания.

Вторая фаза призывала массы к реформам через вождей.

Третья призывает массы к революционному действию.

Она представляет из себя высшую фазу, какой мы можем достичь теперь [1]).

Чувствуешь ли ты, что это означает, читатель: масса появляется на арене?

Это означает, что масса, наконец, просыпается. Это означает, что она готовится к выступлениям без вождей, или, по крайней мере, без того, чтобы их участие имело большое значение.

Это означает, что мы делаем такой большой шаг вперед, какого рабочий класс еще никогда не делал.

Это означает, что мы быстро приближаемся к нашей конечной цели.

Другого пути к социализму для пролетариата не существует.

Масса д о л ж н а теперь сама начать действовать, масса д о л ж н а выступить на борьбу.

Этого требует развитие капитализма в тресты, в крупный банк, в империалистический парламент, в империалистическое правительство. Иное невозможно.

И за последние десятилетия со времени возникновения империализма масса уже пришла к этому сознанию.

Вопреки всем прекрасным речам, обещаниям и соглашениям с буржуазией, вопреки обману рабочих, вопреки всем стараниям вождей профессионального движения и депутатов сделать всю работу самим, сверху, масса взяла свое дело в собственные руки.

В Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Голландии, Франции и Бельгии, в Италии и Испании, в Австрии и России пролетариат

---

[1]) Эта фаза бесконечно выше тех, которые были известны Марксу.

сам показал, что он почувствовал новый ход развития. Он показал это всеобщими массовыми стачками, забастовками протеста, демонстрациями и забастовками с целью вынудить что-либо путем экономических и политических стачек, путем стачек всего рабочего населения или отдельных его групп. Он помог отдельным частям пролетариата в их борьбе против мелких капиталистов всеобщей забастовкой, он побеждал крупные капиталистические синдикаты, он поколебал города и страны, он произвел всеобщей стачкой, явившейся непосредственным следствием империалистической войны, первую пролетарскую революцию.

Громадное упорство стачечного движения со стороны английского пролетариата вопреки воле вождей в последние годы является следствием успехов империализма, а демонстрации, которые устраивал немецкий пролетариат несколько лет тому назад с целью добиться всеобщего избирательного права в Пруссии, представляли из себя попытку противодействовать на этом пути развитию империализма, становящегося все более могущественным.

В Соединенных Штатах Северной Америки рабочие много раз применяли массовые выступления, чтобы вынудить у могущественных трестов реформы и чтобы отстоять право союзов.

Рабочий класс Европы и Америки напрягает уже долгие годы силы на то, чтобы сломить империализм или, по крайней мере, приобрести в борьбе против него новую силу, новую концентрацию, новое, более прочное единство.

Масса начала действовать самостоятельно.

Выступление против империализма есть отныне, по своей сущности, выступление масс.

Выступление против империалистической войны не может быть иным, как международным выступлением масс. Только если национальный пролетариат знает, что с враждебным заграничным капиталом борются так же, как он борется со своим, лишь тогда объединится он с международным пролетариатом для преодоления и прекращения войны.

Но массовое выступление пролетариата имело до сих пор целью выполнение мелких повседневных требований, оно не дошло до сознания великих причин и одной великой цели,—это выступление еще не было концентрировано, направлено со всей силой к

достижению одной цели, — одним словом, оно было еще не организовано и не выходило из рамок национального.

Концентрированный капитал в этой фазе, трест, крупный банк, власть богачей и империализм могущественных держав могут быть побеждены лишь сознательным, организованным путем, лишь в международном масштабе.

VIII.

Причины национализма в пролетариате.

С. Радикалы. Каутский.

Мы назвали еще не все причины и задерживающие силы, которые препятствовали рабочему классу оставить старый, узкий, национальный путь и вступить на широкий, интернациональный.

Против новой силы рабочих, выступления масс, появилась на ряду с ревизионизмом еще новая преграда на этом пути.

Это новое противодействие исходило от людей, от которых прежде нельзя было ожидать ничего подобного. Оно исходило от марксистов или радикалов, рабочих и вождей социалистических партий.

При переходе, который пролетариат необходимо должен был сделать от старой тактики и борьбы, проводимой представителями рабочего класса и отдельными частями пролетариата, к выступлению масс вообще и ко всеобщей стачке в частности, при переходе от национального к интернациональному выступлению, сторонники и вожди старой тактики встали ему на пути, и на этот раз не только или не главным образом реформисты, но и марксисты.

Это были как раз те, которые в первый, революционно-теоретически-практический период являлись вождями рабочих и которые оказывали в следующий за ним ревизионистский период сильное и решительное противодействие реформизму.

Германия является и на этот раз лучшим примером.

Хотя это явление можно наблюдать повсюду в Голландии и Бельгии, во Франции и Италии, в Австрии и Англии; в Германии

оно проявилось благодаря большому масштабу борьбы с особенной отчетливостью.

Ревизионистские вожди (и рабочие) в Германии делали все возможное, чтобы удержать пролетариат обещаниями мелких уступок и выгод, завоевываемых благодаря помощи буржуазии в парламенте или путем ежедневной борьбы профессиональных союзов— от массового выступления вне парламента и в большем масштабе, чем возможно для профессиональных союзов. В то же время радикальные вожди пытались достигнуть того же путем... ослабления революционной энергии пролетариата.

Они препятствовали всякому массовому выступлению против правительства в рамках нации.

В то время, как империализм становился все сильнее, реформисты, с одной стороны, обещали все большие выгоды от сотрудничества с теми партиями, которые являются проводниками империализма, а следовательно, и виновниками войны, радикальные вожди, с другой стороны, приглашали массы к бездействию, к пассивности, к воздержанию от каких-либо выступлений против этих партий. Или, если они и не приглашали к этому открыто, то они отрицали всякое массовое выступление и противодействовали ему всеми силами.

Как могло это случиться? Каким образом могли эти радикалы отказаться от революционной тактики пролетариата?

Большинство из радикалов, которые были марксистами или называли себя марксистами, б о я л и с ь этого нового выступления пролетариата и хотели поэтому ограничить всю деятельность пролетариата прежними рамками: избирательной записной, работой в профессиональных союзах и деятельностью вождей. И лучший теоретик партии Каутский был среди них и сделался теперь теоретиком этих радикалов.

Каутский сделал все возможное, чтобы удержать немецкий пролетариат и воспрепятствовать его самостоятельному выступлению [1].

---

[1]) Удалось организовать только одно небольшое выступление против прусского избирательного права, но и оно было скоро прекращено.

См. относительно этого и дальнейших пунктов дискуссии в „Neue Zeit“ между Розой Люксембург, Паннекуком, Мерингом, Каутским и др. Мы приводим здесь лишь общий смысл статей последнего.

Каутский высказывается (в полемике с Розой Люксембург) против всеобщей стачки для Германии. Как будто бы Германия представляет какое-то исключение в Европе.

В этот период, в это время он направил внимание пролетариата, главным образом, на парламент. По его мнению, парламент был подлинной ареной для борьбы. Как будто бы империализм можно было преодолеть парламентской борьбой.

В этот период, когда рабочие могли надеяться лишь на собственные силы, он говорил, что успех борьбы зависит от поддержки пролетариата со стороны мелкой буржуазии. Ее мы должны были в первую голову перетянуть на свою сторону. Как будто бы мелкая буржуазия не поддерживает империализм.

Чтобы добиться мира, он советовал образовать союз европейских государств. Как будто бы рабочие могли что-нибудь сделать в этом направлении, как будто империализм стал бы ждать этого, как будто союз государств не укрепил бы еще более империализм. Как будто бы среди буржуазии были в настоящее время значительные силы, настроенные против войны, и рабочие не были в этом отношении изолированными.

Еще в октябре 1911 года в „Neue Zeit" он обескуражил массу организованных рабочих тем, что указывал на ненадежность массы неорганизованных. Как будто бы масса неорганизованных могла притти к сознанию необходимости борьбы иначе, как путем борьбы.

В 1910 г., защищая возможности разоружения для буржуазии и превращая вопрос о вооружении в данный момент в лозунг пролетариата, он отклонял внимание немецкого пролетариата от единственно возможного способа борьбы с империализмом, непосредственного выступления масс.

Как будто бы разоружение в 1910 г. и теперь и вообще при империализме было возможно.

Так же проявил себя при его содействии и при участии всех ревизионистов и марксистов типа Каутского Копенгагенский конгресс. Как будто бы буржуазия желала разоружения, как будто бы она могла его желать...

В то время, как империализм во всех крупных государствах подошел уже вплотную к войне и война готова была вспыхнуть, Каутский предложил

при выборах в 1912 г. в Германии поддерживать группы буржуазии, которые принадлежат к ярым сторонникам империализма, — свободомыслящих. Как будто бы как раз эти либералы, представители судовой промышленности, интеллигенция и т. д., не представляют из себя более чем какая-либо другая партия проводников империализма!

Тем самым он дал рабочим надежду, что в настоящее время, настоящий момент можно ожидать от парламента, от свободомыслящих чего-либо другого, кроме тяжелого угнетения, войны и гибели.

Каутский, как теоретик радикалов, отговаривал рабочих от выступления масс, потому что оно представляло угрозу для рабочих организаций. Как будто бы организации были целью, а не средством классовой борьбы! Как будто бы империализм не обессиливает организации! Как будто империализм не представляет для них гораздо более грозной опасности! Как будто бы рабочие организации не возникнут снова!

Каутский, насколько мог, оспаривал всех, кто пытался убедить пролетариат в том, что он должен выступить теперь самостоятельно.

Правда, эта борьба, которую вел он и радикалы, касалась вопросов национальной политики в мирное время, главным образом выступления масс в пользу избирательного права в Пруссии. Но, очевидно, что обескураженная им масса не дерзала ничего предпринять и против растущего империализма, и против приближающейся войны [1]).

Каутский хотел, как он говорил, довести этой тактикой до изнеможения правительство и господствующие классы. Теперь очевидно, что он довел до изнеможения, почти до смерти не их, а—рабочий класс.

На Базельском конгрессе Каутский совместно с реформистскими и радикальными вождями сделал невозможным всякое обсуждение общего международного выступления пролетариата.

---

[1]) Насколько немецкий пролетариат, наиболее организованный по сравнению с пролетариатом других стран, был бессилен, показывает посещение царем Берлина. Берлинский с.-д. пролетариат, обладающий наиболее сильной организацией, чем пролетариат какого-либо другого города в мире, отнесся к этому посещению пассивно. Не было устроено ни манифестации, ни даже собрания.

Как будто бы оно не было как раз тогда единственным, что было необходимо!

Каутский говорит рабочим теперь в период развития капитализма, когда все государства ведут аггресивную политику друг против друга, а тем самым и против всего пролетариата: вы должны сражаться за свое отечество, если оно подвергнется нападению неприятеля [1]).

Как будто бы теперь не настал момент для борьбы против империализма.

Появление радикалов во всех странах Западной Европы характеризуется тем, что они были против массового выступления пролетариата. Они были, следовательно, за то, чтобы развитию империализма была предоставлена полная свобода. Они были за империализм [2]).

Наиболее значительное явление капиталистического времени, окончательное завоевание всего мира, еще большой не затронутой капитализмом части его, выступает на сцену и достигает гигантского прогресса, все более приближаясь к цели.

Оно грозит пролетариату значительным удлинением периода его рабства.

---

[1]) См., между прочим, „Neue Zeit" от 2 октября 1914 г., стр. 4: „В интересах каждой народности, а также пролетариата каждой народности не допускать перехода неприятелем границы его государства" (т. е. вести эту империалистическую войну) „вследствие тех ужасов и опустошения, которые влечет за собой такое вторжение".

И на стр 7: „Отсюда для социал-демократов всех наций вытекает право и обязанность принимать участие в обороне".

При этом не надо забывать, что как раз Каутский, насколько он только мог, останавливал рабочих от выступлений, с целью предотвратить войну, и добился того, что социал-демократия и массы ничего в этом направлении не делали.

Это дает нам право сказать о Каутском то, что было сказано выше.

Каутский не принимает во внимание, что благодаря добровольному участию пролетариата в войне, империализм укрепляется, следствием чего являются еще большие ужасы и опустошения.

[2]) „Кто не за нас, тот против нас". См. выше главу IV, где мы указывали, что для рабочих выбор лежит между общим выступлением—следовательно выступлением масс—международного пролетариата против империализма или сотрудничеством с империализмом. Кто стоит за борьбу против империализма, тот должен быть за выступление масс, ибо другого средства, чтобы побороть империализм, не существует.

Оно таит в себе для пролетариата угрозу долгого периода регресса, ослабления, может быть гибели,—а радикалы толка Каутского не знают, что им делать. Единственное, к чему они призывают: устраивайте политические и профессиональные собрания, иногда по вечерам демонстрации и выбирайте в назначенное время в парламент.

Больше того: весь мировой капитализм, по крайней мере значительная часть его, выступает в первый раз в мировой истории как нечто объединенное против пролетариата всей Европы, бо́льшей части Америки и Азии, части Африки, всей Австралии.

В первый раз всемирный пролетариат, как нечто целое, вступает в столкновение с мировым капиталом. И марксист, ученик Маркса, не может сказать пролетариату ничего иного, как: „Вы все и каждый из вас должны защищать отечество, вы должны слушаться капиталистов“.

Ввиду того, что борьба с такого рода марксизмом, преодоление его, точно так же, как и преодоление ревизионизма, является жизненным вопросом для пролетариата, мы приведем еще один пример.

Кунов (см. „Развал партии“, стр. 13—21) думает, что не надо пытаться преграждать империализму путь, а следовательно, и бороться с ним, потому что империализм представляет из себя исторически необходимую фазу развития капитализма. Европа, весь мир еще не созрели для социализма. Борьба против машины в производстве была глупостью. Точно также и борьба, ставящая целью преодоление империализма, есть глупость.

Подобно Каутскому, Кунов представляет из себя классический образец старых марксистов. Один думает: рабочие не могут побороть империализма. Они должны покориться империализму. Другой говорит: они не должны бороться с ним, ибо империализм исторически необходим.

Правда, Каутский говорит, что он хочет побороть империализм. Но он не хочет употребить единственное действительное оружие против империализма, он не хочет выступления масс.

И Кунов говорит, что он хочет бороться. Он даже не против выступления масс. Но [1]... лишь в будущем, в далеком,

[1]) См. „Развал партии“, стр. 21.

неопределенном будущем. Таким образом он не хочет применить теперь единственного, действительного средства борьбы. А, следовательно, он не хочет и борьбы.

Каутский хочет повернуть назад колесо истории. Капитализм должен вернуться к своей старой форме до-империалистических времен: к политическим союзам и торговым договорам. Каутский проявляет себя утопистом, когда говорит: империализм должен перейти к мирным средствам: к третейским судам и разоружению.

Каутский боится последней исполинской борьбы против распространения капитализма по всему миру,—борьбы, следствием которой должен явиться социализм. Обе стороны должны столковаться друг с другом теперь же[1]).

Каутский стоит за пассивное утопическое противодействие.

В действительности Каутский хочет таким образом заменить машинное производство снова ремесленным.

Кунов, который отстаивает необходимость империализма и борьбы с ним, прав по сравнению с Каутским.

Но что вытекает из совета Кунова?

Из него вытекает то, что он против всякого противодействия, что он советует рабочим Европы, и в первую голову рабочим Германии и Англии, не бороться, а ждать пока Европа, весь мир созреют для социализма, а тем временем дать себя уничтожить.

К тому же, но исходя из других причин, стремится и Каутский.

Оба они, и Каутский и Кунов, стоят один другого.

Ибо оба они не хотят борьбы пролетариата против империализма.

Прежде чем итти дальше, мы приведем еще несколько доказательств того, что Кунов против борьбы, ибо радикалы на манер Каутского привыкли красивыми фразами, присущими периоду, предшествующему империализму, придавать себе такой вид, как будто бы они стоят за революционную борьбу. И точно так же, как ревизионисты обманывают фальшивыми обещаниями, так и они обманывают пролетариат этой видимостью революционной борьбы.

---

[1]) О том, почему невозможны в настоящее время ни взаимное понимание, ни разоружение и т. п. мы говорили в предыдущей главе.

А так как после войны радикалы будут снова пытаться удержать рабочих от борьбы посредством этой обманчивой видимости, необходимо ее вскрыть.

Мы приведем собственные слова Кунова, из которых видно, как он представляет себе эту борьбу.

Он пишет („Развал партии“, стр. 18): „Этим мы никоим образом не хотим сказать, что рабочий класс должен переносить терпеливо и беспрекословно господство империализма... Напротив, перед социал-демократической рабочей партией встает задача по возможности отвращать отрицательные следствия империализма и использовать те новые экономические формы, из которых можно что-нибудь извлечь в интересах рабочего класса, в смысле создания его организации или перестройки их соответственно новым целям... одним словом, достичь возможно большего благосостояния рабочего класса в этот новый период развития“. И дальше: завоевание и использование политической власти, государственный контроль и государственное регулирование крупной промышленности... Вот как представляет себе Кунов борьбу.

Что означают эти слова?

Мы сопоставим их с действительными классовыми отношениями, как они складываются благодаря империализму и войне.

Мы покажем, что значит эта борьба с империализмом.

Кунов хочет предотвратить отрицательные следствия империализма. Но каковы они? Война. Миллионы убитых. Задолженность Европы в сотни тысяч миллионов. Задолженность Германии в десятки тысяч миллионов. Каким образом хочет предотвратить это Кунов помимо выступления масс?

Ни раньше, ни теперь невозможно отвратить эти следствия лишь подачей голоса на выборах или деятельностью парламентской фракции.

Империализму не страшны такие средства.

Кунов хочет использовать новые экономические формы. Какие же? Новые крупные банки, которые создадутся благодаря задолженности всего мира, благодаря задолженности Германии. Возросшая в десять и в сто раз благодаря этой задолженности власть этих банков? Как хочет он использовать их для рабочих—без выступления масс?

Неужели Кунов думает, что рабочий класс сможет лишь деятельностью парламентской фракции, которая была бессильна уже

перед войной, сломить после войны неизмеримо более сильную, вследствие военных прибылей и государственной задолженности, и концентрированную власть крупных капиталистов — без выступления масс?

Кунов стремится создать рабочие организации. Как выполнит он это, если рабочие организации Англии, Германии, Франции, России, Италии и Бельгии совершенно обессилены, разбиты войной, отягощены государственной задолженностью и налогами? Если их кассы пусты, а их члены не имеют работы? Как достигнет он этого без выступления масс?

Кунов стремится, одним словом, к тому, чтобы достигнуть возможного благосостояния рабочих благодаря новой фазе развития. Кунов немного поздно спохватился об этом! Ибо рабочий класс, о благосостоянии которого он заботится, истекает кровью в Европе, Африке, Америке, Австралии и Азии, этот рабочий класс придавлен и обессилен, раздроблен и разъединен. Время, когда можно было отвратить это бедствие, уже прошло. Оно пропущено благодаря тому, что Кунов и радикалы были против выступления масс. Как хочет он предохранить их от подобной гибели без выступления масс?

Как насмешка звучит желание радикалов создать массам благосостояние, благодаря новой фазе, помимо выступления самой этой массы.

И, затем: государственное управление и контроль над крупным производством. Разве Кунов не видит, что власть, которая контролирует и управляет крупным производством,— крупные финансисты? Что эта власть достигла в десять, в сто раз большего могущества, что она становится сильнее, чем какая-либо иная власть в обществе? Разве он не видит, что рабочая организация, наоборот, ослаблена войной? Что в настоящее время значительно ослабленная сила противостоит силе, во много раз возросшей? Что рабочие сильны теперь только своей численностью?

Как хочет он побороть эту власть, заменить ее властью народа без выступления масс?

И наконец: завоевание политической власти при империализме и крупном банке, который управляет могущественным государством. Кто вырвет ее у владельцев после войны?

Разоренный, придавленный налогами пролетариат, развалившиеся организации, рабочий класс, рабски признавший власть империализма!

И, согласно Кунову, он должен и впредь оставаться в этом рабстве, не прибегая к выступлению масс.

Кунов даже ни разу не упоминает о выступлении масс, об этом единственном средстве предотвратить войну, использовать новые формы, не допустить до разгрома рабочих организаций, спасти рабочий класс. Ни одного единственного раза он не упоминает о нем, как о средстве, которое должно быть применено теперь, немедленно же или, если это невозможно, тотчас же после войны,— о средстве, которое одно только в состоянии побороть империализм и капиталистическое государство и завоевать политическую власть. Он издевается над людьми, которые призывают к выступлению масс. Он допускает это выступление лишь в отдаленном будущем, говорит о нем не как о задаче ближайшего дня, а как о чем-то отвлеченном.

Высокопарные слова Кунова об этой борьбе—пустые слова. Это—лишь фразы без содержания из доимпериалистических времен.

Громкими словами из доимпериалистических времен, которые представляют из себя теперь лишь пустые фразы, он хочет создать такую видимость, как будто бы он тоже стоит за борьбу.

„Использовать, создать организации, упрочить благосостояние рабочих благодаря новой фазе экономического развития, завоевать политическую власть“... но без выступления масс, без единственного средства, которое может придать всем этим понятиям силу, которое может превратить эти слова в факты. Это звучит как детский лепет по отношению к гиганту—империализму. Это звучит, как ребяческая болтовня.

Когда Кунов говорит: „Я против борьбы, направленной к уничтожению империализма, потому что империализм необходим, я стремлюсь к другой борьбе“,—получается впечатление, что он вообще против борьбы.

Слова Кунова—лишь пустые звуки. Его борьба не есть борьба.

И вот Кунов, а вместе с ним и радикалы стремятся скрыть свое бессилие, свое нежелание бороться, ссылкой на три аргумента.

Они говорят, что империализм исторически необходим, что капитализм еще не может быть уничтожен и что мир еще не созрел для социализма.

Мнение Кунова о том, что империализм представляет из себя историческую необходимость, что мир еще недостаточно созрел для социализма, кажется по виду марксистским и представляет

из себя основной пункт, которым пользуются и на который ссылаются для оправдания себя радикалы и реформисты. В виду того, что эта точка зрения, этот лжемарксизм больше всего дает возможность обманывать и держать в заблуждении рабочих,—мы постараемся теперь обратить на него особенное внимание и опровергнуть его.

Что касается прежде всего утверждения, что мир еще недостаточно созрел для социализма, что капитализм еще не может быть уничтожен, то мы на этот счет держимся другого мнения. Мы полагаем, что оба передовых государства, Англия и Германия, экономически достаточно зрелы для социализма. Страны, где находятся крупнейшие отрасли промышленности: железное, угольное производство, производство машин, одежды, а отчасти и продуктов питания; где транспорт так сильно развит и так централизован; где создалось уже так много синдикатов и картелей и где с небольшой затратой энергии можно централизовать еще многие отрасли промышленности; где, наконец, централизованный банк господствует над промышленностью и транспортом,—эти страны, по нашему мнению, и экономически и технически достаточно зрелы для социализма.

Осуществление социализма зависит теперь, особенно в двух передовых государствах—Германии и Англии,—лишь от духовных факторов, от воли, сознательности и мужества пролетариата.

Кто будет, кто сможет оспаривать, что если бы английский и немецкий пролетариат были достаточно зрелы духовно, особенно, если бы они боролись совместно рука об руку, то производительные силы и производственные отношения дали бы возможность в настоящее время достигнуть значительных успехов! Они могли бы начать борьбу за осуществление социализма, завоевать рядом упорных битв политическую власть и преобразовать общество при относительно незначительной затрате технических сил.

Таково наше мнение. Мы приводим его пока голословно и противопоставляем мнению Кунова для того, чтобы читатель теперь же мог выслушать более правильное мнение.

Прежде чем остановиться на этом подробнее, мы постараемся опровергнуть взгляд Кунова на необходимость империализма и невозможность побороть его.

Мы уже видели, что Кунов, собственно говоря, против борьбы

Оригинальное утверждение, что пролетариат не должен бороться с тем или иным явлением, не должен противодействовать ему, потому что оно представляет из себя необходимую фазу развития.

Оригинальное утверждение, особенно для марксиста.

Как известно, смысл марксизма есть понятие диалектического развития, развития путем борьбы.

Оно состоит в том, что два явления могут развиваться в одно и то же время и борьба между ними влечет за собой новое развитие, создает новое явление.

Так, развитие класса капиталистов и класса рабочих вызывает развитие социализма.

Класс капиталистов развивается благодаря капиталистическим производительным силам. Но вместе с этими производительными силами развивается и пролетариат.

А благодаря развитию обоих, класса капиталистов и пролетариата, развивается борьба между ними обоими. А борьба эта создает новое явление: капитализм уступает место социализму.

Развитие капитализма необходимо, развитие пролетариата необходимо, борьба между ними также необходима, и только эта борьба ведет к социализму, лишь благодаря ей он становится необходимым.

Странно слышать, что не надо бороться, потому что развитие капитализма необходимо.

Развитие к а ж д о й фазы капитализма необходимо, а также и империализма.

Странно слушать, что потому не надо стараться побороть империализм.

Едва веришь своим ушам, когда слышишь подобные утверждения от марксиста.

Но ведь ничего подобного не было ни в теории, ни в практике!

Разве мы избегали борьбы с чем-либо, что считали необходимым?

Да, мы никогда не стремились заменить что-либо необходимое чем-нибудь отсталым.

К этому мы не стремимся и теперь.

Сравнение, которое делает Кунов, ложно. Некогда рабочие хотели заменить машинное производство кустарным производством. Но мы хотим заменить империализм социализмом, представляющим из себя более высокую фазу развития, чем империализм.

Разве мы не боролись с союзом работодателей, потому что он необходим? Он был необходим. И все же мы боролись с ним.

Боролись ли мы с трестами, с синдикатами? Боремся ли мы с ними? Они необходимы. И все-таки мы боремся с ними.

Боролись ли мы с милитаризмом? Он необходим. Мы боремся с ним.

Боролись ли мы с государством? Оно необходимо. Мы боремся с ним.

Боролись ли мы со все растущим усилением государства, правительства? Оно необходимо. Мы боремся с ним. И т. д., и т. д.

Прежний капитализм представлял из себя также необходимую фазу развития. И все-таки рабочие не относились к нему пассивно, они боролись с ним.

А Кунов не хочет бороться с империализмом, потому что он необходим!

Но мы должны указать здесь еще на одно обстоятельство, чтобы решить вопрос, должны ли мы бороться против необходимого империализма.

Как раз борьба против необходимого, против каждой необходимой фазы капитализма, только эта борьба укрепляет нас.

Наши великие предшественники по борьбе, как вожди, так и рядовые работники, боролись с каждой необходимой фазой развития капитализма, они боролись, употребляя на это всю силу, которую они имели, и благодаря этому, только благодаря этому, стали они сильнее.

Они боролись с дворянством и буржуазией, с церковью и государством,—они никогда бы не согласились пятиться назад, как в настоящее время Каутский,—и благодаря этому они достигли избирательного права, рабочего законодательства, права союзов. А главным образом, они достигли единства, сознательности, большей силы.

Они знали, что капитализм и существование их врагов необходимо, но они знали также, что необходимы они сами и социализм. Они знали, что одно необходимое борется с другим необходимым, но побеждает тот, кто сильнее, в данном случае социализм. И потому они боролись всегда за него изо всех своих сил.

Кунов не хочет теперь борьбы, потому что существование противника является необходимым.

Что произошло бы, если бы наши предшественники сделали то, чего хочет Кунов? Достаточно представить себе это, и ложность куновской тактики обнаружится сразу.

Они были бы побеждены и вместо борющегося за свободу отряда с энергией, предусмотрительностью, решимостью, организованностью, любовью к свободе, силой готовящегося бороться дальше, чтобы в конце концов заменить капитализм социализмом, рабочие превратились бы в массу рабов, — тупых, приниженных и бессильных.

Борьба изо всех сил против исторически необходимого противника предохранила их от этого.

Так и мы хотим теперь бороться изо всех наших сил всеми средствами, которыми мы только располагаем, против необходимого империализма, чтобы не превратиться в духовно, экономически и нравственно опустившуюся массу кули, но в могучий пролетариат.

Здесь уже ясно различие в миросозерцании между старыми марксистами и нами. Но мы постараемся сделать его еще более ясным, еще более очевидным.

Мы постараемся опровергнуть тот аргумент, что мир не созрел еще для социализма и что капитализм еще не может быть уничтожен.

Кунов говорит: вы пытаетесь преградить путь империализму, уничтожить его. Вы хотите уничтожить его путем выступления масс, массовой стачкой и т. д., вы хотите заменить его социализмом, но борьба в этом направлении невозможна, потому что капитализм еще необходим, империализм является необходимой фазой развития капитализма, социализм еще невозможен.

Мы могли бы возразить ему, что каждое проявление борьбы, которую социалисты ведут против капитализма, даже борьба за мелкие профессиональные требования, направлено к его уничтожению.

И что при всех фазах капитализма, социалисты, наши великие предшественники, рассматривали свою борьбу всегда как борьбу, направленную к уничтожению капитализма. Объясняется ли это неутомимой энергией, революционностью или ясным сознанием, но на каждое проявление борьбы они смотрели так, как будто бы оно могло привести к завоеванию социализма. Они обязаны этим не только своему беспримерному мужеству и силе, они, как мы уви-

дим ниже, вообще проявили в этом правильное понимание событий [1]).

Но, несмотря на это, согласимся на минуту, что утверждение Кунова правильно. Ибо в этом—основной пункт, сущность всего противоречия между старыми и новыми марксистами, между приверженцами старой и новой тактики.

Различие между более ранним развитием капитализма и современным, между капитализмом девятнадцатого и двадцатого столетия состоит в следующем:

Капитализм развился теперь и продолжает развиваться до предельной высоты, выше которой и быть не может.

Над трестом, синдикатом, монополией нет уже никакой другой более высокой ступени.

Это по отношению к экономической области.

А то, что трест, монополия представляют из себя в экономической области, тем является империализм в политической.

Империализм представляет из себя введение, распространение капитализма по всему миру путем треста, банков, синдикатов, финансовой и индустриальной монополии.

Следовательно, империализм, это—распространение власти крупного банка, треста, синдиката и монополии на весь свет.

Но дальше монополии развитие капитализма пойти не может, и вне земного шара пути для него нет, если не стремиться распространить капитализм и на другие планеты. Власть организованного треста и монополий по всему земному шару—это и есть кульминационный пункт капиталистического производства.

Таким образом уничтожением свободной конкуренции, образованием финансовой, индустриальной и транспортной монополий и империализма, который экспансирует эти силы по всему земному шару, капитализм достигает своей последней ступени.

Это легко понять.

Мы знаем, что этот процесс находится еще в зачаточном состоянии. Мы знаем, что он способен еще на дальнейшее развитие.

---

[1]) Как на пример, мы укажем на последнюю великую борьбу, на русскую революцию. Ее великие борцы боролись за низвержение царизма и скорейшее осуществление социализма. Они добивались и того и другого.

Еще бесконечно многое осталось от прежнего периода [1]). Созданные капитализмом грандиозные организации могут еще значительно увеличиться и возрасти.

Но этим дело не ограничивается. Монополистические общества могут изменяться не только количественно, но и качественно. Не исключена возможность того, что они создадут в будущем единый гигантский союз, подобно единому организму, который охватит весь мир и отдельные части которого смогут существовать без конкуренции. Возможно, что и империализм, господство над миром путем монополий мог бы осуществиться мирным путем. Государства могли бы заключить между собою мировой союз [2]), такую систему, части которой уже не враждовали бы между собой, но где крупные монополии совместно эксплоатировали бы всех жителей земли, пользуясь для себя всей прибылью.

Все это мы знаем.

Но мы хотим обратить внимание вот на что: это развитие, помимо которого нельзя мыслить другого капиталистического развития и которое социалисты рассматривали всегда, как основу для их общества,—это развитие, хотя и находится еще в первой стадии, но уже происходит.

Достигнута последняя ступень, присущая капитализму. По сущности своей он мог бы в эту стадию своего развития достигнуть еще большего расцвета, захватить еще новые области, даже не выходя при этом из рамок мирной борьбы. По самой сущности своей капитализм таит в себе благодаря финансовым и другим синдикатам и империализму основу для нового общества.

В этом состоит различие между предшествующей эпохой и теперешней, между временем Маркса и теперешним, между XIX и XX столетиями.

Какие же выводы следует сделать из всего этого для борьбы?

Выводы следующие:

Во-первых, борьба должна вестись в более крупном масштабе. Должно быть применено выступление масс, как мы уже указывали.

[1]) В десятой главе этой книги мы покажем, что интернационализация капитала, представляющая из себя необходимое условие мировой монополии, находится лишь в зачаточном состоянии.

[2]) О возможности образования союза государств теперь мы будем говорить в предпоследней главе.

Ибо нам противостоят настолько крупные силы, что прежние методы борьбы уже недостаточны.

Во-вторых, борьба против капитализма неизбежно должна быть —и не может не быть—борьбой, направленной к полному уничтожению противника и победе пролетариата.

Новые образования последней фазы капитализма: империалистическое государство, тресты, синдикаты,—к этому можно прибавить также союзы предпринимателей, так как и они представляют собой своего рода боевые картели и монополии,—эти новые образования настолько могущественны, так полно охватывают и проникают все общество, все национальное и интернациональное хозяйство, что борьба против них потрясает весь мир и есть не что иное, как борьба против всего капиталистического общества.

Подобно тому, как кровеносная система разветвляется в живом организме, крупный концентрированный финансовый капитал проникает во все отрасли промышленности, транспорта и торговли. Поэтому сильный удар, направленный против одной из его частей, потрясает весь его организм.

Борьба в одной отрасли капиталистического хозяйства вызывает борьбу и в других отраслях, политическое движение направляется против всего общественного строя, крупная стачка—против всего государства.

Ввиду того, что тресты и монополии, а следовательно и империализм, благодаря которому они получают мировое распространение, суть высшие формы капитализма, на которых теперь покоится все общество,—ввиду того, что эти формы представляют из себя основу всего общественного строя, борьба против них уже теперь не может быть для социалистов ничем иным, как борьбой, имеющей целью уничтожение капитализма.

А благодаря этому всякое проявление борьбы против высших форм капитала, против крупных предпринимательских союзов, синдикатов, империализма необходимо для социалистов и есть не что иное, как борьба за социализм.

Сказать после этого, как говорит Кунов, что с империализмом не надо бороться с целью его уничтожения, означает не что иное, как отказ от борьбы за осуществление социализма.

А так как теперь борьба состоит из целого ряда выступлений, которые все имеют целью сокрушить весь капитализм, которые

угрожают всему капитализму уничтожением,—совет не бороться против империализма означает не что иное, как отказ от всяких проявлений этой борьбы.

Ибо все эти проявления борьбы: против того или иного синдиката, треста, крупного союза предпринимателей, империалистического государства, превратились в борьбу, имеющую целью уничтожение капитализма и осуществление социализма, точно так же как борьба против империализма.

Тот, кто высказывается против того или иного проявления этой общей борьбы, высказывается тем самым и против всех видов ее.

Совет Кунова означает не что иное, как отказ от всех видов борьбы, от всякой борьбы.

Но необходимость борьбы и ложность совета Кунова становится еще яснее, если представить себе все развитие борьбы между пролетариатом и капиталом так, как она будет протекать отныне, и победу социализма так, как она должна совершиться.

Последняя ступень развития капитала, достигнутая им теперь, представляет из себя долгий процесс, который продлится десятилетия.

Также и борьба рабочего класса против этих новых форм капитала, которая началась теперь, представляет собою процесс роста силы рабочего класса, который протянется не одно десятилетие.

Но и победа социализма, это — тоже процесс, тянущийся десятилетия.

Победу социализма нельзя мыслить себе, как какую-либо катастрофу, совершающуюся внезапно.

Так как победа социализма есть процесс, долгий ряд битв, то ни одна из них не может уничтожить пока всего капитализма [1]).

---

[1]) Каутский, Кунов и другие марксисты этого толка вообще представляют дело как всегда, так и теперь таким образом, как будто мы считаем возможным добиться победы сразу или даже одним ударом. Такое представление ложно. Когда мы говорим об уничтожении, об искоренении и т. д., то мы не имеем в виду моментальное уничтожение. И мы не верим в возможность такой быстрой победы.

Наоборот, слова о том, что не надо бороться с империализмом, потому что капитализм еще необходим, а социализм еще невозможен, означают

Каждое проявление борьбы представляет из себя лишь попытку уничтожить капитализм, способствовать победе социализма.

Каждая победа, которая будет достигнута отныне над новыми формами капитализма, над крупным банком, тем или иным трестом, союзом предпринимателей, синдикатом,—или над империалистическим государством, над империализмом,—каждая такая победа, которая даст возможность рабочему классу достигнуть в борьбе высшей организации, бо́льшей сознательности и веры в себя, а также бо́льшей силы,—каждая такая победа является помимо всего прочего победой социализма,—как раз потому, что эти формы суть высшие, последние формы капитализма.

Победа над последними формами капитализма уничтожает частично капитализм и представляет из себя тем самым победу социализма [1]).

Мы приведем для пояснения два ярких примера.

Если бы рабочим удалось взять в свои руки хотя бы только один синдикат, это не было бы еще уничтожением капитализма, осуществлением социализма, но все же это было бы победой социализма, частичной его победой.

Если бы рабочим могло удаться предотвратить, путем выступления масс, взрыв империалистической войны, это не было бы уничтожением капитализма и осуществлением социализма, но все же это было бы победой социализма, частичной его победой.

Это было бы увеличением силы пролетариата, частью того могущества, которое рабочий класс завоюет в будущем.

И ряд таких битв, таких побед, становящихся все более крупными, охватывающих все бо́льшие круги общества, приведет к полной победе.

лишь, что говорящий сам имеет ложное представление о всем развитии, что он не преодолел еще заблуждения относительно катастрофической революции, переворота одним ударом.

[1]) Убеждение, что каждая частичная победа есть победа социализма, это убеждение привело наших великих борцов к уверенности, что они борются за социализм в целом. В целом они были таким образом правы.

Тем больше можем питать такую уверенность мы, потому что на наших глазах сложился уже тот крепкий фундамент, на котором будет построено социалистическое общество.

Кто понимает дело так, как оно есть в действительности, и рассматривает борьбу, рост и победу социализма как процесс, тот увидит, что значит отказ от борьбы против империализма, потому якобы, что капитализм нельзя еще уничтожить.

Эта борьба не приведет к его полному уничтожению, так сразу это не делается, но она ослабит капитализм, что приведет в конце концов к его поражению.

А из этого делают тот вывод, что вообще не хотят поражения капитализма, победы над ним.

Так как империализм представляет из себя одну из высших форм развития капитализма, одну из многих других, одинаково сильных, победа над которыми в одинаковой степени угрожает ему уничтожением,—то нежелание этого уничтожения, нежелание победы над империализмом означает также нежелание победы над всеми этими формами.

Если нет желания побороть империализм, а следовательно высшие проявления, высшие формы капитализма, тогда значит вообще нет желания победить, нет стремления к победе.

Ввиду того, что победа социализма представляет из себя ряд частичных побед над высшими формами капитализма,—нежелание победы над империализмом означает отказ от победы социализма.

Из этого, наконец, вполне отчетливо вытекает, что взгляд Кунова есть не что иное, как отказ от в с я к о й борьбы в этой фазе капитализма против его высших форм проявления, нежелание какой бы то ни было победы над этими формами, а следовательно полнейшее подчинение пролетариата этим формам капитализма.

Вот чего хочет Кунов. Он хочет подчинения [1]).

---

[1]) То, что Кунов хочет этого подчинения, следует также из его взгляда на войну.

Он пишет (стр. 13 цитируемой брошюры): „Я с трудом могу допустить, чтобы сераевский инцидент мог послужить поводом к войне ... Борьба такого рода казалась мне сначала бесцельной интермедией, ради которой с.-д. фракция рейхстага не должна была брать никакой ответственности одобрением военных кредитов, пока для меня не стало все яснее, что английская буржуазия хотела использовать эту войну, как благоприятный случай для того, чтобы теперь же свести свои счеты“...

Это представление может быть достойным образом поставлено на-ряду с мнением Каутского (см. стр. 4 данной брошюры), что настоящая война

В наше время развиваются два крупных процесса: капитализм и рабочее движение.

Капитализм достигает ступени, на которой он чрезвычайно усиливается, благодаря монополии и империализму, распространяющему его по всему миру. Закладываются основы для социализма.

И теперь, как раз теперь, Кунов советует рабочему классу не вести борьбы, имеющей целью завоевание социализма, уничтожение капитализма, не укреплять себя единственным средством, которое для этого имеется—борьбой.

Капиталисты увеличивают свою силу, а рабочие должны оставаться пассивными.

Капиталисты всех стран борются с пролетариатом всего мира. И теперь, как раз теперь, Кунов советует мировому пролетариату всех наций не объединяться путем выступления масс, а предоставить себя каждому в отдельности на тиранию капиталистам своих наций.

Избиение миллионов рабочих, уничтожение организаций после войны, крушение международной солидарности, значительный рост безработицы и тяготы государственной задолженности,—вот к чему ведет совет Кунова.

Если рабочие последуют этому совету, они попадут в пропасть духовной, нравственной и экономической гибели.

Если пролетариат подчинится империализму, он подчинится также банковому капиталу, тресту, синдикату, союзу предпринима-

---

возникла не в силу империалистических мотивов как в западной, так и в восточной Европе.

Читатель помнит, что причиной войны мы считаем столько же политику Англии, направленную к тому, чтобы ограничить стремление Германии к экспансии, сколько политику Германии. Но тот факт, что и немецкий социал-демократ считает виновниками этой войны не немецкие господствующие классы, а английские,—доказывает, что он находится в подчинении у немецких господствующих классов.

Один из этих радикалов оправдывает господствующие классы, другой обвиняет Англию. Тем самым оба они становятся союзниками, вернее, рабами империализма.

Радикалы подобного рода представляют для рабочего движения не меньшую опасность, чем ревизионисты. Последние хотят соглашения с буржуазией. А радикалы под видом революционной борьбы хотят подчинения буржуазии.

телей, империалистическому правительству, абсолютизму, войне и впадет в глубокое рабство.

Вот в чем состоит совет Кунова.

А мы советуем пролетариату бороться с империализмом, как объединенному, международному целому.

Мы думаем, что это объединение, подобно империализму в истории капитала, представляет из себя необходимую фазу в развитии, в движении пролетариата.

Мы хотим противопоставить международному мировому капиталу, который борется за влияние над всем миром, международный пролетариат.

Мы хотим, чтобы живые производительные силы, рабочие, путем борьбы против империализма, против этой необходимой фазы в развитии капитала, достигли своей необходимой фазы: интернационального объединения, Интернационала действия, борьбы.

Только таким путем может пролетариат прийти к победе.

Совет Кунова,—значение его совета, сводится таким образом к следующему:

Он советует пролетариату не бороться, не укрепляться путем борьбы, не вести борьбу против высших форм капитализма, т.-е. борьбу за социализм.

Отказаться от стремления к борьбе, от стремления к победе и подчиниться капиталистам в высшей фазе их развития.

Вот что заключается в совете Кунова: не бороться против империализма, потому что он необходим.

И этот совет он, подобно всем радикалам этого типа, прикрывает марксистскими фразами лозунгами, предшествующего периода, фальшью.

Мы возвращаемся теперь к исходному пункту нашего анализа точки зрения Кунова и призываем рабочих при свете приведенных нами объяснений—теперь, когда мы знаем, что следует понимать под необходимостью империализма, необходимостью капитализма, уничтожением капитализма, зрелостью для социализма и победой социализма—противопоставить воззрение Кунова нашему утверждению, достаточно выясненному теперь.

Образование синдикатов, трестов, картелей, монополий и развитие империализма, который распространяет их по всей земле, шагнуло

так далеко вперед, что пролетариат должен начать борьбу против них, т.-е., борьбу за социализм.

Лишь благодаря этой борьбе он может стать достаточно силен и зрел для победы.

Особенно в Германии и Англии организация производительных сил, господство централизованного финансового капитала над крупнейшими отраслями производства так велико, что эти государства уже вполне зрелы для социализма.

И организация рабочих в этих обеих странах так могущественна, что они могли бы взять производство в свои руки.

Под руководством пролетариата этих двух стран, пролетариат Европы, всего мира преодолеет постепенно высшие формы проявления капитала, монополии и империализм и осуществит, наконец, социализм.

Пролетариат Европы должен поэтому возобновить борьбу против империализма.

Пролетариат Европы стоит на распутьи. Он должен сделать выбор: либо пойти вместе с ревизионистами и этими радикалами, либо с революционерами.

Покончив с Куновым, мы возвратимся к Каутскому.

Радикалы этого толка не могут сказать об империалистической войне ничего другого, как: „Вам надо терпеливо перенести войну. Она неизбежна“.

Они проповедуют пассивность.

Каким образом стало это возможным? В чем причина этого?

Каутский был очень хорошим руководителем, и радикалы были очень хорошими руководителями и вождями, пока условия развития капитализма были в общем те же, что и во времена Маркса и Энгельса, пока борьба велась в рамках национального государства и имела целью основание и укрепление национальных партий в каждой стране. Пока борьба велась в превзойденной уже форме, в парламенте и профессиональных союзах.

Они были очень хорошими руководителями на первом, простом и относительно еще легком пути, они хорошо объясняли этот путь, они очень хорошо разъясняли пролетариату причины, которые побуждали его к этому первому, простому выступлению: движение капитала, партии, работодатели, правительства, классовые отношения в эту стадию развития капитализма.

Но борьба развивается. Капитал принимает формы, которых при Марксе еще не было и которые он мог только отчасти предвидеть. Организуются тресты, крупный банк становится руководителем всей мировой промышленности, капитализм достигает стадии империализма. Излишек и концентрация капитала влияют на то, что все государства предпринимают однородное выступление для завоеваний мира, в то же время против всего мирового пролетариата. Начинается ряд империалистических войн, становится необходимым вести борьбу иным путем, не только в парламентах через представителей или в профессиональных союзах части пролетариата и его вождям; масса, национальная и интернациональная масса всех трудящихся должна выйти на арену борьбы; лишь она может преодолеть значительные новые силы треста и мирового капитала,—и в этот-то момент Каутский и Бебель, Гед и Гайндмен и многие другие отступают в испуге и не знают, что делать. Лучше уж ничего не делать и предоставить экономическому развитию, развитию капитализма, производства, производительных сил, капитала и проч. итти своим путем... лучше уж это,—ибо не противодействовать борьбе, значит участвовать в ней,—лучше уж быть заодно с империализмом, с войной.

В предшествующем периоде, теоретиком которого был Каутский, все было очень просто и ясно. В каждой стране рабочий должен был сделаться „социалистом". Как ясно было, что он должен был входить в свой профессиональный союз, в свою партию, бастовать ради своих профессиональных интересов и голосовать при выборах за свою партию. Этого требуют его непосредственные интересы.

Хотя, по сравнению с минувшим рабством, эти действия являются очень прогрессивными, но после того, как первая битва в одном направлении дана, они не требуют уже бо́льшей вдумчивости и бо́льшего мужества.

В те времена путь для рабочих намечался легко и сам собой, экономическими условиями производства. Экономические условия пробуждали его к борьбе, ему оставалось только итти вместе с ними. Экономические условия сильнее человека. Для того времени Каутский был правильным теоретиком, и другие вожди вели пролетариат по правильному пути.

Но вот развивается империализм, который выступает против рабочего класса всего мира. Теперь уже недостаточно профессиональной борьбы или борьбы рабочих в рамках нации. Недостаточно

уже борьбы лишь через представителей рабочих. Пришла пора для непосредственной борьбы всем пролетариям. И не только словами и пышными фразами, но и действиями. Пришла пора самим рабочим выступить против правительства. Империализм в первый раз превращает борьбу в мировую борьбу. Пришла, наконец, пора отречься от отечества. Врагом является теперь уже не только немецкий капитализм, но непосредственно и русский, и французский, и английский. Врагом действительным, не в теории только, но и на практике, фактическим врагом является отныне, навсегда, пока не победит социализм, мировой капитал. Массе необходимо поэтому самой непосредственно выступить против всех правительств.

Рабочим необходимо теперь сделаться силой. Масса должна сделаться силой. Масса должна сделаться социалистической. Масса должна теперь поступить действительно социалистически.

Масса не должна больше оставаться несознательной, робкой, холодной, безжизненной, равнодушной. Она не должна дольше быть послушным стадом.

Вопрос стоит теперь об уровне массы. Он должен достигнуть гораздо более высокой ступени, чем раньше.

От пассивной борьбы пролетариат должен перейти к активной, вместо мелкой борьбы через представителей, пролетариат должен сам, один, без вождей или с вождями на втором плане, сделать крупный шаг вперед к объединенному выступлению против всемогущих капиталистов, против наиболее крупной общественной силы, существовавшей когда-либо: империалистического мирового капитала.

Вместо мелочной национальной борьбы через представителей, пролетариат должен начать великую международную борьбу, надеясь лишь на самого себя, самостоятельно.

Понятно, и теперь экономические силы являются побудительными силами для всего этого. Как и в минувший период, развитие труда, в данном случае труда, концентрированного в синдикаты, пробуждает в рабочих сознание новых условий борьбы, толкает их на эту новую борьбу. Но насколько возросло это сознание и эта борьба, по сравнению с предыдущим периодом! Насколько должна возрасти сознательность, убежденность и активность пролетариата, чтобы он был в состоянии начать эту борьбу!

Каутский, Гед, радикалы прошлого поколения, к сожалению,

уже не могут быть в одних рядах с пролетариатом в этой борьбе [1]. Они остаются позади и думают, что новая борьба уже невозможна. Они не понимают этой новой борьбы. Они не понимают, что теперь даже для достижения реформ необходимо выступление масс. Они не понимают, что только это выступление может привести к желанным результатам в борьбе с империализмом и войной. Они не понимают, что империализм во всех странах начинает борьбу против всего пролетариата одновременно. Они не понимают, что в интересах пролетариата бороться дольше не за империалистическое отечество, а сообща против империализма всех стран. Они не видят нового международного выступления всемирного пролетариата против империализма.

„Боритесь лишь за свое отечество! Другого выхода нет“.

Они не видят, что империализм, наконец, — в первый раз — объединяет пролетариат всех стран.

Маркс считал, что, коммунисты должны итти впереди движения, представляя, олицетворяя собою будущее движение. Каутский, радикалы отстают от движения.

Маркс был основателем исторического материализма. То-есть он считал, что, когда развитие производительных сил подготовляет победу одного класса, этот класс может преодолеть все трудности, которые борьба ставит ему на пути.

Вопросы, которые ставит общество, т.-е. человек сам себе, могут быть разрешены только человеком.

Учение Маркса для того, кто его правильно понимает, гласит, что хотя свободы воли не существует, но все же воля человека есть могущественный фактор экономического развития, который в конце концов все снова и снова при все изменяющихся условиях творит общество.

Каутский думает, что экономические отношения, в данное время капиталистический империализм, сильнее, чем созданный этими условиями и растущий под их влиянием рабочий класс, который якобы не может их преодолеть. Рабочие организации, достигшие большей силы, должны покориться без борьбы. Вследствие этого он говорит: „Вы не можете сделать ничего иного, как служить вашему отече-

---

[1]) К сожалению, также многие из молодых: вспомните позицию, занятую австрийскими марксистами!

ству для целей империализма. Вы не можете применять какой-либо новый метод, какое-нибудь новое выступление. Вы должны покориться".

Класс, которому принадлежит будущее, должен, по его мнению, покориться империализму. При империализме, который толкает все государство на наступательную войну, при котором одни государства нападают на другие, нападают на колонии со слабым населением, на мировой пролетариат, этот класс должен бороться за империализм своего отечества. Рабочий класс должен таким образом выступить для наступательной войны против жителей этих колоний и всемирного пролетариата.

Он должен таким образом выступить против самого себя.

Он должен вместе с империализмом и капитализмом бороться за империалистическое отечество, неслыханно ослаблять самого себя и всемирный пролетариат, ведя его, может быть, к гибели на долгие годы.

Он должен это делать, не противодействуя тем способом, который является наиболее действительным, способом, который он нашел сам, революционным выступлением масс.

Тем самым Каутский в "своем новом облике" теоретика этого типа радикализма перестал быть для нас теоретиком практической борьбы пролетариата[1]).

Ибо теперешняя его позиция, это не позиция классовой борьбы, революционного марксизма или исторического материализма. Это — замена классовой борьбы экономическим и политическим фатализмом

Точно так же, как Каутский, думали и писали, говорили и действовали в Германии и другие радикалы, а вместе с ними под их влиянием и многие рабочие.

И если такое положение было в Германии, то каким могло быть оно в других странах, где мало или совсем нет радикалов? Во Франции, где марксизм все еще не имеет прочной почвы. В Англии, где рабочий класс не руководствуется в своей деятельности

---

[1]) Само собой разумеется, что теоретически-практические произведения более раннего периода литературной деятельности Каутского вплоть до „Пути к власти" сохраняют для нас, особенно для нас, только для нас,—целиком свою ценность. Не менее верно это и по отношению к его чисто-теоретическим произведениям.

определенными принципами, а поступает, согласуясь с выгодами данного момента.

В слабости пролетариата, свидетелями которой мы теперь являемся, повинны таким образом также радикалы или так называемые марксисты.

На-ряду с несознательностью рабочих и реформизмом радикалы повинны в том, что рабочие ничем не противодействовали империализму, а подчинялись ему.

Они также повинны в национализме и шовинизме массы.

Таким образом на радикалах лежит часть ответственности за то, что произойдет или может произойти после войны: раздробление пролетариата, ослабление его как борющегося класса, гибель его на долгие, может быть, годы [1]).

---

[1]) В Германии можно встретить товарищей по партии, которые на практике остались марксистами. Группа в 17 членов рейхстага была против голосования за военные кредиты 4-го авг. 1914 г., но не решилась заявить об этом в рейхстаге. Нельзя не упомянуть также Меринга, Розу Люксембург, Клару Цеткин, Радека, Карла Либкнехта. Последний голосовал на заседании рейхстага в начале декабря 1914 г. против военных кредитов и обосновал это следующим образом:

„Мое голосование против данного законопроекта основывается на следующих соображениях:

„Настоящая война, к которой не стремился ни один из заинтересованных в ней народов, вспыхнула не ради интересов немецкого или какого другого народа. Эта война — империалистическая, война, затеянная ради политического господства над важнейшими областями эксплоатации промышленности и банкового капитала. Если посмотреть с точки зрения конкуренции, эта война представляет собой войну, спровоцированную немецкими и австрийскими военными партиями в сумерках полу-абсолютизма и тайной дипломатии для того, чтобы предупредить противников. В то же время эта война—бонапартистская попытка, имеющая целью обессилить и уничтожить рабочее движение. Протекшие месяцы доказывали это со все возрастающей ясностью, несмотря на отчаянные попытки внести смущение в умы.

„Немецкий лозунг „против царизма“ представлял из себя попытку, подобно теперешним английским и французским избирательным лозунгам — „против милитаризма“, возбудить благороднейшие стремления, революционные традиции и идеалы народа с целью усилить ненависть к другому народу. Германия—сообщница царизма, образец политической отсталости вплоть до наших дней—не призвана играть роль освободителя народов. Освобождение русского и немецкого народов должно быть делом самих этих народов.

Во время войны и после окончания ее, когда на пролетариат обрушатся все бедствия, мы скажем ревизионистам всех стран: „Вы являетесь причиной всех этих бедствий, ибо вы обманули рабочих относительно характера капитализма и буржуазии. А радикалам, особенно немецким, мы скажем: вы также виноваты, ибо вы были против выступления масс“.

Резюмируя, мы можем таким образом сказать, что реформизм и радикализм, т.-е. внутренняя политика с.-д. партий последних лет, является причиной бессилия пролетариата при возникновении этой войны.

Слабость национальной политики по отношению к господствующим классам является причиной слабости Интернационала по отношению к империализму.

Таким образом мы видим влияние следующих пагубных причин:

Преобладание в деятельности профессиональных союзов и партии мелких, национальных задач, с одной стороны реформизма, который в то время, как империализм все больше развивался, сулил реформы, проповедуя сотрудничество с буржуазными партиями, и который в период империализма стоял за колониальную политику; с другой стороны—старого радикализма, который удерживал массу от выступления, начатого ею в национальном масштабе. Далее, вследствие общего непонимания сущности империализма,—никто не видел, что международное выступление пролетариата является единственной защитой против империализма и что ни одна из национальных партий не сможет достичь чего-либо в борьбе с империализмом без других национальных партий, т.-е. помочь может лишь международное выступление масс. Влиянию всех этих причин обязан

„Данная война не является оборонительной войной для Германии. Исторический характер и первоначальное течение этой войны не позволяют верить утверждению капиталистического правительства о том, что целью, во имя которой испрашиваются военные кредиты, является защита отечества“.

В связи с сказанным выше следует также упомянуть о Бременской партийной газете, которая перед войной и в начале ее вела блестящую революционную пропаганду.

Мы надеемся, что за этими революционными деятелями идет значительное число немецких рабочих.

пролетариат тому, что он так безрассудно принимает участие в войне, что он не использовал свои огромные, сильные организации, что он преклоняется перед империализмом без сопротивления, что он раскололся теперь на столько же отдельных частей, сколько наций, что Интернационал разломан и разбит, и что международная социал-демократия позорным образом предала свое дело и предуготовила себе будущее, чреватое крупнейшими опасностями [1]).

Империализм проявил себя как сила гораздо более значительная, чем пролетариат.

Капитал развился духовно гораздо скорее, чем пролетариат.

Могущественная буржуазия сделала все, чтобы способствовать его процветанию.

Рабы, как это бывает всегда, не видели роста силы своих господ. И потому, как всегда, не создали своей собственной силы.

---

[1]) Мы намеренно не касаемся здесь синдикализма, когда говорим о причинах слабости пролетариата, ибо чем-то детским представляется теперь попытка побороть империалистическое государство, мировое государство и мировую войну путем нескольких профессиональных союзов!

Мы умалчиваем также о позиции реформистов, радикалов и синдикалистов во время войны.

Вместо социал-демократии возник социал-империализм!

Социал-демократы показали себя теперь в истинном свете.

Впрочем, здесь уместно заметить, что автор настоящей брошюры не ставит себе целью объяснять оба направления в социал-демократии экономическими и политическими условиями. Предлагаемая брошюра имеет целью борьбу с ними. Мы думаем, что этого требует данный момент.

Очень хорошее толкование радикализма и реформизма в связи с условиями, вызвавшими их к жизни, читатель может найти в брошюре Троцкого „Война и Интернационал", стр. 41—50.

IX.

Революционное марксистское направление. Национальное и международное выступление масс.

Теперь первая империалистическая война началась.

И пролетариат может видеть, чувствовать на самом себе и осознать, что представляет из себя империализм. Если империализм развивался слишком быстро для того, чтобы понимание пролетариатом этого развития не отставало от него, то экономическое развитие как всегда на фактах научит пролетариат понимать сущность империализма.

И теперь пролетариат сможет судить о том, какой метод борьбы, какое из направлений, существующих в социал-демократии, является правильным.

Для того, чтобы пролетариат мог решить это теперь, мы должны коснуться еще одного направления в социал-демократии, которого мы не касались до сих пор потому, что влияние его было незначительно и оно не явилось решающим в определении позиции пролетариата, его будущности и будущности Интернационала.

Кроме реформистского и радикального, в Интернационале было еще одно направление: то, которому следуем мы и которое мы защищаем в данной брошюре,—направление революционное. Его придерживалась очень незначительная часть Интернационала.

Мы были убеждены, что рабочий класс должен был после того, как империализм определенно выявил свои цели и характер, начать революционную борьбу против класса капиталистов в Европе и Америке.

Когда выяснилось, что империализм с сопутствующими ему явлениями: трестами, синдикатами и крупными союзами предпринимателей, вызывает к жизни все растущий милитаризм, все увеличивающееся обложение и эксплоатацию рабочего класса, дороговизну, экономическое бессилие рабочих, застой в рабочем законодательстве и войну,—а также перспективу еще более сильного империализма в будущем,—когда выяснилось, что все буржуазные партии во всех

странах поддерживают империализм,—тогда, по нашему мнению, возможна была лишь одна борьба: революционная политическая борьба.

Начиная с этого момента, нужно было отказаться от всех компромиссов и соглашений с буржуазными партиями. От всякого соглашательства с ними. От всякого участия в правительстве и в ответственных учреждениях.

Вся национальная политика должна была стать исключительно революционной.

И так как тогда стало ясным, что выступления профессиональных союзов и парламентских групп, как они проводились до этого времени, недостаточны в борьбе с империализмом, который объединяет все буржуазные партии и превращает их в одну сплоченную силу, следовало, по нашему мнению, на-ряду со всеми этими старыми средствами пропагандировать во всех странах необходимость выступлении масс на всех собраниях, во всех партийных органах, в брошюрах, а также и в парламентах. И прежде всего призывать к наиболее могущественному выступлению масс, всеобщей стачке[1]).

Но в виду того, что капитализм приводит все капиталистические нации в одно и то же время к одному и тому же выступлению

---

[1]) Пропаганду за национальное выступление в Германии вели особенно энергично Роза Люксембург и Антон Паннекук.

Существуют социал-демократы, которые называют наш взгляд на необходимость национальной и международной всеобщей забастовки синдикалистским или анархо-синдикалистским, потому что оба эти направления стоят за такую забастовку.

Различие между нами и ими состоит в том, что мы всегда считали и теперь считаем парламентскую борьбу сильным орудием, а на политическую борьбу смотрели и смотрим как на основную борьбу пролетариата. Конечно, если эта борьба революционная и проводится согласованно с выступлением масс.

Далее, различие заключается в том, что анархисты и синдикалисты агитировали за всеобщую забастовку тогда, когда ни производительные силы, ни условия производства, ни рабочие организации не были достаточно зрелы для нее,—мы же агитируем за нее теперь, когда Англия и Германия достаточно экономически зрелы и мировой империализм начал борьбу с мировым пролетариатом—против синдикатов и трестов, против империализма всех правительств, в интересах миллионов организованных рабочих.

Целесообразность и значение всякой пропаганды и ее идей зависит лишь от момента, к какому ее приурочивают.

против пролетариата, выступление масс против империализма должно бы было быть не только национальным, но и, в первую голову, международным.

Империализм должен бы был сделаться краеугольным камнем всей политики, всей прессы, всех собраний, всех произведений, центром всей борьбы.

Ибо он главным образом в этот период эксплоатировал рабочих и тормозил всякий прогресс. Ибо он таил в будущем для рабочих угрозу регресса. Ибо он грозил рабочему классу гибелью.

Как для ближайшего, так и для более отдаленного будущего империализм представлял из себя центральный боевой пункт.

Вот где должно было развернуться поле сражения, вот где должен был создаться фронт!

Империализм — и не что иное, ни избирательное право, ни рабочее законодательство (борьбу за последнее он делал как раз невозможной), ни пошлины, ни налоги, ни школа, ни церковь, — империализм вырос перед глазами рабочих в величайшую силу капитализма, с которой предстоит борьба.

Не только с материальной стороны, но и с идейной, империализм является наивысшей стадией капитализма. Он представляет из себя наивысшую, последнюю идеологию буржуазии. Он является единственным возможным еще для буржуазии идеалом. Религия буржуазии, ее философия, искусство не существуют больше. Своей верой, своим идеалом, основой и целью, исходным и конечным пунктом своего классового мышления она сделала рост власти, грубой силы, господство над всем миром. Империализм, мировая власть, мировая власть своей нации, своей группы, группы господствующего класса, стали ее богом.

И против империализма в его материальном и духовном проявлении следовало вести рабочим, согласно нашему убеждению, всю материальную и духовную борьбу.

Они должны были бы противопоставить грубой силе империализма свою материальную силу, — выступление масс, всеобщую стачку; империалистической идеологии они должны были противопоставить свой социалистический идеал.

Все это не ново. Всем известно, что партия, принадлежать к которой имеет счастье и честь автор этой книги, говорила это уже много лет тому назад.

Но теперь пролетариат может сам судить об этом.

Пусть он сравнит реформизм, радикализм и наше марксистское направление.

Он может теперь сам видеть, что представляет из себя реформизм и в чем выражалась его деятельность.

Из всех обещаний реформистов не осуществилось ни одно. Ни избирательное право, ни закон об обеспечении старости, ни более совершенное социальное законодательство, ни смягчение налогового бремени. Ни в одном из империалистических государств Европы, в которых рабочие выставляли все или некоторые из этих требований, они не проведены в жизнь [1]).

Из всех обещаний реформистов и впредь ни одно не может быть осуществлено, если государства обнищают благодаря войне и рабочие будут обременены тяготами.

Реформисты поддерживали империализм. И когда вспыхнула война, они выразили полное согласие принять в ней участие.

А радикалы?

Они не бросили в лицо правительству обвинения во лжи, в лицемерии, имевшем целью побудить рабочий народ дать ему солдат для войны за прибыль на капитал. Они не разоблачили разбойнической политики господствующих классов. Нет, они сами, голосуя за кредиты, приняли участие в этой лжи и в лицемерии буржуазии против пролетариата.

Радикалы ослабили решимость массы к борьбе и ничего не сделали для того, чтобы помешать войне. А когда война началась, они почти все голосовали за нее.

Если мы вспомним все речи и все статьи радикалов в Германии в течение последних двадцати или тридцати лет, их заявления, что только пролетариат является единственным сторонником и хранителем мира, если мы вспомним их угрозу, что правительствам не так-то легко будет отважиться начать войну из боязни пролетариата и революции после войны,—и если мы сравним с этим их бездеятельность, их отговариванье рабочих от выступления масс и их

---

[1]) Лишь Англия представляет исключение. Англия, которая благодаря своим непомерным богатствам, почерпаемым ею из колоний, а также потому, что милитаризма до сих пор в ней не было, была в состоянии от времени од времени выбрасывать рабочим крохи.

голосование за военные кредиты, тогда в нашей памяти встанет ряд других представителей немецкого народа, других немецких парламентариев. Перед нашей памятью встанут либералы 1848 года.

Подобно тому, как последние склонялись перед князьями и дворянами, так теперь радикальные социал-демократы склоняются перед королем, князьями, юнкерством и буржуазией.

То же мужество на словах перед сражением, та же трусость во время боя.

Все тот же рабский дух.

Мы говорим нарочно со всей резкостью, какой заслуживает поведение радикалов, не для того, чтобы обидеть этих людей, а для того, чтобы показать пролетариату, в первую голову немецкому, что в борьбе пролетариата против империализма невозможен какой-либо средний путь, что можно быть либо за, либо против империализма и что существует лишь одно действительное оружие против империализма, а именно революционное выступление самой массы.

И потому-то радикалы и проявили такую трусость, так резко противоречащую их прошлому, что они чувствовали, что за ними нет массы.

Их изолированность, то обстоятельство, что масса их не поддерживала, чего они сами желали, и навело на них страх. И они предали дело пролетариата.

Что верно по отношению к реформистам, то можно сказать и про радикалов. Если так обстояло дело в Германии у радикалов, то как же должно было быть в других странах?

Во Франции Гед сделался министром. В Англии Гайндмен форменным образом подстрекал рабочих против Германии. В Голландии некогда радикальный председатель с.-д. рабочей партии доказывал в передовой статье партийного органа „Het Volk“ необходимость для Голландии объявить войну Германии.

Вот как поступали реформисты и радикалы. Вот во что превратили они борьбу пролетариата.

Противопоставим теперь этому нашу пропаганду и то, что сделали мы, поскольку это было для нас возможно.

Мы малочисленны, силы у нас мало. Поэтому мы не можем выполнить многое из того, что хотели бы.

Во-первых, мы посоветовали пролетариату, как только влияние империализма стало очевидно, порвать со всеми буржуазными пар-

тиями. Во-вторых, мы вели все время пропаганду за выступление масс на-ряду с обычными экономическими и парламентскими методами борьбы.

Но когда в первый раз встала угроза этой войны в связи с войной на Балканах и несогласиями между Россией и Австрией, мы внесли на Базельском конгрессе в 1912 году предложение, согласно которому пролетарии всех стран должны были по знаку, данному Интернационалом, провести забастовку протеста для предупреждения правительств и для подготовки к борьбе [1]).

Лишь только теперь, в 1914 году, война стала фактом, пролетарии всех стран должны были бы, по нашему мнению, выступить по возможности одновременно. В субботу вечером, когда сделался известен ультиматум, предъявленный Австрией Сербии, берлинская буржуазия—студенты—устроила демонстрацию в пользу войны. На другой день, в воскресенье, немецкий пролетариат должен бы был по призыву немецкой с.-д. партии устроить массовые демонстрации во всех немецких городах против войны [2]).

Пролетариат всех других, втянутых в войну, стран в первую очередь, а также пролетариат других нейтральных стран должен бы был по возможности в то же воскресенье, а если это было невозможно, на другой день демонстрировать по призыву Интернационала во всех городах Европы против войны. Мы тогда же писали об этом в нашем партийном органе „Трибуна".

Эти демонстрации должны бы были, по требованию Интернационала и национальных партий, повторяться каждый день. Каждый день и все в большем размере. В том случае, если бы против них выступили полиция и войска, что несомненно,—они должны бы были продолжать демонстрировать все с большим ожесточением и не

---

[1]) Это предложение не было поставлено на обсуждение, ибо конгресс высказался против дискуссии по этому вопросу.

[2]) Эта демонстрация состоялась только в четверг. Понятно, что при наличии таких правлений, какие имеют теперь Интернационал и национальные партии, действительно энергичное выступление против империализма невозможно.

Эти правления состоят все из вождей профессионального движения и парламентариев доимпериалистического периода. Кроме того, почти все они реформисты. Таким образом они не представляют себе, как надо организовать Интернационал против империализма.

останавливаясь и перед применением силы, подкрепляя это движение, что случилось бы само собой, всеобщей массовой стачкой. Повсюду, но в первую голову в непосредственно заинтересованных странах. Это движение следовало бы продолжать до ответа Сербии, до заседаний рейхстага и парламентов, на которых должен был быть решен вопрос о войне. И на этих заседаниях следовало повсюду, во всех странах, также в нейтральных, отклонить все кредиты на войну. Ведь мобилизация для оборонительной войны служит при империализме подготовкой к наступательной войне, т.-е. к империалистическим завоеваниям.

И во всех парламентах следовало бы произнести речь приблизительно следующего содержания: „Вы ведете наступательную войну. Вы стремитесь к завоеванию новых областей. Поэтому мы отклоняем все кредиты. Настоящая война, это—наступательная война всех стран одной против другой. Мы отклоняем поэтому вместе с нашими братьями в других странах все военные кредиты. Но эта война не только наступательная война всех стран, одной против другой, это в то же время наступление мирового капитала против мирового пролетариата с целью еще сильнее, еще в большей степени выжимать из него соки и эксплоатировать его и уничтожить пролетариев и как отдельных индивидуумов, и как борющийся класс. Может быть, мы еще слишком слабы, чтобы воспрепятствовать войне, но мы, пролетарии всех стран, уже теперь угрожаем вам революцией после войны“.

И в то время, как партийные представители говорили бы такие речи, выступление масс продолжалось бы, доходя до самых крайних пределов.

Вот что делали бы мы, мы, марксисты, если бы у нас было для этого достаточно силы. Вот в пользу чего вели мы, поскольку могли, пропаганду, вот что подготовляли мы в Голландии [1]).

[1]) В первые дни августа, когда все считали, что Голландия тоже будет вовлечена в войну и армия была мобилизована, с.-д. партия протестовала до последнего момента против войны, вплоть до организации уличных демонстраций. Понятно, что позиция с.-д. р. п. и Интернационала сильно ослабляли это выступление. Все же ей удалось объединить более 25.000 рабочих для борьбы за демобилизацию.

С.-д. р. п. осталась таким образом верна программе Интернационала и решениям интернациональных конгрессов.

Мы думаем, что правительства из страха перед тем, какую позицию займет рабочий класс в этой войне, стали бы осторожнее, если бы тактика по отношению к империализму проводилась во всех странах так, как мы пропагандировали ее в течение долгих лет, чтобы во всех странах была сознана опасность империализма. Но для этого необходимо было также совершенно порвать на этот период с либеральными буржуазными партиями и доводить массы при всех крупных битвах в политической и экономической области до массовых выступлений, в Германии, например, за прусское избирательное право.

Может быть, это и не принесло бы пользы, может быть, нам и не удалось бы воздействовать на правительства, возможно, что и массы пролетариата еще не откликнулись бы на наш зов.

Но мы думаем, что они бы откликнулись. Мы думаем, что если бы во время первого балканского конфликта Интернационал призвал рабочих всего мира к забастовке-протесту, то и тогда уже откликнулись бы сотни тысяч пролетариев. Ведь и теперь уже в одной Франции выступило 160 тысяч.

Мы думаем, что если бы теперь, в июле 1914 года, в Берлине и во всех городах Германии по призыву партии выступили тотчас, пока еще было время, сотни тысяч рабочих, мы думаем, что если бы то же самое произошло в Петербурге, в Москве, в Риге и Одессе, в Лодзи и Варшаве, в Киеве и Харькове, мы думаем, что если бы сотни тысяч, миллионы немецких организованных рабочих выступили и воспрепятствовали взаимному убийству немецких и русских рабочих, на этот протест откликнулись бы и в России сотни тысяч рабочих...

Мы думаем, что если бы разнеслась весть о том, что миллионы немецких и сотни тысяч, а может быть также миллионы русских рабочих не хотят итти на бойню друг друга, рабочий класс, по крайней мере организованная его часть, во Франции, Италии, Австрии, Скандинавии, Бельгии и Голландии, последовал бы точно так же в массовом количестве зову Интернационала. Мы думаем, что к борьбе примкнуло бы также много и английских рабочих [1]). Кроме того, несомненно, что повсюду присоединилось бы много неорганизованных рабочих.

---

[1]) И при теперешних условиях были забастовки в Уэльсе.

Пролетариат, который бастует ради какого-нибудь небольшого завоевания, повышения заработной платы, избирательного права, может бастовать и против войны. Мы думаем, что если бы противодействие становилось с каждым днем сильнее и резче в Германии, России и Франции,—странах, которые должны были дать сигнал борьбе, крупные стачки произошли бы также во многих других странах.

Может быть, мы были бы недостаточно сильны, чтобы противодействовать войне.

Капитал, крупный финансовый капитал, который всем руководит, которому все повинуется в кругах крупной и мелкой буржуазии,—империализм со своей шовинистической идеологией, со своими рабами еще слишком силен. Возможно.

Но если бы мы продержались до конца, если бы во всех парламентах звучал до последнего момента, долетая вплоть до тронов королей и царей, гордый отказ всемирного пролетариата принять участие в этой войне, пролетариата, который теперь, наконец, в первый раз, при первой представившейся возможности выразил свое возмущение и отказался итти на бойню исключительно в интересах капитала, тогда по крайней мере мы выполнили бы наш долг. Ибо тогда нам были бы обеспечены единство пролетариата, более высокая его организация в будущем и пропаганда на будущее время,—они стали бы еще сильнее и непоколебимее. Мы превратились бы тогда в единственную путеводную звезду для всех эксплоатируемых мира, которые теперь нас еще не видят. Мы действовали бы тогда согласованно с развитием капитализма, которое, благодаря империализму, противопоставляет мировой пролетариат мировому капиталу.

Тогда мы превратили бы эту борьбу, а может быть и поражение, в основу революции после войны. Мы заложили бы основание для грядущей победы.

Тогда Интернационал был бы воистину Интернационалом.

Но ничего подобного не произошло. Вследствие несознательности и узкого кругозора рабочих, обмана реформистов, трусости и нерешительности радикалов, Интернационал потерпел поражение.

Таким образом II Интернационал погиб фактически потому, что он не был интернационален. Это был конгломерат национальных, а не интернациональных организаций. Назывался он интернациональным, но ни по деятельности своей, ни по идеологии он не был

таковым. Он представлял из себя комплекс организаций, которые не были и не проявляли себя интернациональными.

Интернациональность этой организации не шла дальше того, что требовало время, предшествовавшее империализму.

В то время, как капитал, благодаря своим трестам, банкам, промышленным всемирным союзам, все более и более проявлял себя в международном масштабе, социал-демократия оставалась национальной. В то время, как капитал, хотя и враждующий в отдельных своих частях, раздробленный на отдельные воюющие между собой части, начал мировую войну за владычество над миром, в то время, как он организовал для этой цели крупные союзы наций, чтобы совместными действиями противостать другим союзам и добиться раздела земли, пролетариат продолжал, оставаясь в узких рамках, заниматься повседневными национальными вопросами.

В то время, как капитал, великий и могучий, ставил себе вопрос о том, как подчинить себе земной шар и его обитателей, сделать его капиталистическим путем борьбы и завоеваний, пролетариат продолжал заниматься мелкими незначительными вопросами о повышении заработной платы, уменьшении рабочего времени и законодательным установлением того или иного мелкого улучшения условий жизни в рамках своей нации.

В то время, как могущественные идеологи буржуазии, правда в грубой, материалистической, низменной форме, преследуя низменную цель, барыш, — но в широких размерах, ибо они охватывали весь мир,—строили и осуществляли свои планы о всемирном рынке и всемирном владычестве,—идеологи и вожди рабочих строили организацию лишь в национальном, а не интернациональном масштабе.

Международный капитал вооружался для мировой войны между своими составными частями, для мировой борьбы против мирового пролетариата, против жителей всего земного шара; повсюду, во всех крупных и даже мелких государствах, вооружение это производилось блестяще, вызывая глубокое изумление своей точностью, совершенством, быстротой и несравнимой организацией. А Интернационал рабочих тем временем совсем не вооружался для обороны против этой войны. Да он вообще не вооружался.

Если бы международный пролетариат обладал в десятой, в сотой доле той организаторской силой, сознанием цели и молниеносной быстротой, с которой капитал вооружался и благодаря

которой он все предусмотрел за долгие годы до войны, что дало ему возможность проявить себя в течение двух дней (нападение на Бельгию) и подготовить все, что необходимо в первую голову для завоевания мира, тогда пролетариат мог бы еще противостоять.

Но он ничего не делал, ничего не предусмотрел.

Капитал проявил себя в высшей степени активным в мировом масштабе.

А Интернационал оказался пассивным. Он не делал того, что должен был делать, чего требовал переживаемый момент. В своей борьбе Интернационал не проявил себя в мировом масштабе. Таким образом Интернационал оказался тем, чем был всегда раньше пролетариат,—беспомощной массой, которая должна терпеливо покоряться превратностям истории.

Интернационал был дряблым, многословным и пустым. Он состоял из партий, которые не были интернациональными. Он представлял собой мнимый союз этих партий. Рабочие, члены этих партий, представляли из себя по большей части массу, падкую на реформы, которая давала обманывать и тормозить свое движение миражами. Таких, которые понимали истинный ход развития и хотели действовать согласно ему, было очень немного.

Рабочие должны теперь сами видеть,—теперь, когда они сами чувствуют, что такое империализм, когда они должны начать понимать, что представляет из себя империализм,—кто, представители какого направления были и будут лучшими руководителями.

Рабочие должны теперь сами заботиться о том, как основать в будущем истинный Интернационал и предохранить его от развала.

X.

Будущее.

Мы видели причины, вследствие которых распался Второй Интернационал. Мы выяснили те его свойства, благодаря которым он должен был распасться, когда развился империализм; мы указали на изменения, которые должны произойти в нем, если он хочет достигнуть действительной цели,—нам остается еще бросить взгляд на будущее, чтобы попытаться выяснить развитие, которое ему предстоит совершить, и наметить путь, которым он должен будет пойти.

Как сложится будущее Интернационала? Будет ли он бороться с империализмом в национальном и международном масштабе?

Сможет ли масса начать собственное выступление?

Достигнет ли пролетариат благодаря этой войне высшего духовного и морального уровня, разовьется ли его воля, сознательность, идеализм, мужество до более высокой ступени?

Все это зависит, точно так же, как и все развитие пролетариата, от развития капитализма.

Все это зависит теперь, следовательно, в первую голову от того, как будут разрешены следующие вопросы: как долго просуществует империализм? Сколько продлится война? Возможно ли ограничение вооружения, разоружение, мир?

Мы ответим прежде всего на эти вопросы.

Два течения, которые сливаются в одно, обнаруживаются в капитализме.

Одно, это—экспансия капитала во всем мире, при чем производство принимает все более крупные формы. Это течение ушло уже очень далеко вперед, и темп его все более ускоряется.

Другое, это—экспансия национального капитала, превращение национального капитала в интернациональный [1]).

Тенденция обоих течений состоит в том, что капитализм превращается во всемирный капитализм. Капиталы отдельных нацио-

[1]) Война ведется также в целях интернационализации капитала,—так, например, со стороны Германии, чтобы побудить французский капитализм соединиться с немецким.

нальных государств соединяются друг с другом, и весь земной шар подпадает под влияние интернационального всемирного капитала.

Весь процесс развития империализма есть процесс развития капитализма до экспансии капитала по всему миру и до полной интернационализации капитала.

Империализм, война образуют лишь одну фазу в этом развитии: средство сделать капитал более интернациональным, более всемирным.

Итак, ввиду того, что процесс развития империализма представляет из себя интернациональный, всемирный процесс, рассмотрим процесс развития капитала по всему земному шару.

Рассмотрим сначала процесс экспансии капитала, а затем процесс его интернационализации.

Промышленность превратилась в главный источник образования прибавочной стоимости. Она значительно превосходит теперь сельское хозяйство, которое создает лишь очень медленно и немного прибавочной стоимости.

В больших, наиболее развитых странах—Англии, Германии, Франции, Соединенных Штатах—ежегодно производится или получается от промышленности количество прибавочной стоимости, несравнимо бо́льшее при существующих капиталистических условиях, чем то, которое может найти приложение в своей стране. Эти массы капитала вытесняются, должны найти себе приложение в других странах, быть вывезенными в другие местности, куда их манит крупный барыш, гораздо более значительный, чем в родной стране. И такое приложение они находят себе во всем мире.

Но страны, которые экспортируют капитал, крайне различны между собой по состоянию и высоте капиталистического производства.

Условия производства в этих странах крайне различны.

Англия владеет большим количеством колоний и превратилась уже почти целиком в промышленную страну. Она почти не имеет сельского хозяйства, не может, следовательно, обойтись без экспорта произведений промышленности, без приложения капитала за-границей, ввоза сельско-хозяйственных продуктов.

Германия имеет мало колоний, ее промышленность все более растет и развивается, ее сельское хозяйство относительно уменьшается, она стремится поэтому к завоеванию бо́льшего количества

колоний, к вывозу капитала и продуктов промышленности, к ввозу сырья.

Во Франции сельское хозяйство еще очень сильно распространено, ее промышленность стоит на более низкой ступени, чем в Англии и Германии, но богатства ее в смысле банкового капитала очень велики. Она нуждается, следовательно, в колониях, сферах влияния и т. д. для экспорта капитала.

Соединенные Штаты становятся все более и более промышленной страной. Капитал их растет не по дням, а по часам. Он должен стремиться к экспансии и уже стремится к ней.

Во всех этих странах капитал ежегодно значительно возрастает, благодаря колоссальным производительным силам. Но в каждой стране это развитие происходит своеобразно, при различных условиях.

Так обстоит дело в наиболее значительных капиталистических странах. А на-ряду с ними другие страны, резко отличающиеся от них.

Россия—страна еще почти целиком земледельческая, но с таким поразительным богатством земель, с настолько значительным внутренним рынком, что все заставляет предполагать быстрый рост капитализма.

Мелкие страны: Италия, Швейцария, Голландия, Бельгия, Швеция, Норвегия частью достигли уже в промышленности высокой степени капиталистического процветания, частью находятся на пути к нему.

Как поток, все более мощный, вырывается из всех этих стран капитал, ища возможности приложения по всему свету.

Но процесс этот во всех этих странах происходит различно, при различных условиях сельского хозяйства и промышленности, в различной степени, с различной интенсивностью, быстротой, в различных размерах, далеко не в равновесии.

Перейдем теперь к странам, куда экспортируется капитал крупных капиталистических промышленных стран.

Вообще говоря, таковыми являются земледельческие страны, которые еще не располагают достаточным капиталом для собственной промышленности, которые добывают еще недостаточно капитала из земледелия, следовательно, нуждаются в иноземном капитале для того, чтобы обзавестись капиталистическим хозяйством и про-

мышленностью, создать железные дороги и каналы, гавани, доки и фабрики, иметь возможность эксплоатировать рудники, но которые за то могут вывозить продукты питания или сырье, нужное для промышленности. Различие, имеющееся между такими странами, еще значительнее, чем между странами, экспортирующими свой капитал.

Такие страны являют пример всех ступеней развития.

Некоторые страны находятся уже в стадии перехода от земледельческого хозяйства, по преимуществу, к хозяйству промышленному и начинают экспортировать свой капитал, как, например, восточная часть Соединенных Штатов. Другие экспортируют, главным образом, продукты питания, сырье, как Канада, Австралия, Южная Америка. Третьи, где на-ряду с мелким интенсивным аграрным хозяйством, существует культура для экспорта, где население эксплоатируется либо туземными крупными собственниками, либо капиталистами созревших в капиталистическом смысле наций, как Англия, Голландия, Франция, которые препятствуют переходу капитала в руки туземцев, как Китай и британская, французская и голландская Индия. Наконец, те страны, где существует лишь примитивное, аграрное хозяйство, достаточное лишь для пропитания туземцев, но откуда сырье вывозится европейскими капиталистами, как центральная Африка.

Все эти страны, куда устремляется или начинает устремляться теперь капитал, находятся опять-таки в совершенно различных условиях производства, стоят на совершенно различной ступени развития, различны по степени богатства, восприимчивости для капитала, политическим условиям, нравам и характеру населения.

Эти страны никоим образом не находятся в равновесии ни друг с другом, ни со странами, экспортирующими капитал,—все они различны по силе капиталистически-активной или капиталистически-пассивной.

Есть еще немало и таких, которые еще совсем не имеют собственной силы и совершенно беззащитны перед грабежом, производимым капиталом.

Но во всех этих странах, как в тех, которые экспортируют капитал, так и в тех, которые его ввозят, или тех, которые сами не обладают никакой капиталистической силой, процесс приложения капитала в международном масштабе находится лишь в начальной стадии. Незначительная часть

предприятий этих стран эксплоатируется соединенным интернациональным капиталом; но бо́льшая часть капитала в собственных странах, в колониях, сферах влияния однородна: представляет из себя однородный капитал одной нации.

Правда, в молодых земледельческих странах находит приложение много иностранного капитала, но он быстро опережается национальным, как, например, в Северной Америке.

Правда, из национальных обществ создались интернациональные тресты, но национальные капиталы часто враждуют и конкурируют между собой, стараясь урвать каждый для себя львиную часть. Это мы видим в крупном судоходном европейско-американском тресте.

Правда, крупные тресты, образовавшиеся из национального капитала объединились между собой, но борются с гигантскими объединениями других стран.

Правда, в мелкие и слабые государства проникает много иностранного капитала, например, немецкий капитал в Голландии,—но во всех этих государствах замечается тенденция создать собственную промышленность, и иностранный капитал встречается в незначительном количестве.

Но все эти международные или иноземные капиталы представляют из себя по отношению к национальным капиталам такую незначительную часть, что почти незаметны по сравнению с ними.

Итак во всех этих странах, стоящих на различных ступенях развития, интернационализация капитала находится лишь в своей первоначальной стадии.

Что же приводит капитал во всех этих странах в движение? В Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах, в Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Испании, Норвегии, Швеции, Дании, в России и Японии, в Канаде, Аргентине, Южной Африке, Австралии, в британской и голландской Индии, Алжире, Марокко, Египте, в Конго, в британской и немецкой Африке, в Гонконге, в Шанхае, в Киаочао и других частях Китая? Его приводит в движение нация, нация, которая там живет или владычествует, нация, как нечто единое и целое, как сила.

Во всех созревших в капиталистическом отношении странах Европы и Америки, созданный наемными рабочими капитал просачивается, струится и льется потоком в новые области, движимый силой наций.

Во всех, еще не вполне зрелых капиталистических странах, индустриализированных лишь отчасти, как во многих частях Северной Америки, Австралии, в Южной Америке, Японии, капитал проходит стадию накопления, необходимую для того, чтобы страна, нация стала вполне зрелой в промышленном и капиталистическом отношении.

Из всех слабых, эксплоатируемых чужеземным капиталом стран Азии и Африки образующийся там новый капитал уходит, обогащая собою другие нации, которые живут далеко за морем, но владычествуют над этими странами. Из Персии, Индии и Центральной Азии, из Марокко и Алжира, Египта и Судана, Конго и всей центральной Африки притекает этот капитал.

Но все страны, за исключением, может быть, только наиболее слабых, стремятся стать капиталистическими, усилиться и завоевать наивысшую власть.

Англия, Германия, Франция, Соединенные Штаты стремятся к наивысшей власти капитала; Италия, Бельгия, Швеция, Дания, Голландия, Швейцария, Япония—к большой власти.

Страны целиком или наполовину земледельческие стремятся к тому, чтобы превратиться самим в независимые капиталистические государства с собственной промышленностью. Таковы Россия, Канада, Аргентина, Австралия, Южная Африка.

Кроме того, есть страны, которые должны еще построить свою национальность на пригодных для капитализма основаниях и стремятся к этому. Таковы страны: Австро-Венгрия, государства Балканского полуострова, Турция, Китай.

И подчиненные до сих пор колонии начинают стремиться к собственной независимой капиталистической власти. Таковы британская и нидерландская Индия, Египет. Но повсюду нация, национальность представляет из себя побудительную силу и в то же время основу, на которой и благодаря которой может развиваться капитализм.

И повсюду интернациональность капитала еще незначительна.

Как раз созревшие в капиталистическом отношении страны, как Англия, Германия, Франция, обладают в наименьшей степени интернациональным капиталом, но являются наиболее созревшими в национально - капиталистическом или капиталистически - национальном смысле.

И как раз те страны, которые становятся сильными капиталистическими странами, как Соединенные Штаты, Россия, Канада,

Австралия, государства Южной Америки пытаются преодолеть интернациональный капитал и сделаться национально-капиталистическими [1]).

А в слабых в капиталистическом отношении странах, как Китай, Турция, Персия, интернациональный капитал становится национальным в том смысле, что он не смешивается с существующим там капиталом, но борется с ним. (Так английский и русский капиталы в Персии, капитал всех могущественных государств в Китае и т. д.).

Повсюду, следовательно, стремление к самостоятельному национальному существованию капитала [2]).

---

[1]) Россия нуждается в иностранном, французском капитале, преимущественно для своего милитаризма и империализма, т. е. для того, чтобы упрочить себя, как капиталистическое государство.

[2]) В этом—главная причина национализма и шовинизма при империализме. Вот почему национализм и шовинизм достигают при империализме такой значительной силы.

Троцкий пишет („Война и Интернационал", стр. 1): „Сущностью настоящей войны является возмущение производительных сил против их национально-государственных форм эксплоатации". „Политика империализма служит прежде всего доказательством того, что старое национальное государство пережило себя и представляет из себя невыносимый тормоз для развития производительных сил. Война 1914 г. означает прежде всего крах национального государства, как самостоятельного экономического целого". „Война возвещает развал национального государства".

Это кажется марксизмом, но на самом деле не является таковым. Лишь фразеология остается марксистской.

Настоящая война является борьбой крупных производителей, наций за большую область для сбыта их продуктов и для приложения их капитала, особенно в колониях. Поскольку, на-ряду с колониями, они стремятся завоевать и подчинить себе также другие капиталистические государства, они делают это не из экономических, а из политических или стратегических причин. Так, Германия стремится сделать зависимыми от себя Бельгию и Голландию для своей борьбы против Англии, она хочет подчинить себе Сербию, чтобы овладеть путем в Азию, и даже Польшу и Северную Францию, благодаря их богатству в железе и угле... для борьбы против Англии. Ей нужны эти страны не в силу экономических причин. Австрия стремится подчинить себе Сербию, чтобы не дать создаться сильному сербскому государству. Россия стремится завладеть Босфором, чтобы в военное время ей не был отрезан подвоз и чтобы ее военные суда могли выходить в Средиземное море и т. д. Вообще до сих пор стремление завладеть колониями обусловливалось экономическими причинами, стремления подчинить европейские области вызывались политическими причинами.

Все эти нации имеют свои собственные интересы, которые приходят в столкновение друг с другом.

Созревшие в капиталистическом смысле промышленные нации стремятся все к большему экспорту капитала, все они стремятся подчинить своей власти страны, производящие продукты потребления и сырье. Благодаря этому они приходят в конфликт друг с другом. Ибо каждая из них стремится получить одни и те же, наиболее богатые, страны.

Нации, ввозящие капитал, стремятся освободиться от стран, экспортирующих капитал, и сделаться сами таковыми. Благодаря этому они приходят с ними в конфликт. И они сами отыскивают

Война не есть возмущение производительных сил против существовавшей до сих пор национально-государственной формы эксплоатации капитализма, а средство сделать отдельные нации еще больше, сильнее и значительнее, превратить их в основу мирового капитализма и использовать борьбу между этими национальностями, как средство для нового укрепления, расширения и увеличения капиталистического производства.

Настоящая война, империалистическая политика доказывают, что крупное национальное государство еще не пережило самого себя, но обладает крупными силами для того, чтобы расширить в борьбе с другими национальными государствами капиталистическое производство и превратить его в мировое.

Правда, очень вероятно, что теперь или позднее многие мелкие государства сойдут со сцены, но крупные не подвергнутся распаду и развалу, они сохранятся как самостоятельные экономические области и в качестве таковых будут сильнее.

Правда, эта война стоит бесконечных жертв, но так уже всегда бывает при капитализме. Эта война все же несет с собой прогресс.

Что такова суть дела, а изображение Троцкого представляет из себя лишь мираж, выяснится тогда, когда мы будем следить не за общими положениями, а за действительными фактами.

Национальное государство Англия сделается благодаря этой войне значительно больше, ибо оно в гораздо большей степени, чем прежде, включит в себя многие колонии.

Национальное государство Германия останется во всяком случае таким, каким оно является теперь, может быть, только оно сделается властелином мелких подчиненных ему народностей. Национальное государство Германия сделается таким образом сильнее.

Национальное государство Франция останется таким, каково оно есть.

Национальные государства Россия и Австрия благодаря войне примут более определенные формы.

уже страны для сбыта сырья и продуктов питания, как, например, Соединенные Штаты и Япония. И благодаря этому они приходят в конфликт друг с другом.

А национальности не вполне еще сложившиеся — Китай и Турция, государства Балканского полуострова — хотят сделаться свободными нациями, независимыми от сильных капиталистических наций. Благодаря этому они приходят в конфликт с последними.

И порабощенные колонии хотят сделаться свободными и сильными капиталистически. Благодаря этому их интересы приходят в столкновение с интересами их угнетателей.

Все нации стремятся сделаться могущественными, сильными или самостоятельными, благодаря капиталу, благодаря капиталистическому

Соединенные Штаты и национальное государство Япония останутся в таком же виде.

И все эти государства увеличат свою власть и силу, как нация или как государство, благодаря этой войне, благодаря тому, что они подчинят себе мелкие государства, слабые народности, сделают их зависимыми от себя или завоюют их в Европе, Англии, Африке, в одной или во всех этих частях света и будут господствовать над ними, как нация, как национальное государство. И они будут это делать не как нации, пережившие сами себя, а как нации, изобилующие силой, капиталистической силой, как национальные экономические области.

После войны эти нации: Англия, Германия, Франция, Россия, Австро-Венгрия, Соединенные Штаты и Япония начнут снова борьбу за господство над миром, как нации, как государства, как экономические области. Они и их союзы служат лишь для этой борьбы, они и их союзы и их борьба поднимают на высшую стадию капиталистическое производство и все усиливают его.

Эти нации, следовательно, являются пока не помехой, а рычагом, двигающим производство.

Ложны, следовательно, и практические требования, которые Троцкий основывает на этих воззрениях и которые он формулирует как требования пролетариата при и после заключения мира: право каждой нации на самоопределение. Соединенные Штаты Европы — без монархий, без постоянного войска, без правящих феодальных каст, без тайной дипломатии.

Эти требования основываются на ложном представлении действительности. Они или вредят пролетариату и его развитию, или лежат вне досягаемости для пролетариата, а потому являются утопическими и неправильными.

производству, благодаря порабощению рабочих, благодаря капиталистическим владениям.

И интересы всех наций приходят благодаря этому в столкновение друг с другом.

Вот какое зрелище представляет собой земной шар: сильные капиталистические нации, слабые капиталистические нации, несамостоятельные, порабощенные нации с еще не развитым капиталистическим производством.

Но все они стремятся к господству капитала и к владычеству. На-ряду с ними мы встречаем нации бессильные, как негров, которые сами еще ничего не могут достигнуть и таким образом представляют из себя лишь добычу или объект.

Рост экспансии увеличивается все быстрее и быстрее, благодаря все растущим производительным силам. Аппетиты все возрастают, становятся все более и более настоятельными. В связи с этим и конфликты становятся многочисленнее и крупнее.

Но каким образом шло до сих пор развитие капитализма? Каким образом совершается экспансия капитала по всей земле и какими средствами он пользуется, чтобы стать могущественным в национальном смысле?

Как мы уже раньше указывали, этими средствами являются борьба, кровопролитие, убийство.

Капитализм, который распространяет по земле науку, технику, общественное сознание, усовершенственные методы труда, высшее богатство, наконец социализм, достигал этого всегда и достигает этого теперь лишь путем убийства и войны.

Для того, чтобы достичь своей цели, исполнить свою историческую миссию, распространить капитализм по всей земле и сделаться интернациональным, капитализм вступает в борьбу против самого себя в отдельных своих частях и объединениях, против слабых народностей, против пролетариата.

Он умерщвляет, угнетает и порабощает слабые народности, он ведет войну против самого себя, между своими собственными членами,—как индивидуумами, так и нациями,—он устраняет со своего пути своих слабых сочленов путем уничтожения, борьбы и убийства,—он пользуется пролетариатом, как орудием убийства и как пушечным мясом.

В своей империалистической борьбе он выступает против все-

мирного пролетариата. Та кровавая баня, в которую он бросает своих сочленов, слабых индивидуумов, слабые народности и пролетариев, способствует его росту.

Через море крови,—настоящая война является тому новым доказательством,—идет он к своей цели.

Борьба, война никогда не была в такой степени средством развития капитализма, как теперь, при империализме.

И теперь это не может быть иначе! Теперь нельзя открыть другого пути, другого средства для развития капитализма, кроме того же самого, которое в течение столетий было единственным действительным средством. Не может быть иначе теперь, когда накопление капитала во всех странах стало громадным и возрастает настолько сильно, как никогда раньше,—когда, следовательно, стремление к экспансии быстро увеличивается и возрастает в тысячи раз по сравнению с тем, что было прежде, когда интернациональность капитала хотя и находилась еще в *начальной стадии своего развития*, но уже достигала международного смешения. Не может быть иначе теперь, когда нации, национальные правительства, вооруженные нации представляют из себя главную опору и побудительную силу, которой капиталисты владеют или к которой они стремятся по всему миру, чтобы создать, увеличить или сделать свой капитал господствующим по всему миру от Японии до Голландии, от России до Южной Африки. Развитие будет совершаться теперь, как и раньше, посредством войн.

Одним словом, там, где борьба интересов возросла и экспансия сделалась необходимее, там война не может прекратиться.

Наоборот, так как развитие, накопление капитала путем все совершенствующейся техники и все увеличивающихся масс пролетариата принимает все более быстрый темп, борьба становится ожесточеннее, вооружение обременительнее, война ужаснее и кровопролитнее.

Мы приходим, следовательно, к такому выводу:

Капитализм растет и распространяется по всему свету благодаря силе национальных государств.

Интернационализация капитала еще незначительна. Интернациональные капиталы составляют по отношению к национальным капиталам еще незначительное меньшинство.

Главная сила теперь в национальных капиталах, в капиталах, созданных и управляемых нацией.

И каждая нация и ее национальный капитал преследуют свой особый интерес.

И единственным средством разрешения конфликта, вызванного различием интересов, является вооружение, война.

Буржуазия, значительная часть социал-демократов, реформисты и радикалы толкуют о мире между народами, разоружении, ограничении вооружения.

Все они, проповедующие мир и разоружение, должны доказать — поскольку они считают возможным общий мир и разоружение, — что интересы наций, национальных капиталов, идентичны. Или они должны будут доказать, что капитал не является уже в большей своей части национальным, а интернациональным.

Если они не смогут этого доказать, станет очевидным, что разоружение, мир еще не возможны. А доказать этого они не смогут. Им нигде не удалось этого доказать, хотя бы отчасти.

Это опровержение не допускает дальнейших возражений.

Этим, собственно, достаточно сказано, ибо противоположные интересы капитала различных наций ведут к войне. Но так как эта книжка должна послужить не только для того, чтобы наметить рабочим в общих чертах схему развития империализма и пролетарской борьбы, но также для того, чтобы дать оружие в руки рабочих для дискуссий и обсуждений этих вопросов между собой, мы приведем здесь еще некоторые аргументы против национализма и лозунга разоружения.

Те, кто стремится к миру, демобилизации или ограничению вооружения и агитирует за него, должны доказать, что это возможно также в следующем отношении.

Они должны доказать не пустыми фразами, не выражением только надежды или предположений, или неопределенным сравнением с картелями, но точно, примерами и фактами, — какое другое средство для развития существует при капитализме, помимо войны и какой иной принцип, помимо силы. Они должны доказать, каким образом при бесконечном различии народов, которые все живут в различных условиях, все различны по силе, все стремятся к власти, интересы которых приходят постоянно в бесконечные столкновения, которые не находятся друг с другом в равнове-

сии,—каким образом смогут они приводить их в равновесие без борьбы.

Они должны доказать точно, путем точных доказательств, основанных на практике, политике и экономике, как представляют они себе регулирование и распределение. Какой кусок должна получить Англия, какой Германия, Россия, Америка, Франция, Япония? Какие области каждая из них сможет использовать для эксплоатации, для проявления своего владычества или для сферы влияния. На каких основаниях они должны быть распределены или захвачены. Кто будет судьей, посредником при дележе?

Каким образом достигнуть доверия между крупными державами и др., чтобы им не нужно было усиливать вооружения?

Этого они доказать не могут. Лишь только вопрос ставится конкретно, они пасуют. Еще никем и никогда не был указан путь к разоружению, к мирному развитию, к дележу, удовлетворяющему всех, к гармонии, к равновесию.

До сих пор мы не знаем другого принципа, кроме принципа силы, на котором можно было бы обосновать раздел мира, развитие капитализма,—теперь, в современной стадии капитализма.

В настоящую стадию развития капитализма не существует другого средства к экспансии, к распространению по всему миру, к интернационализации, кроме грубой силы.

Нам говорят: право. Но почему Германия имеет большее право на Месопотамию, чем Англия? Почему вообще какая-либо из этих держав имеет право на нее? Право—это сила. Решает сила, власть. Защитники идеи ограничения вооружения должны доказать, что существует какое-то другое право.

Нам говорят: надо Китай и т. д. поделить на сферы влияния: Франции, России, Германии, Англии и т. д.—каждой по куску. Но если оставить вопрос открытым относительно того, что такой раздел возможно провести лишь путем войны и что и здесь решить может лишь сила, столкновения между державами благодаря такому разделу стали бы еще крупнее, сферы влияния развивались бы не в одинаковой степени и сами стали бы причиной и объектами для новой войны.

Нам говорят: свободная торговля. Но как возникает торговля в первобытных странах, в Центральной Африке?

Путем применения силы, убийства и войны. Лишь убийством принуждают слабое население к отдаче каучука и т. д. Кто дол-

жей совершить убийство, итти с оружием в руках, Германия или Англия? Лишь сила может это решить.

Торговля, однако, не является уже главной целью! Главную цель представляет из себя вывоз капитала для создания нового капитала. Главной целью является проведение железных дорог, устройство гаваней и фабрик. Но каким образом создать все это, каким образом приложить капитал в Китае, Персии, Марокко, Триполи, Центральной Азии, Монголии, Корее? Каким образом создать предпосылки капиталистического производства, господство капитала, порабощение туземцев? Путем применения силы. Путем экспроприации. Китайцы, персы, жители Марокко и т. д. не хотят подвергаться экспроприации, превращаться в пролетариев. Но тем не менее их экспроприируют, подавляя силой их противодействие. Кто же должен это делать? Кто вручит эту власть экспроприаторам?

Решает сила, война. Буржуа и социалисты, которые толкуют о мире, должны доказать, каким образом торговля и экспорт капитала могут происходить без применения силы.

Нам говорят: транспорт. Транспорт служит связью между народами и, конечно, международен. Железные дороги и пароходное сообщение объединяют все нации. Но железные дороги и водные пути сообщения находятся в своей преобладающей части в руках национальных владельцев капитала и являются конкурентами, т.-е. врагами. Но кроме того: крупный капитал сам стремится отыскать источники прибавочной стоимости, самые начальные источники, т.-е. сырье, наемных рабочих и товарное производство. В этих целях и ведется война. Транспорт представляет из себя лишь побочный источник. И крупные капиталисты знают, что они завоюют транспорт, раз они будут иметь земли, сырье и туземцев в качестве наемных рабочих.

Но разве не комично требование единства, пока различие интересов и силы еще так значительно, пока борьба со слабыми еще настолько легка?

Не комично ли теперь это требование?

Если Англия надеется получить все, для чего нужно ей договариваться с Германией?

Если Англия захватывает что-либо, то зачем ей делиться с Германией? Если Германия захватывает что-либо, как может она

не остаться при убеждении, что путем войны она достигнет еще большего?

Если Россия и Соединенные Штаты познают о почти неисчерпаемых источниках, которыми они владеют у себя и которые они должны еще развить, то зачем им преждевременно объединяться с другими и уменьшать свою часть добычи, которая может быть значительно больше?

Пока Германия убеждена, что ее милитаризм может все побороть, для чего ей делить свою власть с другими крупными державами?

Пока еще остаются неподеленными такие крупные области как: Китай, передняя Азия [1]), Нидерландская Индия, части Средней Азии и Африки, пока так много слабых, которых можно подавить и поработить, все государства будут питать доверие к собственной силе, а войну и свою власть выставлять, как культурный идеал.

Нам говорят: надо образовать союз государств. Но интересы Германии, России и Англии противоречат этому. Может быть, будут созданы союзы некоторых государств, например, Германия с державами Центральной Европы, Германия с Россией, Германия с Францией, Германия с Англией, но это произойдет в целях еще более упорных войн и еще более сильной эксплоатации слабых народностей.

Нам говорят: слишком велики расходы как в смысле денег, так и в смысле человеческих жизней. Мы уже указывали на то, что миллиарды, выданные для империализма и для войны в целях завоевания Месопотамии, Конго, Китая, Нидерландской Индии, будут возвращены с миллиардным процентом. Будут ждать долгие годы, заставлять пролетариат перетерпеть ужасные бедствия и все-таки добьются процентов в сто крат [2]).

И новая война, новое вооружение могут снова повысить заработную плату, так как за это время производительные силы снова возрастут.

---

[1]) Т. е. Малая Азия, Сирия с Палестиной, Месопотамия, Курдистан и Турецкая Армения. *Прим. перевод.*

[2]) Некоторые утверждают, что война стала невозможна вследствие гигантских армий и значительного вооружения, ни одна из наций не может оказаться победительницей, следовательно, нельзя найти разрешение конфликта таким путем. Но техника и наука изобретут новое оружие, новую стратегию. Ибо этого требует экспансия капитала.

Забудут мертвецов, все бедствия и все издержки и приложат все силы, все средства для того, чтобы достигнуть новой, заманчивой цели.

Как мало знают психику, душу капитализма те, кто думает, что он может переменить ее теперь, когда развивается империализм. Мы уже указывали на то, что капитализм по своей природе не боится и не может бояться никаких издержек, никаких средств, чтобы достигнуть своей цели — распространения капитализма по всему миру!

Сущность капитализма состоит в образовании прибавочной стоимости во все более возрастающих размерах. Прибавочная стоимость, которая образует новую большую прибавочную стоимость со все более растущей быстротой.

Таким образом, экспансия, стремление капитала к распространению по всей земле — вот сущность нашего общества. Весь капиталистический мир должен покориться этой тенденции.

Капитал существует лишь благодаря частной собственности на средства производства. Это влечет за собой неизбежно, в виду того, что этой собственностью обладают немногие, борьбу. Борьбу между отдельными индивидуумами и группами, в которые они соединяются, нациями. Тот, кто признает сущность капитала, должен признавать и это средство и применять его.

Несомненно, что широкие круги буржуазии, по окончании этой ужасной войны, почувствуют отвращение к империализму и вполне серьезно будут стремиться к миру и надеяться на него.

Но вопрос в том: смогут ли они осуществить мир?

Вопрос не в том, что они чувствуют, а в том, что они могут сделать.

Руководство экономикой и политикой капитала находится в руках банковых и промышленных магнатов. Они совершенно не боятся войны, а пользуются ею для своей цели, для эксплоатации мира, порабощения населения завоеванных областей, превращения их в пролетариев.

Война даст им на долгое время возможность этой эксплоатации, она является их наилучшим, наиболее действительным средством, которое никогда не изменяет и отдает всю землю, всех рабочих в их власть.

Банковые и промышленные магнаты являются той силой, кото-

рая дает возможность капитализму достигнуть его цели, направляет капитал для получения прибыли повсюду и везде. Они являются той силой, которая в соответствии с сущностью капитализма осуществляет его способность к экспансии. И поэтому всем другим капиталистам и промежуточным классам, которые существуют благодаря способности капитала производить прибавочную стоимость, не остается ничего другого, как следовать за ними и повиноваться им.

Эти невидимые, массам людей неизвестные силы, магнаты крупного финансового мира, промышленные синдикаты управляют миром не в силу своего политического или экономического могущества. Они управляют миром скорее потому, что они представляют в совершенстве, вполне и всецело сущность капитализма.

В их гигантских массах капитала заключается сила экспансии капитала, концентрированная и организованная. Они сами покорны этой силе экспансии, они сами рабы своего капитала.

А им в свою очередь подчинены все люди, которые живут на прибавочную стоимость.

Правда, мелкие капиталисты и мелкая буржуазия могут чувствовать, что они повинуются крупному капиталу вопреки своей воле, но изменить этого они не могут.

Только пролетариат, который стремится к другой цели, не к эксплоатации, а к социализму, может противодействовать империализму.

Можно предвидеть вполне ясно и отчетливо, какая конъюнктура создастся после войны.

Все нации предпримут усиленное вооружение. Вся земля будет покрыта стальной щетиной оружия. И это вооружение будет сопровождаться громкими лицемерными выкриками в пользу мира.

Законопроекты о вооружении в большем, чем когда-либо раньше, масштабе будут внесены в парламенты всех народов. И все члены буржуазных партий, как сторонники, так и противники мира, будут голосовать за вооружение.

И когда снова вселенная окажется накануне войны, друг против друга будут стоять бесконечно более значительные и сильные армии и снова начнется еще более кровавая война за завоевание вселенной.

Иначе быть не может. Настоящая война служит снова доказательством тому, что все представители капиталистических классов и те, кто им покоряется,—ради ли инстинкта самосохранения, или побуждаемые социальными инстинктами, имеющими в виду сохранение общества, в котором эти представители живут, с которыми составляют одно целое,—все они не остановятся ни перед материальными издержками, ни перед жертвами людьми, раз дело идет о том, чтобы распространить путем борьбы капитализм, единственное, что дает им возможность существовать.

Если бы даже капиталисты желали разоружения, мира, ограничения вооружения, они не смогли бы осуществить своего желания.

Капитализм имеет свои собственные законы, которые вытекают из его сущности. Главные из этих законов: экспансия и борьба.

Еще раз: буржуазия, реформисты и радикальные социалисты должны доказать либо правильность того, что капитал в своей большей части является уже более не национальным, а международным, либо, что интересы наций тожественны.

И они должны точно также доказать, что при существующих отношениях между отдельными индивидуумами и нациями, капиталисты, класс капиталистов могут по своему усмотрению направить капитализм по иному пути развития, чем тот, который предписывают ему его законы.

Но доказать этого они не могут.

Да это и не является их целью.

Цель их—удержать пролетариат от борьбы.

В то время, как свирепствует мировая война, реформисты и радикалы стремятся совместно с буржуазией изобрести средство, чтобы после войны снова обессилить, ослабить и обмануть пролетариат.

Радикалы, реформисты и буржуазия нашли уже и средство для того, чтобы снова отклонить рабочих от революции, заставить их доверять буржуазии, а не собственным силам.

Этим средством и является как раз разоружение.

Это средство представляет из себя союз европейских государств.

Это средство заключается во всеобщем мире.

Все они будут проповедывать не войну войне, не войну империализму и буржуазии, а борьбу совместно с буржуазией за мир.

Понятно, что буржуазия, как и раньше, сделает вид,—особенно теперь, после этой ужасной войны,—что она стремится к миру и жаждет его.

А в то же время она вооружается до зубов.

Фразы о мире имеют целью лишь усыпить пролетариат.

И в то время, как буржуазия лицемерно, на словах, больше чем когда бы то ни было восхваляет мир и хвастается этим, реформисты найдут возможность снова выступить совместно с буржуазией, будут соглашаться с ней на выборах, заключать компромиссы, получать мандаты, завоевывать власть—для себя. Они могут делать это, ибо буржуазия стремится к миру.

Вот для чего служит реформистам мир, разоружение. А радикалы будут пользоваться всяким случаем, чтобы удержать пролетариат от революционного выступления. Потому что они боятся этого выступления. Вот для чего служат радикалам фразы о разоружении, к которым лицемерно прибегает буржуазия!

Повсюду уже видны признаки всего этого. Радикалы и реформисты всех стран уже подготовляются [1]).

Подобные требования уже встречаются в газетах и журналах радикалов. Каутский уже дал лозунг разоружения, прекращения империалистической политики и вооружения [2]).

---

[1]) Той же цели, что и разоружение, т. е. усыплению пролетариата и совместным действиям с частью буржуазии, служат другие, новые требования радикалов и реформистов: международные третейские суды, уничтожение тайной дипломатии и т. п.

[2]) См. следующие места: стр. 7 „Neue Zeit" от 2 октября 1914 г.: „Социал-демократия будет стремиться к длительному миру путем устранения условий, вызвавших войну, т. е. империализма и вооружения.

„Таким образом здесь снова, как и перед войной, стараются представить пролетариату, что разоружение теперь возможно и социал-демократия в состоянии провести его. И что она даже в состоянии уничтожить и империализм".

А на стр. 250 „Neue Zeit" от 25 ноября 1914 г., после того, как в статье еще раз определенно было сказано, что социал-демократы должны принять участие в войне, когда им грозят нашествием, указывается на следующую цель, стоящую перед Интернационалом: „Борьба за мир, классовая борьба во время мира".

О борьбе против будущей войны не говорится, точно так же, как и о классовой борьбе во время войны и о возможности революции после войны.

Сравним с этим то, что писал прежний Каутский, Каутский 1908 г. в „Пути к власти" о войне, империализме и вооружении:

„С таким трудом достигнутое равновесие между государствами снова

Этот лозунг снова объединит всех. Он сделается лозунгом будущего, от Каутского до последнего реформиста. Это будет также лозунгом для совместных действий с буржуазией.

Все те, кто сдерживал и обманывал пролетариат, все те, кто голосовал за войну и позорил социализм, объединятся на этом лозунге и простят друг другу свои грехи. Это будет лозунгом, вновь объединенного Интернационала. И благодаря этому лозунгу как Интернационал, так и все национальные партии будут снова обессилены.

Кроме того, буржуазия, вооружаясь до зубов, высказывается в то же время за общий мир, потому что капитал смог бы тогда эксплоатировать слабые народности в колониях неизмеримо сильнее.

Если бы капитал смог поделить между собой без войны колоний, сферы влияния, такие государства, как Китай, тогда ему не нужно было бы расходоваться на войско и флот, и он смог бы все

приходит теперь в колебание благодаря неожиданным переменам, на которые эти государства не имеют никакого влияния. Проблемы, мирное разрешение которых казалось невозможным и было отложено на долгое время, как отношение к Балканским государствам, снова возникают вдруг и требуют разрешения. Повсюду беспокойство, недоверие, неуверенность. Повысившаяся уже вследствие вооружения нервность достигает своего апогея.

„Угроза мировой войны становится близка.

„Но опыт последних десятилетий доказывает, что война вызывает революцию, имеет следствием крупные политические передвижения сил. Еще в 1891 г. Энгельс считал, что для нас было бы большим несчастием, если бы вспыхнула война, которая повлекла бы за собой революцию и поставила бы нас у кормила правления, ибо это было бы преждевременным. В течение некоторого времени пролетариат мог бы, используя данную политическую конъюнктуру, вернее добиться результатов, чем идя на риск вызванной войной революции.

„С тех пор ситуация сильно изменилась. Пролетариат теперь настолько окреп, что он может с большим спокойствием смотреть на приближающуюся войну.

„Но при этой общей неуверенности ближайшие задачи пролетариата выступают достаточно ясно. Мы уже указывали на них. В дальнейшем не обойдется без изменений самих основ государства, на которых ведется борьба. Добиваться самым энергичным образом демократического строя во всей империи, а также в отдельных государствах, — вот ближайшая задача пролетариата в Германии; его высшей международной задачей является борьба против мировой политики и милитаризма.

Так же очевидны, как эти задачи, и средства, которые имеются в нашем

употребить на эксплоатацию и выжимание соков из этих земель. Лишь тогда капитал мог бы достигнуть гигантских размеров.

Вот почему и реформисты стоят за мир.

Таким образом действительная цель движения за мир—порабощение рабочего класса, подчинение и эксплоатация слабых народностей. Вот что таится за этими прекрасными фразами.

Поскольку это национальное движение не является лицемерием и самообманом, оно реакционно.

Поскольку оно хочет прекратить борьбу, единственное средство развития бывшее до сих пор, оно реакционно.

Но как лицемерие и самообман и как средство к бывшему порабощению и эксплоатации это движение представляет из себя оборотную сторону империализма.

Пацифистское движение и империализм суть вещи одного порядка. Это—две стороны одного и того же явления.

Точно так же, как социальное законодательство, забота о рабо-

---

распоряжении для разрешения их. К применявшимся до сих пор присоединилась еще всеобщая стачка. Если после славных дней 1905 г. она отошла на второй план, это доказывает лишь... что было бы неумно стремиться применять ее при всех условиях.

В то время, когда империализм вырисовывался в дали, лишь как тень, как абрис, Каутский видел его, познавал и говорил о том, как надо с ним бороться. Когда же он, облеченный в плоть и кровь, предстал перед нами как нечто реальное, и Каутский, и радикалы обратились в бегство.

Впрочем, он и не понял, что империализм и империалистическая война объединяет всемирный пролетариат. Каутский думает,—и в этом он до сих пор остается теоретиком почти всей социал-демократии,—что интересы пролетариата различных стран в случае войны будут различны. На стр. 246 „Neue Zeit" от ноября 1914 г. он пишет:

„Самая большая опасность для Интернационала заключается, несомненно, в том, что каждая партия будет склонна стоять на национальной точке зрения...

Решение по этому критерию стоит, конечно, не так высоко, как согласно критерию интересов всемирного пролетариата. Но в настоящей войне этот критерий почти совершенно несостоятелен"...

Здесь ясно видно различие между Каутским и мною. Я думаю, что империализм показывает тожество интересов всемирного пролетариата, и что эта первая империалистическая мировая война служит тому доказательством.

чих есть обратная сторона все усиливающейся эксплоатации, все более интенсивного труда, все более острой классовой борьбы, так пацифистское движение и движение в пользу разоружения представляют из себя обратную сторону империализма. Но оно еще беднее результатами.

Подобно тому, как социальное законодательство есть средство против национальной классовой борьбы, так пацифистское движение есть средство против интернациональной классовой борьбы. Оно представляет из себя то же, что религия в мире, церковь в обществе, чувство по отношению к разуму, доброе начало по отношению к злому. Пацифистское движение и война есть два начала в обществе, покоящемся на эксплоатации, в котором побеждает злое начало.

Пацифистское движение есть попытка со стороны буржуазии и всех, кто идет вместе с ней, создать для капитализма такие условия при империализме и во время войны, чтобы он мог достигнуть полной власти, захвата всего мира.

Пацифистское движение есть попытка отклонить пролетариат от его задачи: при империализме, во время войны, в то время, как капитал занят еще выполнением своей задачи—распространением капитализма на весь свет,—завоевать власть, которая нужна для того, чтобы уничтожить капитализм и ввести социализм.

Пацифистское движение есть попытка иллюзией мира при капитализме сделать невозможным мир социалистический.

Пацифистское движение есть попытка буржуазии, реформистов и радикалов—теперь, когда пролетариат стоит перед выбором: империализм или социализм,—побудить пролетариат избрать первое.

Пацифистское движение есть попытка империализма, буржуазии, направленная против социализма пролетариата.

Безрассуден, глуп был бы пролетариат, который построил бы всю свою тактику на основании этого миража, на надежде на мир при капитализме! Обманщики те, будь то буржуа или социалисты, которые сознательно или бессознательно стремятся усыпить таким образом пролетариат! Он осудил бы себя этим на пассивность. Он опять, как теперь, осудил бы себя на удушение империализмом и войной, его развитие было бы опять подавлено, распылено. Ему бы опять пришлось перенести поражение и урон.

И был бы снова приведен к гибели.

Пролетариат должен прислушиваться не только к теории, но и к действительности. Он должен принимать во внимание руководящую силу, крупный капитал. Земля содрогнется от новых войн, которые последуют за настоящей. Разверзнутся новые пропасти. Раздастся канонада новых сражений.

Если Англия, Франция и Россия победят, они сделаются владыками Аравии, Месопотамии, Сирии и Армении, может быть, Босфора, а, вероятно, и немецких колоний.

На продолжительное время Германия не сможет стерпеть этого.

Она начнет снова вооружаться и стремиться к новым союзам.

Если победа останется за Германией, она завладеет Бельгией, Польшей, может быть, северной частью Франции, французскими и бельгийскими колониями и обеспечит себе господство в Турции, Малой Азии, Месопотамии и Аравии, а тем самым овладеет и сухопутным путем в английскую Индию. Этого не сможет потерпеть Англия.

Она начнет снова вооружаться, а также Франция и Россия.

Если ни одна из этих стран не победит, тем усиленнее примутся все они за вооружение.

Непосредственно после этой войны начнется вооружение, которого еще никогда до сих пор не видел свет.

Все останется по-старому: и империализм, и стремление каждой нации вооружиться лучше других, и война.

Настоящая война, мы говорили уже об этом в начале этой брошюры, чревата новой войной, новым империализмом, новым, более сильным вооружением. Все капиталистические государства как крупные, так и мелкие, а также те, которые только еще становятся или стремятся стать капиталистическими,—все они подкарауливают, подобно хищному зверю, свою добычу, готовясь броситься на нее, т. е. на слабые народности и друг на друга, страстно желая кровопускания пролетариату как своей, так и других наций.

И если все то, за что ведется война теперь, вновь будет перерешаться, тогда встанет угроза новых войн.

Балканский вопрос еще не решен окончательно. Национальности Австро-Венгрии тоже еще не чувствуют под собой прочной почвы.

Россия не имеет еще свободного выхода в Атлантический океан, Германия еще недостаточно сильна, Англия еще слишком

сильна. Достаточно сопоставить названия нескольких стран, чтобы быть уверенным в новых поводах к войне и в неизбежности вооружения: Германия и Голландия и Бельгия,—Россия и Скандинавия,—Австро-Венгрия и Балканы,—Италия и Балканы и Греция, Турция,—Абиссиния, — Египет, — Персия, — Центральная Азия, Китай, Монголия,—Британская, Французская и Нидерландская Индия,—Центральная и Южная Африка,—Мексика и Центральная Америка, возможно и Южная Америка,—и наконец, последние по месту, но не по важности, вновь образующиеся капиталистические крупные государства; Соединенные Штаты, Россия и Китай.

Положение еще напряженное, равновесие еще не установлено. А капитал растет. Необходимость экспансии и в то же время необходимость независимости растет повсюду.

И интересы различных групп сталкиваются между собой. Так будет продолжаться долгое время, долгие, долгие годы, повсюду, во всех частях света.

В этом не может быть сомнения, как нет сомнения в развитии империализма. Экспансия капитала сильных народностей сталкивается со стремлением к независимости и самостоятельности слабейших и не обладающих еще достаточной силой народностей. Столкновение это происходит между различными частями капитала. Назревает грандиозное мировое столкновение капиталистических сил, могущественных наций между собой, могущественных со слабыми, одних союзов наций с другими. Мы стоим перед угрозой целого ряда войн и несомненно грандиозных вооружений по всему миру.

Благодаря вооружению и войне, пролетариат подвергнется угнетению и истреблению в таком количестве и в такой степени, как никогда ранее.

Империализм продолжает развиваться, война продолжает свирепствовать.

И снова встает вопрос: что будет делать пролетариат? Пролетариат, который является единственным носителем мира, который один только имеет повсюду одинаковые интересы, который один только может достигнуть в настоящий исторический момент мира, уничтожив капитализм, а вместе с ним и империализм.

В Западной Европе, особенно в Англии и Германии, перед пролетариатом стоит выбор: империализм или социализм.

Откажется ли пролетариат впредь служить орудием в руках империализма?

Откажется ли он подвергать себя все новой опасности удушения и истребления ради барыша магнатов капитала и всех вообще капиталистов?

Что будет делать пролетариат?

Что будут делать рабочие?

Пойдут ли они так далеко, сделаются ли они настолько сильными, чтобы добиться социализма и мира при империализме? Будет ли у них достаточно силы для этого?

Смогут ли они, пока капитал не сделался еще международным, превратиться в международную силу?

Произойдет ли последнее скорее, чем интернационализация капитала?

Возможно, потому что хотя капитал не международен в отдельных национальных частях, тем не менее, как целое, враждебен интересам международного пролетариата. Капитал представляет угрозу для пролетариев всех стран в одинаковой степени, следовательно, в международном масштабе, благодаря империализму и империалистической войне, угрозу долгих лет бедствий, угнетения, упадка, смерти и гибели.

Капитал должен стремиться распространять сферу своего влияния и может выполнить это лишь путем убийства миллионов пролетариев.

Пролетариат не может терпеть этого.

Вот в чем заключается конфликт, который может вызвать революцию.

Империализм может превратиться в оковы, которые капитал накладывает на свои производительные силы и которые должны быть разбиты в первую голову.

Уничтожение его собственных живых и мертвых производительных сил путем войны может вызвать кризис, который повлечет за собой революцию. Таким образом, пролетариат может готовиться к международному и национальному выступлению.

Теперь, когда цари и капиталисты уничтожили миллионы рабочих, когда грядущая экономическая нужда, тяжелое политическое рабство, непомерное вооружение и грядущая новая мировая война ставят угрозу новой бойни во всех странах, во всех частях света,—

когда во всех странах все партии голосуют за эту бойню, стремятся к ней, — представляется такой случай к революционному выступлению всего международного пролетариата, какого никогда еще не представлялось.

Пролетариат может стать международным, путем борьбы.

Но для этого необходимы огромная духовная и моральная сила, большая доля идеализма и сильная организация.

Но разве в большинстве стран мы уже не имеем на-лицо такой организации?

Задача лишь в том, чтобы наполнить ее новым международным духом, новой духовной и моральной силой.

Пролетариат стоит на распутьи вследствие этой первой империалистической мировой войны, всей империалистической политики и ряда вооружений и войн, которые последуют за этой первой войной [1]).

Перед ним открыты два пути.

Один путь, на который его зовут реформисты и радикалы. Это—путь соглашательства с империализмом и буржуазией. Путь, который на практике ведет к войне и только на словах—к миру; который в действительности отстаивает нацию и ее могущество, а по видимости мир; на деле быть националистом, шовинистом и империалистом, а на словах — интернационалистом. Поступать, следовательно, так, как поступали во время этой войны.

Пролетариат может избрать и изберет, может быть, этот путь.

Если пролетариат изберет этот путь, в политическом и экономическом движении его наступит громадный застой и регресс. Бесконечно больший, чем тот, который пролетариат переживал уже перед этой войной и который непрерывно возрастает. Ибо тогда создастся следующее положение:

Каждое государство, становящееся все более и более шовинистическим и империалистическим, — играет ли оно роль нападающего или защищающегося, — вооружается все сильнее. Демократия гибнет под давлением милитаризма.

---

[1]) Маркс не предполагал, что перед пролетариатом будет стоять выбор: империализм или социализм. И подобно тому, как он не дооценил силу экспансии капитала, также недооценил он и экономическую и духовную силу, которая нужна пролетариату для того, чтобы победить.

Тогда это не могло быть иначе.

Ввиду того, что все имеющиеся в наличности деньги тратятся на милитаризм, никакие социальные реформы невозможны. Поэтому буржуазия, реформисты и радикалы и сулят так много. Пролетариат верит им, следует за буржуазией и за этими вождями и совершенно ослабляется и деморализуется.

Но так как причины и следствия империализма, явления сопровождающие его,—крупные картели, значительные союзы предпринимателей и крупная финансовая буржуазия,—усиливаются вместе с империализмом, экономическая борьба пролетариата также значительно затрудняется. Значительная задолженность тяготеет над народами. Ввозные пошлины и косвенные налоги растут, дороговизна увеличивается, кризисы становятся острее и, несмотря на периоды промышленного процветания, реальная заработная плата падает. Таким образом, пролетариат не добивается никаких реформ, ни политических, ни экономических. Но, так как пролетариат приспособляется к империализму, политическая борьба становится бессмысленной и прекращается. Пролетариат теряет всякую веру в себя, видя, что социал-демократия не борется с империализмом, центральной силой капитала. Он превращается в массу, рабски подчиненную господину, массу, лишившуюся всякой энергии, всякого идеализма, в массу, которая рабски стремится лишь к непосредственным материальным выгодам и представляет из себя добровольное орудие в руках империализма. Низменная национальная масса на службе у нации, без социализма, без интернационализма, без интернациональной политической борьбы, которая одна только может теперь воодушевлять социалистический пролетариат. Пролетариат окутывается вместе с буржуазией туманом лицемерного стремления к миру в то время, как оба знают, что они подготовлены к войне, а говорят об интернационализме и о мире. И снова встают угрозы войны и, может быть, сразу, может быть, как близкое следствие, войны во всем мире или в отдельных частях света. Благодаря всему этому пролетариат ослабляется не только духовно, но и морально. Подобно тому, как в новой истории, в начале XIX столетия в Англии, создается пролетариат, хотя стоящий и на более высокой ступени развития, чем тогда, но такой же бессознательный, деморализованный, который то работает, то питается милостыней, то посылается на бойню.

Вместо гордого, сильного, борющегося пролетариата создается

рабский, глубоко придавленный картелями, крупной финансовой буржуазией, всемогущими правительствами, империализмом, — новый пролетариат без воли, без энергии, без идеала.

Классовая борьба его ничтожна. От времени до времени добровольно следующие за буржуазией рабы получают вознаграждение, которое их еще более деморализует,— все остальное является пустыми словами и хвастовством. Весь пролетариат обессилен. И таково положение во всей Европе.

Но пролетариат может избрать и иной путь.

Он может начать борьбу с империализмом.

Он может объявить борьбу национализму буржуазии и национализму в своих собственных рядах.

Он может стать международным на деле.

Он может побороть в национальных рамках империалистический национализм буржуазии и рабочих.

Он может в первую голову согласовать свою национальную политику с новыми силами капитализма и империализма. Он может для этой цели уничтожить ревизионизм и радикализм типа Каутского.

Он может бороться в интернациональном масштабе с войной и мировым империализмом, империализмом всех наций.

Он может для этой цели создать новый Интернационал [1]).

Если пролетариат вступит на этот путь, он будет все более прогрессировать в своем развитии. Он может достигнуть такой силы и крепости на этом пути, какой он еще никогда не достигал и по сравнению с которой вся его предыдущая деятельность покажется ничтожной.

Ибо в то время, как империализм и капитализм все более распространяют свое влияние на весь мир путем более сильного вооружения и более упорной борьбы, борьба пролетариата также даст ему возможность достигать все большей силы.

Благодаря тому, что он не уступает империализму, что он постоянно самым решительным образом противодействует империализму и войне, он добивается в рамках нации тех политических реформ, которых еще возможно добиться.

Так как пролетариат видит, что социал-демократия не боится

[1]) Возможно, что он возникнет из старого. Это зависит от хода развития во время войны и после войны.

нападать на самую сильную крепость, на величайшую силу капитала—империализм, то он приобретает больше уверенности в своих силах. С бо́льшей уверенностью действует он и против других крепостей капитала: картелей, синдикатов, союзов предпринимателей, и сила профессиональных союзов благодаря этому возрастает. И они добиваются тех реформ, которых возможно еще добиться.

Но так как империализм, империалистическое правительство, картели и союзы предпринимателей представляют из себя единое целое, единую организацию, единую волю, цель и силу,—то борьба против них должна быть также едина. И то, к чему пролетариат так давно стремится,—полное единство политической и профессиональной борьбы,—будет достигнуто само собой благодаря империализму и благодаря неустрашимой борьбе против него.

Постоянной, упорной, ни перед чем не останавливающейся борьбой против империализма международный пролетариат увлечет за собой всех рабочих даже и неорганизованных.

Таким образом он превратится в силу, которой буржуазия будет бояться и ради которой не решится начать войну. А так как эта борьба будет вестись в международном масштабе, Интернационал превратится действительно в международное объединение, организованное, как одно международное целое.

Массы, отдельные индивидуумы и рабочие будут освобождены, путем международного выступления масс, от всего мелочного, достигнут, стремясь к возвышенной цели рабочих, такой высоты, наряду с которой поблекнет сила великих революционных периодов буржуазии.

А так как капитализм не может потерпеть, чтобы его экспансия, его империализм тормозился пролетариатом, эта борьба международного пролетариата превратится сама собой в борьбу за социалистическое общество.

И кто сможет нам тогда противостоять?

Такого быстрого подъема пролетариат достигнет в том случае, если он выберет второй путь, если он создаст новый Интернационал для этой борьбы против империализма.

Эта война, повторяем, есть то пламя, из которого создастся этот новый Интернационал.

Этот новый Интернационал должен быть создан.

Этот новый Интернационал должен возникнуть.

Мы, марксисты, сделаем все для того, чтобы он возник.

Новый Интернационал возможен. Он необходим, ибо он создается в процессе развития классовой борьбы и из развития капитализма, совершающегося на наших глазах.

XI.

Новый Интернационал.

Что найдут рабочие во всех странах, Германии, Англии, России, Франции, Австро-Венгрии, Италии, когда они вернутся с войны домой? Они найдут пустые места там, где раньше были их братья, отцы и товарищи. Они увидят вдов и сирот. И везде, во всех странах они встретят нищету.

Мы надеемся, что многие из них поймут тогда, каким целям служила война.

И мы выражаем горячую надежду на то, что во всех странах, как побежденных, так и победителях, революция покарает всех, кто виноват в этих бедствиях; свергнет власть господствующих классов, палачей народов, убийц европейских рабочих.

Что ждет их по возвращении домой?

Безработица и тяжелая нужда. Гигантские капиталы уничтожены, сырье нельзя купить. И как ни велика эластичность капитализма, она все же, вероятно, не сможет быть настолько большой, чтобы быстро преодолеть ту разруху, которую создали капиталисты. Большие тяготы лежат на каждом государстве и на всех его членах. Уже теперь (в сентябре 1915 г.) проценты и долги Германии составляют большую сумму, чем весь государственный бюджет в 1913 г.

Откуда взять во всех странах средства, чтобы покрыть эти долги? Все эти тяготы взвалят также на рабочих, которые экономически будут, вероятно, доведены до гибели.

Правда, возможно, что рабочим будут даны некоторые политические права, подачки, чтобы развратить рабочих, но никогда не будут эти права настолько велики и значительны, чтобы капитали-

сты не смогли свести их на-нет благодаря экономической придавленности рабочих.

Капиталисты постараются ввиду падения их прибылей вознаградить себя более сильной эксплоатацией и понижением заработной платы. У профессиональных союзов не будет достаточно силы для того, чтобы противодействовать работодателям.

Крупные магнаты, у которых государство находится в такой задолженности, и вообще капиталистические партии постараются отменить существующие теперь законы рабочего законодательства.

В государствах, на которые будет наложена контрибуция, положение будет отчаянным. И вследствие безработицы рабочие вынуждены будут во всех странах вести борьбу за существование.

Каким же оружием воспользуются они для этой борьбы? Выступлением масс. Революционно-национальным выступлением масс.

Только профессиональная, только парламентская борьба достигла бы слишком малого результата.

То, чего рабочие не хотели сделать перед войной, чтобы воспрепятствовать ей и всем бедствиям, то должны они будут сделать теперь. Наша тактика сделается неизбежной сама собой.

Во всех или в большинстве национальных государств революционное выступление масс сделается необходимым оружием борьбы.

Время насильственной массовой борьбы, момент революций, приближается.

Но все эти национальные революционные выступления представляют из себя лишь отдельные этапы борьбы. С каким нетерпением мы ни стремимся к ним, с какой полной уверенностью ни ожидаем их, как ни велико значение их и тех последствий, которые они будут иметь, все же они незначительны по сравнению с тем, что за ними последует.

Ибо на-ряду с бедствиями, смертью, угнетением возникает новый милитаризм, новое вооружение и, наконец, новая война.

Новая мировая война Германии и Англии, а вместе с ними и всех крупных держав за мировое господство.

Для этой цели капитализм, империализм побудит все государства начать вооружаться тотчас после этой войны.

А тогда настанет время для международного выступления масс.

Если пролетариат не хочет превратиться в

массу, подчиненную капиталистам, гибнущую духовно и экономически, он должен теперь в наступающий период начать международное массовое выступление.

А для того, чтобы это массовое выступление было возможно, должен быть основан новый Интернационал.

Пока мир не нарушен, этот Интернационал должен насколько возможно применять международное выступление масс против вооружения.

Он превратит тогда борьбу против империализма в ось, вокруг которой будет вращаться политика его национальных частей, в центральный пункт своего международного выступления.

Подобно тому, как в борьбе различных империалистических государств друг против друга руководство будет принадлежать Германии и Англии, так и в этой борьбе, мы надеемся, пролетариат Германии и Англии возьмет на себя руководство ею [1]).

Новый Интернационал должен, по крайне мере, поскольку это касается организованных рабочих, сделать это выступление масс сознательным, планомерным и организованным.

Подобно тому, как империалистические крупные государства подготовляются для борьбы, так должен вести эту подготовку и Интернационал, проводя ее с такой же энергией, решительностью и направляя все силы на достижение одной цели.

Должен возникнуть Интернационал, равный капитализму в его высших формах и настолько же развившийся.

И при приближении войны, второй великой мировой войны, в новом Интернационале мировой пролетариат, по крайней мере часть его, будет во всеоружии, чтобы бороться с международным империализмом путем международного выступления масс.

Международное выступление масс есть то оружие, которым пролетариат победит империализм и осуществит социализм.

Этот новый Интернационал возможен. Он необходим, потому что вытекает также из общего развития капитализма, совершающегося перед нашими глазами.

---

[1]) Это руководство будет возможно благодаря введению в стране милитаризма, который теперь в Англии неизбежен.

И мы все отчетливее приучаемся различать две фазы в современном капитализме.

Первая фаза, это—период свободной конкуренции. Образование национальных государств. Капиталисты эксплоатируют рабочих их национальностей. Колонии служат лишь для торговли.

Соответственно этому положению рабочие объединяются в национальном масштабе. В партии и в профессиональный союз. Интернациональные вопросы колониальной политики их не интересуют. Это—фаза, которая уже пройдена нами.

Вторая фаза, это—фаза монополии. Конкуренция исчезает. Крупный банк становится центральным руководителем промышленности, торговли, земледелия. Хотя и медленно в начале, она становится все более и более международной. Экспансия капитала происходит по всей земле. Образуются картели, тресты и синдикаты. В связи с этим обостряется и классовая борьба. Союзы работодателей становятся чрезвычайно сильными. Социальное законодательство приостанавливается.

В этой фазе рабочие союзы должны создать крупные промышленные союзы, и политическая борьба рабочего класса принимает более обостренные формы. Выступление масс направляется против союзов работодателей, синдикатов и правительств.

В начале это выступление происходит в национальных рамках и направляется лишь против национального угнетения, против застоя рабочего законодательства, ухудшения национальных условий жизни.

Но с развитием империализма крупные державы стремятся к увеличению своих областей. По видимости империализм имеет лишь национальную тенденцию, борется лишь с пролетариатом своей нации, в действительности же, в виду того, что все государства империалистические, все борятся друг с другом и за мировое господство, и он ведет борьбу, как нечто целое против всего всемирного пролетариата.

И как ответ на это первое общее выступление всемирного капитала против всемирного пролетариата должно начаться первое международное выступление пролетариата.

В более ранние годы национальные профессиональные союзы противостояли разделенному по производствам и нациям союзу работодателей.

Позднее национальные союзы работодателей противостояли национальным объединениям профессиональных союзов.

В более поздний период национальному правительству противостояла национальная партия.

Теперь, в настоящий период, на-ряду с этими организациями, интернациональному тресту, интернациональному банковому капиталу противостоит мировое объединение профессиональных союзов. Империализму, политике всех государств противостоит новая международная партия, противостоит национальное и международное выступление масс.

Вот фаза, в которой мы живем.

Осуществление этой идеи, превращение ее в действие, проведение ее на практике должно стать содержанием нового Интернационала, который должен создаться из старого в результате данной войны.

Все рабочие, которые чувствуют, что всем новым явлениям нашего времени надо противопоставить на-ряду с революционной профессиональной борьбой и революционной парламентской борьбой этот, воистину новый Интернационал и выступление масс,—должны принять участие в его создании и примкнуть к тому направлению рабочего движения, которое стремится к этому.

Революционное выступление масс всемирного пролетариата против всемирного капитала должно стать программой, душой, волей и действием нового Интернационала.

Все вожди, все рабочие, которые в национальных партиях всего мира чувствуют и сознают, что Интернационал должен выполнить это,—должны объединиться как в национальную, так и в международную партию, создать общими силами организацию для пропаганды этой идеи и для организации этого выступления.

Программа этой организации должна быть следующая:

Пока империализм и мировая война представляют угрозу для пролетариата, пока мирное развитие борьбы рабочего класса не обеспечено:

не заключать никаких союзов и соглашений с какой-либо буржуазной партией;

не занимать никакого ответственного поста от имени пролетариата;

превратить империализм в ось, в основной пункт национальной

и интернациональной политики; отклонять все кредиты на милитаризм и империализм даже и в случае войны;

бороться с империализмом и со всеми сопутствующими империализму явлениями, как затруднением профессиональной борьбы, застоем в области рабочего законодательства, нарушением политических прав, на-ряду с обычными средствами профессиональной и парламентской борьбы, также путем национального выступления масс;

бороться с империализмом и войной путем массового выступления международного пролетариата.

Вот к чему мы призываем международный пролетариат.

Цена 55 руб.

Указанная на книге цена ниjем не может быть повышена.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва 1920.

